

SANGHARAKSHITA

**«WHAT IS THE SANGHA? —
The nature of Spiritual Community»**

Windhorse Publications, 2000

«ЧТО ТАКОЕ САНГХА? — Природа духовной общины»

САНГХАРАКШИТА

Что такое Сангха? — Природа духовной общины, Сангхаракшита
(Денис Лингвуд)

ISBN: 978-1-291-18407-5

Перевод с английского: Е. Жаркова

Первое издание — 2012 © Суваннавира (Андрей Пашкевич)

Веб-сайт: <http://buddhayana.ru>

e-mail: talkto@buddhayana.ru

Обложка: «Танец», Анри Матисс. © Фотограф - Pablo opr.

http://commons.wikimedia.org/wiki/File:La_danza.jpg

Работа распространяется по свободной лицензии Creative Commons Attribution-Share Alike 3.0 Unported.

What is the Sangha: the Nature of Spiritual Community, Sangharakshita
(Denis Lingwood)

ISBN: 978-1-899-57931-0

2000 © Sangharakshita, Windhorse Publications, Cambridge, UK

Website: <http://www.windhorsepublications.com>

E-mail: info@windhorsepublications.com

*Этот перевод «Что такое Сангха? — Природа духовной общины»
публикуется по договоренности с Windhorse Publications.*

ОБ АВТОРЕ

Сангхаракшита родился под именем Деннис Лингвуд в Южном Лондоне в 1925 году. Он большей частью обучался самостоятельно, у него рано развился интерес к культуре и философии Востока, и уже в шестнадцать лет он осознал себя буддистом.

Во время Второй мировой войны он был призван на военную службу и попал в Индию, где он и остался, став буддийским монахом Сангхаракшитой. Проучившись несколько лет под руководством ведущих учителей основных традиций буддизма, он начал много учить и писать. Он также сыграл ключевую роль в возрождении буддизма в Индии, особенно благодаря его работе среди последователей доктора Б.Р. Амбедкара.

Прожив в Индии двадцать лет, он вернулся в Англию и в 1967 году основал Буддийскую Общину «Триратна», а в 1968 году – Буддийский Орден «Триратна». Глубина опыта и ясность мышления Сангхаракшиты как посредника между Востоком и Западом, миром традиций и современностью, принципами и практиками, получили признание во всем мире. Он всегда особенно подчеркивал решающее значение преданности в духовной жизни, первостепенную важность духовной дружбы и общины, связь между религией и искусством и потребность в «новом обществе», где духовные идеалы и стремления находили бы поддержку.

Сегодня Буддийская Община «Триратна» – международное буддийское движение с более чем шестьюдесятью центрами на пяти континентах. В последние годы Сангхаракшита передал большую часть своих обязанностей старшим ученикам, членам Ордена. Теперь, находясь в своей резиденции в Адхистхане, Теперь, находясь в своей резиденции «Адхистхана» в Великобритании, он сосредоточился на личном общении с людьми и писательской деятельности.

Часть 1.

Введение: группа и духовное сообщество

Я впервые познакомился с буддизмом в тридцатых годах, когда мне было десять или одиннадцать лет¹. То, что я узнал из нескольких статей энциклопедии, в то время не слишком меня впечатлило. Однако, когда мне было шестнадцать, я прочитал два буддийских текста, которые назывались «Алмазная сутра» и «Сутра Вея Ланга», и это действительно произвело на меня сильное впечатление. На самом деле, рискну даже сказать, что благодаря им у меня появился первый проблеск того, что в буддийской традиции известно как совершенное видение, первое непосредственное проникновение в истинную природу реальности. Начиная с этого момента, я стал считать себя буддистом, но только через два года я начал общаться с другими буддистами. Два года я самостоятельно читал о буддизме, изучал его, пытался понять и даже время от времени писал о нем. Я прочитал все, что мог достать из того, что могло пролить на него свет, включая сведения из многих других духовных традиций.

С тех пор буддизм на Западе ушел далеко вперед. К примеру, никогда ранее в мировой истории у человека не было возможности собрать на своей полке переводы классических текстов великих духовных учений Запада и Востока в дешевом издании и читать их в свое удовольствие. Все эти духовные традиции и учения внезапно оказались в одном плавильном котле, взаимодействовали и влияли друг на друга. И хотя в наши дни есть огромное множество буддийских организаций, многие люди, по-видимому, все же впервые встречаются с учением Будды посредством чтения: время личного контакта с другими буддистами наступает гораздо позже. Тем, кто живет в больших городах, вероятно, довольно просто найти буддийскую группу, но за пределами основных мегаполисов многим людям приходится продвигаться, насколько это возможно, в своей практике, полагаясь только на себя, и, может быть, в течение многих лет. Я встречал людей, которые читали о буддизме и даже пытались практиковать медитацию в течение десяти или пятнадцати лет, за все это время не встретившись ни с одной группой буддистов.

Мы обусловлены нашим опытом, особенно нашим ранним опытом: все, что с нами происходит, оставляет на нас тот или иной отпечаток – и это справедливо даже по отношению к нашему опыту буддизма. Если вы привыкли заниматься самостоятельным изучением, медитировать в одиночестве, предаваться собственным

размышлениям, не сверяясь с тем, что другие думают по этому поводу, и не общаясь с людьми подобных убеждений, вы можете задать справедливый вопрос о том, необходимо ли вообще присоединяться к какой-либо группе, даже к группе буддистов. Вам, возможно, будет казаться, что вы вообще не из тех, кто вступает в какую-либо группу.

Но, как я сам обнаружил, когда, наконец, встретился с другими практиками буддизма, контакт с другими людьми, идущими по буддийскому пути, совершенно меняет наши возможности на этом пути. На самом деле, Сангхе, духовному сообществу, с самого начала буддийской традиции уделялось столь же важное место, как и другим великим идеалам буддизма: Будде, который представляет собой идеал Просветления, и Дхарме, пути учения, который приводит к Просветлению.

Так как же присоединение к группе соотносится с идеалом духовного сообщества? Именно это мы будем исследовать в данной книге. В наиболее специфическом смысле термин «сангха» относится к мужчинам и женщинам, которые на протяжении буддийской истории обрели Просветление, следуя учению Будды. Слово «сангха» также используется в некоторых традициях буддизма по отношению к монашеской общине в отличие от мирян, но, вероятно, наиболее широко оно используется просто как обозначение буддийского сообщества в целом. Но, рассматривая вопрос «Что такое Сангха?», мы будем размышлять о сущностной природе сангхи – то есть, о природе взаимоотношений между отдельным буддистом и более обширным сообществом практиков буддизма. Как мы увидим, в идеале сангха состоит из развивающихся личностей, и ее цель не в том, чтобы стать могущественной организацией, группой, но в том, чтобы обеспечить продвижение отдельного человека к конечной цели – освобождению на благо всех существ.

Для того, чтобы исследовать природу сангхи в подобном аспекте, нам нужно будет рассмотреть несколько основополагающих вопросов. Например, в чем разница между группой и духовным сообществом? Что означает быть личностью? Первая часть этой книги посвящена проведению различий между группой и духовным сообществом и включает в себя краткую историю духовных сообществ, как буддийских, так и небуддийских, а также основы определения личности.

Во второй части мы сосредоточимся на подлинной личности – то есть

на том, что значит быть подлинным человеком в контексте эволюции сознания, и исследуем различным образом качества, присущие личности.

Как мы увидим, в наиболее широком смысле можно сказать, что суть сангхи в установлении контакта, в отношениях. Следовательно, в третьей и последней части этой книги мы рассмотрим, по крайней мере, бегло (это обширная тема) этические предпосылки отношений буддиста с другими людьми: друзьями, супругами, семьей, коллегами и духовными учителями. И, наконец, в завершающих главах мы вкратце коснемся отношений отдельного буддиста с духовным сообществом мира в целом, или, по крайней мере, приоткроем возможности того, как буддийская сангха может сыграть свою роль в улучшении той глобальной ситуации, в которой мы находимся.

Глава 1. Драгоценность Сангхи

Три самые драгоценные вещи

В каждой религии или духовной традиции есть определенные концепции, символы, вероучительные формулы и идеалы, которые воплощают ее высочайшие ценности. Сангха – один из трех идеалов, которые составляют сердцевину буддизма, и я хотел бы начать с рассмотрения ее в этом контексте.

Первый из этих идеалов – идеал Просветления, состояния мудрости, неотделимой от сострадания, и сострадания, неотделимого от мудрости, интуитивного понимания окончательной реальности в ее абсолютной глубине и всех ее проявлениях. Этот идеал представлен не каким-либо божеством, не «Богом» или пророком, не воплощением сына Бога, но и не просто мудрым и сострадательным человеком, а человеком, которого стали называть Буддой. Исторический Будда был обычным человеком, который ценой собственных усилий преодолел человеческие ограничения и стал для буддистов символом самой реальности. Принять «Драгоценность Будды» в качестве идеала – значит признать, что она важна лично для нас и что мы сами можем стремиться к обретению Просветления. Короче говоря, Будда показывает нам, кем мы можем стать.

Второй великий идеал буддизма – Дхарма. У самого этого слова есть такое количество значений, которое может привести в замешательство – среди них «признак», «закон», «принцип», «обычай», «практика», «традиция», «долг» и «конечный элемент существования»². Но здесь оно обозначает путь к Просветлению – совокупность всех тех практик, ритуалов, методов и упражнений, которые помогают нам в достижении Просветления.

Такой способ определения учения Будды является центральным для более или менее ясного понимания буддизма. Будучи буддистом, очень просто впасть в привязанность к доктринам и начать говорить: «Делать вот так и вот так – это буддизм». Но кто-нибудь, принадлежащий к другой школе буддизма, мог бы сказать как раз противоположное. Например, некоторые буддисты скажут: «Все зависит от ваших собственных усилий», а другие возразят: «Любое усилие, которое вы совершаете, поддерживает силу вашего омрачения – вам нужно просто осознать, что нет «я», которое делает усилия». Так как же нам разобраться в этих противоречивых утверждениях? Как нам подобраться к тому, что Будда действительно намеревался передать?

К счастью для нас, этот вопрос возник у одной из учениц самого Будды, его старой кормилицы и тети Махапраджапати, потому что различия во мнении относительно того, чему на самом деле учил Будда, существовали уже тогда. Несомненно, она могла напрямую обратиться к источнику этих различных путей понимания Дхармы. Она спросила у самого Будды: «Как нам распознать, что является Дхармой, а что нет?» И он ответил: «Это очень просто. Если учения, будучи применены на практике (если о них не рассуждают, а *практикуют* их), приводят к таким вещам, как отрешенность, уменьшение мирских приобретений, бережливость, удовлетворенность, терпение, сила и удовольствие от благого, – это, можешь быть уверена, моя Дхарма. А противоположное этому – не моя Дхарма»³.

Здесь Будда точно обозначает цели духовной жизни – это не расплывчатая, субъективная фантазия, – и средства достижения этих целей должны быть столь же точными. Вот почему Будда в другом месте описывает Дхарму как плот⁴: без нее нет средства пересечь бушующий поток цепляния, ненависти и замешательства, но все же это только средство – это не цель сама по себе. Как только плот, так сказать, перенес вас к Просветлению, его можно отвергнуть, он больше не имеет пользы лично для вас.

Буддисты Махаяны сделали из совета Будды, данного Махапраджапати, важное заключение. Приняв один из каменных заветов великого индийского императора Ашоки, который гласит: «Все, что сказал Будда, сказано хорошо», они перевернули его. «Что бы ни было сказано хорошо (*сувачана*), – говорится в Махаяне, – это является словом Будды (*буддавачана*)»⁵. Это, несомненно, означает, что мы должны очень осторожно относиться к тому, что мы считаем «сказанным хорошо». Осторожность, с которой следует толковать Дхарму, можно выразить, переводя это слово как «истинная правда». Подлинное выражение Дхармы всегда выражает истинную правду о человеческом существовании. Это второй великий идеал буддизма – Дхарма.

Теперь мы можем сосредоточиться на нашей основной теме, третьем великом идеале буддийской жизни, Сангхе. Слово «*сангха*» означает «объединение» или «общество». Это не исключительно буддийский термин – он употребляется во многих древних и современных языках Индии. Однако в контексте буддизма сангха в ее широчайшем смысле – идеал духовного сообщества, братство тех, кто в целом следует общему пути к окончательному достижению одной и той же цели.

Возможно, вас удивит, что духовному сообществу нужно придавать такую важность – в действительности, такую же, как самому идеалу Будды и учения Будды. Но с самого начала Будда ясно давал понять, что сангха обладает высочайшей важностью. Он придавал большое значение своим ученикам, особенно Просветленным ученикам, настаивая, что любые почести, которые отдаются ему, следует разделить с ними. Однажды кто-то захотел поднести ему довольно ценные одеяния, и он ответил: «Нет, не подносите их мне, поднесите их сангхе – заслуги от такого подношения будут выше»⁶. Подлинное значение этих слов – не в указании на то, что к членам сангхи нужно относиться как к важным персонам. Скорее, они подчеркивают огромную ценность, которой Будда наделял духовную общину и особенно духовную дружбу. Как мы увидим – и, надеюсь, сможем почувствовать – духовная дружба, как сказал Будда, является основой всей духовной жизни.

Идеалы Будды, Дхармы и Сангхи известны на санскрите как «*триратна*», Три Драгоценности или (как передают это китайские переводчики) три самые драгоценные вещи. Их называют так, потому что в контексте буддийской традиции они воплощают высшие ценности существования – или три аспекта одной абсолютной ценности. Все остальное имеет значение только в соотношении с ними. Все остальное присутствует только ради той сущности, реальности, которую они символизируют. Любой аспект буддийской практики, который вы только можете вообразить, связан с одной или несколькими из этих Трех Драгоценностей. Они следуют друг за другом в определенном порядке. Драгоценность Будды появилась первой, когда Сиддхартха Гаутама обрел Просветление под деревом бодхи. Затем, спустя два месяца, когда он произнес первую проповедь для пяти своих давних друзей, пяти аскетов, в Оленьем парке в Сарнатхе, неподалеку от Бенареса, появилась вторая Драгоценность, Дхарма⁷. А Драгоценность Сангхи появилась последней, когда эти пять аскетов один за другим поклонились ему и сказали: «Прими меня в качестве последователя».

Эта модель чаще всего воспроизводится, когда буддизм появляется в новой части света. Например, в Европе Будда стал широко известен (хотя информация о нем и не была вполне достоверной) в конце XVIII века⁸. Постепенно сформировалось представление о том, что Будда был индийским учителем и что Будда, которого, например, почитают в Шри-Ланке, – тот же самый человек, который известен в Китае как «Фо». Но его учение, Дхарму, не изучали вплоть до середины XIX

века. И еще больше времени понадобилось, чтобы люди, заинтересованные в этом учении, начали образовывать буддийские общества, которые содержали в себе элементарные зачатки сангхи. Вероятно, старейшее из таких обществ – Буддийское общество на Экклстон-сквер в Лондоне, основанное в 1924 году. На самом деле, не все западные буддисты осознают важность сангхи для обеспечения условий, необходимых для поддержания плодотворной буддийской жизни.

Что такое буддийская жизнь?

Ответ на вопрос «Что такое буддийская жизнь?» можно дать одним словом. Это жизнь того, кто *предан*. Буддист – это не тот человек, который просто родился в буддийской семье или занимался академическими исследованиями буддизма и знает много о его истории и доктринах. Это также не тот, кто интересуется буддизмом поверхностно, немного узнал о нем и излагает во всеуслышание свои взгляды по этой теме, кто смешивает буддизм с христианством, ведантой или теми или иными идеями Нью-Эйдж. Буддист – это человек, который предан Трем Драгоценностям, кто «обращается к прибежищу» к ним (согласно традиционному выражению) и кто, выражая это Обращение к Прибежищу, стремится соблюдать этические наставления буддизма. Это самая суть вопроса.

Обратиться к Прибежищу в Будде означает принять Будду и никого другого в качестве окончательного духовного проводника и примера. Обращение к Прибежищу в Дхарме означает, что мы делаем все возможное, чтобы понимать, практиковать и реализовывать основополагающую сущность учений Будды. А Обращение к Прибежищу в Сангхе означает, что мы ищем вдохновения и руководства у тех последователей Будды прошлого и настоящего, которые духовно гораздо более продвинуты, чем мы сами.

Другое название Трех Драгоценностей – Три Прибежища (*тришарана* на санскрите)⁹. Отношение к Будде, Дхарме и Сангхе как к драгоценностям указывает на то, насколько они драгоценны. Но если вы на самом деле осознали их драгоценность, вам просто придется относиться к ним определенным образом согласно своему пониманию. Если вы на самом деле признаете ценность чего-либо, вы поступаете так, как будто это действительно так. Если вы убеждены в том, что Три Драгоценности представляют собой высочайшую ценность существования, вы будете поступать согласно этому

убеждению. Этот процесс, когда мы действуем согласно своим убеждениям, известен как Обращение к Прибежищу. Это равнозначно тому, что в других религиозных системах известно как «обращение в веру»¹⁰.

Слово «прибежище», которое является буквальным переводом изначального санскритского слова «*шарана*», не имеет таких оттенков значения, как побег, поиск способа избежать суровых реальностей жизни, затерявшись в псевдорелигиозных фантазиях. Скорее, оно представляет собой два огромных изменения в существе человека. Это, во-первых, осознание того факта, что постоянство, неизменное «я», ничем не омраченное блаженство и чистую красоту нельзя найти нигде в мирском существовании, а только в запредельном измерении нирваны, а, во-вторых, искреннее решение перейти из одного измерения в другое, от мирского к запредельному.

Во многих странах, где традиционно практикуют буддизм, эти глубинные изменения сердца нашли воплощение в церемонии под названием «принятие Прибежища». В этой форме они неизбежно превращаются в банальность. Любое публичное мероприятие, даже, как это ни прискорбно, политический митинг, начинается с того, что все «принимают Прибежище и наставления, то есть повторяют их, просто чтобы показать, что они хорошие буддисты. Еще один способ обесценить Обращение к Прибежищу – воспринимать его как нечто, что вы делаете раз и навсегда, подобно крещению в христианстве, поэтому предполагается, что когда вы «приняли Прибежище» от монаха, вы определенно стали буддистом.

Преданный буддист – это тот, кто обращается к Прибежищу или старается это делать постоянно. По мере того, как растет осознание ценности Трех Драгоценностей, Обращение к Прибежищу становится, соответственно, более глубоким. И иногда это приводит к удивительным результатам. Это может означать, что то, что сначала привело вас к буддизму, по мере продвижения в практике становится не более, а менее важным, поскольку ваше углубляющееся понимание замещает сравнительно искусственное признание ценности буддизма, которого было достаточно для того, чтобы ваш путь начался.

Например, человек, возможно, услышал, что, если христианство – религия веры, то буддизм – это религия разума, и именно это привлекло его в буддизме¹¹. Но потом, когда он более глубоко погружается в него, он обнаруживает, что все совсем не так. Он понимает, что, несмотря на то, что разуму в буддизме отводится

определенное почетное место, он ни в коей мере не является главным принципом. Но он остается буддистом, потому что зашел достаточно далеко, чтобы не только отвести разуму полагающееся ему место, но и обнаружить, что другие аспекты буддийской практики чрезвычайно важны.

Таким образом, Обращение к Прибежищу – это опыт, духовный опыт, который постоянно углубляется и приобретает новые измерения. Человек принимает идеал Просветленного человечества, нашедший пример в историческом Будде, и понимает, что он все больше и больше значим для него лично; он принимает этот идеал в качестве своей личной жизненной цели, все более близкой его сердцу; он пытается практиковать Дхарму таким образом, чтобы все более эффективно воплощать этот идеал.

Знаменитого индийского учителя по имени Свами Рам Дас, который умер в начале шестидесятых, однажды спросили: «Почему столь многие люди, вступающие на духовный путь, на самом деле никуда не продвигаются? Хотя они идут по пути год за годом, кажется, что они стоят на месте. Почему?» Его ответ был простым и бескомпромиссным. «Есть две причины, – ответил он. – Во-первых, они не определили точно конечную цель, над которой они хотели бы работать. Во-вторых, они не определили точно путь ее достижения».

Что касается буддизма, эта цель – состояние Будды, а путь к ее достижению – Дхарма. Это две необходимых составляющих духовной жизни буддиста. Возможно, их и достаточно. Почему же тогда нам следует также обратиться к Прибежищу в Сангхе? Как Обращение к Прибежищу в духовной общине помогает нам?

Зачем мы обращаемся к Прибежищу в Сангхе?

Говорят, что историю буддийской философии можно свести к борьбе между буддизмом и абстракцией. Поэтому, чтобы защититься от этого вездесущего врага, абстракции, нам нужно ясно осознавать, что, когда мы говорим о духовной общине, мы не имеем в виду некое нематериальное единство, рассматриваемое отдельно от людей, которые его составляют. Членство в общине означает отношения с людьми внутри этой общины. Теперь мы можем задать вопрос по-другому: как происходит, что завязывание отношений с другими людьми, которые придерживаются того же идеала и следуют тому же пути, помогает нам в нашей духовной жизни?

В каком-то смысле, все сводится к простому изречению: «Птицы по оперенью слетаются в стаю». Именно это позволяет им выжить. Однажды Будда произнес речь перед Вадджиянами, племенем из области Вайшали, которому угрожала какая-то опасность. Среди прочего, он сказал вадджиянам, что они будут процветать, пока будут продолжать регулярно и часто собираться всем племенем, выполняя свои обязанности в гармонии и расставаясь в гармонии. Впоследствии он стал применять тот же критерий к духовному выживанию сангхи¹².

Сердце сангхи – *кальяна митрата*, очень красивая фраза; на самом деле, это не столько философский термин, сколько поэтический. «Кальяна» означает нечто красивое, очаровательное, благоприятное, полезное, благое с нравственной точки зрения. Таким образом, это слово несет эстетические, нравственные и религиозные оттенки. Этот термин означает примерно то же, что и греческое выражение «*калон каи агафос*» – «добрый и прекрасный». «*Митрата*» означает просто «дружба» или «товарищество». «*Кальяна митрата*», следовательно, означает нечто вроде «прекрасной дружбы», «нравственно благой дружбы» или, как я это перевожу, «духовной дружбы». Есть известный диалог между Буддой и его учеником Анандой, который отражает ее важность в глазах Будды. Ананда был двоюродным братом Будды и сопровождал его последние двадцать лет жизни Будды. Он повсюду следовал за Буддой, и они договорились, что если по какой-либо причине Ананда отсутствовал на проповеди Будды или Будда обсуждал Дхарму с кем-то наедине, впоследствии Будда обычно повторял Ананде все, что сказал. У Ананды была потрясающе цепкая память: он был своего рода аналогом диктофона. На самом деле, говорится, что мы обязаны ему знанием учений Будды. Поскольку он решил выслушивать все, что сказал Будда, сохраняя это в своей памяти для того, чтобы потом суметь повторить это на благо других, его свидетельство использовалось для удостоверения подлинности учений, которые остались после смерти Будды.

Но в данном случае Будда и Ананда просто сидели тихо вдвоем, как вдруг Ананда высказал то, что, он вероятно, обдумывал. Он сказал: «Владыка, я думаю, что кальяна митрата – это половина духовной жизни». Затем, как предполагается, он прилег и стал ждать какого-нибудь доброжелательного подтверждения от Будды. Ананда считал, что сказанное им неопровержимо: если рядом с тобой люди, думающие так же, как ты, которые тоже пытаются расти и развиваться, полдела сделано. Но Будда ответил: «Ананда, ты ошибаешься. Кальяна митрата – не половина духовной жизни, а

вся»¹³.

Почему это так? Конечно, мы учимся у тех, с кем мы связаны, в особенности у тех, кто достиг большей зрелости, и учиться, несомненно, важно, если мы хотим продвигаться по духовному пути. Но в чем в действительности заключается «продвижение в духовной жизни»? Чему мы на самом деле учимся? Знание, в котором мы нуждаемся, в конечном итоге, – это знание себя.

Подлинное значение глубинного личного контакта, который подразумевает Обращение к Прибежищу в Сангхе, заключается в простом психологическом факте: мы лучше всего узнаем себя в общении с другими людьми. Если вы проведете всю свою жизнь в одиночестве на необитаемом острове, вы в каком-то смысле так и не узнаете себя. Как бы там ни было, у всех нас были ситуации, когда мы проясняли собственные представления, обсуждая их с другими, и даже когда мы обнаруживали, что знаем больше, чем нам казалось, просто пытаясь общаться с другим человеком. Как будто, когда мы пытаемся общаться с кем-нибудь, это приводит в действие понимание, которое уже существовало, но до сих пор не проявлялось, и даже открывает в нас новые аспекты, аспекты, которые можно открыть только в результате общения с другим человеком. Сталкиваясь с вызовом реального общения, мы узнаем себя лучше.

Дело не только в активизации понимания. Встреча с определенными людьми может затронуть в нас аспекты, которые были довольно глубоко запрятаны. Мы говорим, что тот или иной человек «открывает в нас самое худшее». Возможно, он не сказал нам ни слова, но каким-то образом затронул нужную струну. Для нас может стать шоком осознание того, что пробудил в нас этот человек, открытие, что мы ведем себя, как нам кажется, не характерно для себя, даже выражение ненависти или презрения к человеку, который вызвал это нехарактерное для нас поведение. Конечно, эта неприятная сторона в нас присутствовала всегда, но необходим был этот человек, чтобы выявить ее. С помощью такого опыта, несомненно, негативного, но крайне полезного духовно, другие люди могут познакомить нас с нами самими. Мы не можем преобразить себя, пока не будем полностью представлять, что находится внутри нас.

И, напротив, определенные люди, по-видимому, «открывают в нас лучшее». Опять же, необязательны даже слова – одно пребывание с этим человеком придает нам легкость, бодрость, энергичность, позитивный настрой. Другие люди также могут иногда открыть в нас

запасы доброты и благородства, о которых мы и не подозревали. А в особенном контексте буддизма есть определенные люди, которые пробуждают в нас качество веры, когда мы просто соприкасаемся с их собственной верой. То, что дремало в нас, приходит в движение.

Короче говоря, сангха необходима, поскольку личные отношения необходимы для человеческого развития. Это справедливо по отношению ко всем уровням – культурному, психологическому и духовному. Вне всякого сомнения, большинство людей развивается быстрее и легче, общаясь или, по крайней мере, вступая в контакт с другими. Не то чтобы полностью самостоятельное развитие было невозможно: на самом деле, в буддизме есть обозначение для тех, кто поступает именно так – *пратьекабудды*, уединившиеся будды или будды-отшельники¹⁴. Однако, хотя в канонических текстах есть ряд отсылок к ним, важно, что все эти будды относятся к отдаленному, легендарному прошлому. По-видимому, никаких исторических примеров не существует.

Мы чаще всего нуждаемся в поощрении, поддержке и вдохновении со стороны тех, кто идет в том же направлении, что и мы. Нас естественным образом поддерживают те, кто разделяет нашу особую заинтересованность в чем-то. Несмотря на то, что нам все еще нужно прикладывать самостоятельные усилия, по крайней мере, мы видим их цель более ясно – мы меньше подвержены сомнениям. Членство в сангхе также дает нам возможность служить другим, выражать нашу щедрость и готовность помочь. Даже такое простое дело, как подготовка чая и печенья для буддийского праздника, может помочь нам открыть в нас самих способность к щедрости, альтруизму и доброжелательности ко всем.

Таким образом, сангха нужна, чтобы помочь нам узнать себя и лучше выражать себя. Это становится возможным, потому что каждый, кто участвует в ней, предан Будде как идеалу знания себя в высочайшем и глубочайшем смысле, и Дхарме как идеалу, различным принципам и практикам, благодаря которым это знание себя может быть обретоно. Общая преданность первым двум Прибежищам создает единую связь между членами духовного сообщества. Мы следуем, хотя и на различных уровнях, одному и тому же пути, ведущему к достижению одной и той же конечной цели.

К тому же, если человек на самом деле не стремится к Просветлению и не пытается практиковать Дхарму, он может сказать, что предан этим идеалам, но, чтобы он ни говорил, он не более член сангхи, чем

осел, следующий за стадом коров, может быть частью их стада. Этот образ Будда использовал в «*Самьютта-никае*». Как он это описывает, «осел может сказать «и я корова, и я», но у него нет ни рогов, ни копыт, ни чего-либо другого, похожего на коровье, что бы он ни говорил». Подобно этому, простое повторение Прибежища не делает человека членом сангхи. Это связь – внутренняя, духовная¹⁵.

На определенном этапе нашего развития, сколько бы мы ни медитировали и ни читали книги о духовной практике, нам нужно признать, что этого недостаточно. Вне всякого сомнения, мы можем многому научиться самостоятельно. Но если мы хотим полноценно развиваться духовно, рано или поздно нам придется на собственном опыте пережить, насколько важно общение в нашей духовной жизни. Следующая строфа происходит из Дхаммапады, одного из самых ранних собраний учений Будды, и цитируется здесь в оригинале, на пали:

*Сукхо буддханамуппадо,
Сукха саттхаммадесана.
Суккха сангхасса самагги,
Самагганам тапо сукхо*¹⁶.

Первая строка означает: «Появление Будды приносит счастье, блаженство, благословение («сукхо»)». Когда человек становится Буддой, это счастливый момент для всего человечества. Вторую строку можно перевести так: «Счастье – проповедовать подлинное учение». Преподнесение Дхармы – благословение для всего мира. Третья строка такова: «Счастлива духовная община, следующая общему пути». В четвертой строке «*тапо*» означает «жар» и относится к духовным практикам, которые подобны огню, выжигаящему все нечистоты. Следовательно, строка означает: «Пламя духовной практики тех, кто следует одному пути, счастливо или благословенно».

Недостаточно иметь отдаленное преставление о Просветлении, теоретические сведения об учениях Будды или буддийской организации. У буддизма нет будущего без действительно единого и преданного духовного сообщества, посвятившего себя совместной практике. И, если буддисты действительно собираются вместе в подлинном духе сангхи, тогда есть возможность хотя бы на время оказаться в *дхармадхату*, измерении Дхармы. В этом измерении все, что мы делаем, – это практика Дхармы, все, о чем мы говорим, – это Дхарма, а когда мы молчаливы и спокойны, мы наслаждаемся

Дхармой вместе в тишине и покое. Тучи стресса и беспокойства, которые столь часто нависают над нашей мирской жизнью, рассеиваются, и источник вдохновения в наших сердцах начинает бить с новой силой.

Глава 2. Традиционная Сангха

Празднование Прибежища в Сангхе

Достаточно просто принять решение посвятить себя Трем Драгоценностям. Однако совсем не так просто поддерживать это обязательство. Если мы недостаточно осторожны, видение тускнеет, мы теряем присутствие в настоящем, впадаем в отвлечение и беспокойство или устраиваемся удобнее и погружаемся в апатию и таким образом нарушаем наше обязательство. Следовательно, абсолютно необходимо, чтобы мы устроили нашу жизнь так, чтобы в ней присутствовали регулярные напоминания о нашем первоначальном обязательстве. Есть много способов это сделать (на самом деле, можно даже утверждать, что буддийская практика во всех своих аспектах разработана для того, чтобы этого добиться), но одно из традиционных напоминаний – это участие в буддийских празднованиях.

Просветление Будды отмечается в день полнолуния индийского месяца «Висакха» («Весак» по-сингальски), который приходится на апрель или май. В этот день, также известный под названием «Будда Джаянти», мы напоминаем себе о том, чего может добиться человеческое существо и, следовательно, мы тоже можем к этому стремиться. День учения Будды, «День Дхармы», празднуется в день полнолуния индийского месяца Асала, в июне или июле, и этот праздник также отмечается ежегодно в честь первой проповеди Будды, его первого развернутого учения человечеству. Что касается Сангхи, празднование в честь нее, напоминающее нам обо всех тех, кто следовал пути Просветления до нас, и о самом существовании духовного сообщества, отмечается в день полнолуния месяца Карттика (в октябре-ноябре). День Сангхи отличается от двух других основных праздников, потому что он не связан с каким-то особым событием из жизни Будды. Вместо этого, он напоминает нам о ежегодном событии в жизни ранней сангхи.

Если мы вернемся в воображении к первому духовному сообществу, сплотившемуся вокруг Будды, мы обнаружим, что оно состояло из тех, кого я назвал бы «частично вовлеченными» и «полностью вовлеченными» ее участниками. Для современных буддистов характерно, что они пытаются стать «полностью» практикующими, каков бы ни был стиль их жизни. Но стиль жизни теперь совершенно другой. Во времена Будды было много людей, желавших следовать Дхарме, но намеренно или в силу обстоятельств оставшихся дома.

Они женились, заводили детей, работали, выполняли гражданские и политические обязанности, а также медитировали и практиковали Дхарму, насколько это было возможно в сложившихся обстоятельствах. Поэтому их можно было назвать «частично вовлеченными» (позже они стали известны как ученики-миряне). При прочих равных условиях, они развивались духовно не так быстро, как «полные» члены сангхи, но все-таки добивались продвижения, иногда значительного и даже большего, чем многие «полные» члены.

Напротив, «полностью вовлеченные» члены сангхи, которые превратились в тех людей, которые теперь нам известны как монахи и монахини, отсекали все связи с домом, покидали семью и светское окружение. Они отрекались от всех гражданских и политических обязанностей и принимали как знак своего образа жизни шафрановые одеяния, которые они окрашивали земляной краской *«геруамати»*, чтобы люди могли понять, кто они, когда они шли мимо них со своими чашами для подаяния. Эти «полностью вовлеченные» ученики всецело посвящали себя практике Дхармы. Они учились вместе, медитировали и принимали на себя задачу сохранять учения Будды, заучивая их на память. Изучение, безусловно, не подразумевало чтения книг, потому что книг не было. Единственным способом изучения Дхармы было слушание ее от кого-то, кто мог прочесть ее по памяти (по крайней мере, частично), чтобы вы могли обсудить ее и впоследствии выучить самому. В конечном итоге вы стали бы своеобразной живой, ходячей книгой.

В те времена одной из наиболее важных характеристик этих полностью вовлеченных учеников было то, что они вели бродячий образ жизни, странствуя с места на место, а не обосновывались там, где могли найти дружелюбную и благоприятную поддержку со стороны мирян. Этот образ жизни рекомендовал сам Будда в особенно лаконичном маленьком стихотворении (здесь приводится перевод с пали):

*Чище та вода, которая течет,
Чище тот монах, который идет.*

Однако в таком постоянном передвижении были и свои проблемы – погода. Дождливый сезон в Индии наступает всегда в одно и то же время, с точностью почти до дня, в июле, и дожди идут непрерывным бурным потоком, барабана день за днем, месяц за месяцем, до самого октября. Это было неподходящее время для того, чтобы оставаться на улице, если только не нужно было сажать рис, и то в самом начале

сезона. Вынужденные, подобно прочим людям, искать кров, полностью вовлеченные члены сангхи обычно оставались на одном месте в этот период, чаще всего малыми группами. Таким образом, сложился ежегодный распорядок: монахи постоянно перемещались с места на место восемь или девять месяцев, а оставшиеся три или четыре проводили в пещере или каком-то другом укрытии, сделанном из широких тропических листьев, или в хижине из тростника и бамбука в чем-нибудь саду. Так возникла высоко почитаемая традиция уединения в сезон дождей, *варсаваса*.

Со временем довольно большое число полностью вовлеченных членов сангхи стало собираться в месте для этого ретрита (десятки, а иногда и сотни людей), и все они изучали Дхарму и практиковали в одном месте. Иногда к ним присоединялись местные частично вовлеченные члены сангхи, для которых муссонные дожди также были временем вынужденной бездеятельности, и, следовательно, у них было больше свободного времени, чем обычно. Чаще всего они были слишком заняты для того, чтобы уделять большое значение Дхарме; наставления, которые они получали от проходящих мимо бродячих отшельников, были коротки и обычно быстро забывались в круговороте повседневных радостей и забот. Следовательно, сезон дождей был драгоценной возможностью для них достичь большей глубины в практике под духовным руководством полностью вовлеченных членов.

В конце сезона дождей обычно проводился большой праздник, состоящий из двух частей. Во-первых, проводилась *праванарана*, церемония, в ходе которой каждый просил у всех присутствующих прощения. После трех или четырех месяцев, проведенных вместе, неизбежно оставались неразрешенные столкновения и недопонимание, которые необходимо было прояснить. Поэтому старейшина полностью вовлеченных членов сангхи обычно начинал церемонию со слов: «Достопочтенные господа, если я совершил какую-либо ошибку, или обидел кого-то, или сказал что-то, чего я не должен был говорить, на протяжении последних трех месяцев, пожалуйста, примите мои извинения». Затем все остальные следовали его примеру один за другим, заканчивая самым юным из присутствующих.

Вторая церемония, проводившаяся в этот день, – *катхиначиварадана*. «*Катхина*» означает «трудный», «*чивара*» означает «платье» или «роба», а «*дана*» означает «даяние», следовательно, это церемония «трудного даяния роб». Мы говорим «роба», но на самом деле в те

дни все ходили в «робах», поэтому полностью вовлеченные члены сангхи не носили специального духовного одеяния, о котором сейчас напоминает слово «роба». Частично вовлеченные члены считали себя обязанными обеспечить полностью вовлеченных членов новыми одеяниями. Такое подношение считалось особенно благоприятным в это время, после периода дождей. Подношение называлось «трудным», потому что была только одна возможность в году сделать его, отправить монахов восвояси без единого пятнышка.

И в наши дни в Бирме есть традиционная церемония, которая делает подношение особенно трудным. Каждый год миряне – или, скорее, мирянки – ставят перед собой цель сделать одеяния от начала до конца за день до церемонии. Они сидят всю ночь, прядя нити из хлопка, затем ткут полотно из нитей, разрезают полотно на полосы, сшивают их вместе и, наконец, красят готовые одеяния для церемонии, и все это за двадцать четыре часа. Этот подвиг они совершают в знак поклонения перед полностью вовлеченными членами сангхи.

Со временем, по тем или иным причинам, ретрит дождливого сезона стал распространяться за пределы самого сезона дождей. Полностью вовлеченные члены сангхи иногда оставались на одном месте и после того, как дождь заканчивался, возможно, для того, чтобы завершить напоследок какое-либо особенно трудное обсуждение Дхармы. Вероятно, за этим иногда следовал период интенсивной совместной медитации. В конце концов, они стали задерживаться так надолго, что приближался уже следующий сезон дождей, и они решали, что не добьются многого от одного-двух месяцев скитаний. Со временем их оседлость стала менее спонтанной, по мере того, как временные тростниковые хижины или шалаши из листьев заменялись более прочными жилищами. Так возникли монастыри, а полностью вовлеченные члены сангхи стали монахами.

Хотя полностью вовлеченные члены сангхи теперь в действительности постоянно были в ретрите, традиция ретритов сезона дождей продолжала соблюдаться, даже когда буддийский мир расширился до пустынных регионов Монголии, Тибета и Северного Китая, где вообще было мало дождей, не говоря уже о целом сезоне. Но, называлось ли это ретритом сезона дождей или летним ретритом, это обычно было время напряженных усилий. В некоторых странах возник обычай проводить постриг в конце ретрита, и последняя его часть непременно включала празднование *карттिकाпурнима*, полнолуния месяца Карттика или Дня Сангхи.

Традиционные категории Сангхи

Факт существования монахов и мирян, полностью и частично вовлеченных членов сангхи, показывает, что сангха – это не простое, однородное собрание. На самом деле, по самой своей природе сангха состоит из личностей с различным уровнем преданности и духовных достижений. Например, в ней можно выделить социальный, религиозный и духовный уровни.

Маха-сангха

На социальном уровне существует *маха-сангха*, великое собрание, называемое так, потому что оно обширно по размерам. Оно состоит из всех тех, кто, с какой бы то ни было степенью искренности, обращается к Прибежищу в Трех Драгоценностях и соблюдает большее или меньшее число этических наставлений. Это совокупность людей, принимающих духовные принципы или истины буддизма, независимо от их образа жизни, от того, монахи они или миряне, оставили ли они мир или во многом остались в миру и даже во многом остались «от мира сего». Таким образом, *маха-сангха* состоит и из полностью вовлеченных, и из частично вовлеченных членов сангхи, и даже из тех, кто является буддистом чисто номинально. Это наиболее обширный уровень сангхи.

Бхикишу-бхикишуни-сангха

Затем, на религиозном уровне, существует *бхикишу-бхикишуни-сангха*. Слово «сангха» иногда понимается как понятие, обозначающее исключительно сообщество полностью вовлеченных членов, что обычно подразумевает общину монахов или монахинь. Обозначения «монах» и «монахиня», несомненно, применимы ко многим полностью вовлеченным членам сангхи на всем протяжении буддийской истории. Нам трудно представить, как много их существовало в древних буддийских монастырях. До самого недавнего времени в Тибете монастырь с пятью сотнями монахов считался маленьким. Следовательно, в монастырях жило огромное количество бхикшу. Тем не менее, бхикшу-сангха никогда не было чисто монашеским орденом. Если мы собираемся использовать слово «монах» в контексте буддизма, нам нужно помнить, что у этого слова будет более широкое значение, чем у английского «monk».

Сегодня есть две основные ветви монашеских общин: ветвь Тхеравады в Шри-Ланке, Бирме, Таиланде, Камбодже, Лаосе и ветвь Сарвастивады в Тибете, Китае, Вьетнаме и Корее. Между этими

двумя великими традициями существует немного различий в образе жизни и правилах, соблюдаемых монахами. Однако стоит отметить, что тибетских лам не стоит путать с бхикшу. «Лама» означает просто духовный учитель; лама иногда бывает монахом, но это не обязательно, особенно в школах Нингма и Кагью. Япония – совершенно особый случай, потому что традиция посвящения в бхикшу, появившись там, впоследствии была утрачена и заменена посвящением в бодхисаттву.

Существуют также ордена монахинь, бхикшуни. Во многих частях буддийского мира эта традиция вымерла, еще до того, как она могла бы быть принесена в Тибет, поэтому ни в буддизме Тхеравады, ни в тибетском буддизме в настоящее время нет традиции женского монашества. Но посвящения в бхикшуни все еще проводятся во Вьетнаме, Китае и Тайване (сейчас часто обсуждается, что желательно возобновить традицию посвящения в бхикшуни более широко, и эта полемика частично затрагивает вопрос традиционного подчинения монахинь монахам). Монахини соблюдают примерно те же правила, что и монахи, и им воздаются (или, по крайней мере, должны воздаваться) те же почести, что и монахам.

То, что человек является бхикшу или бхикшуни, живет ли он или она в монастыре, является странником, отшельником или своего рода местным священником, само по себе не является знаком особой глубины в Обращении к Прибежищу. То общее, что объединяет всех членов монашеской сангхи, – это особый набор этических наставлений. Это сангха в религиозном смысле – группа людей, так сказать, отделенных от мира и объединенных в религиозную общину с общим образом жизни и особенно с общими правилами.

Послушники соблюдают только десять наставлений или тридцать два в некоторых традициях, но когда они получают *упасампаду*, полное принятие в общину, им приходится следовать ста пятидесяти правилам, и в некоторых частях буддийского мира эти сто пятьдесят правил в действительности соблюдаются¹⁷. Многие из этих правил больше не актуальны, поскольку были разработаны в особых условиях жизни бродячих монахов в северной Индии две с половиной тысячи лет назад, и их автоматически отбросили в более поздние времена.

Четыре самых важных правила известны как *параджики*. «Параджика» означает «поражение». Нарушив одно из этих правил, человек навсегда исключается из общины, и ему придется дожидаться

следующей жизни, чтобы присоединиться к ней. Первая *параджика* заключается в том, что нельзя намеренно лишать жизни другое человеческое существо. Второе правило гласит, что нельзя брать того, что не дано, нечто, обладающее такой ценностью, что присвоение этой вещи может привести к судебной ответственности. Третье правило – воздерживаться от любой формы сексуальных отношений.

Эти три *параджики* довольно прямолинейны, а четвертое правило требует немного больше объяснений. Оно заключается в том, что нельзя ложно утверждать о каких бы то ни было духовных достижениях. Западным людям ничего не стоит спросить у другого человека, достиг ли он Просветления или испытывал ли он *самадхи*. Но на Востоке считается невежливым разговаривать о любых личных достижениях с другими людьми, за исключением, возможно, самых близких друзей и собственных учителей.

Причина этого иллюстрируется отрывком из Палийского канона, в котором великий рассказывается об ученике Будды Шарипутре, который только что провел весь вечер в лесу, медитируя. Когда вечером он возвращается, он встречает Ананду, который замечает: «Твое лицо сегодня озарено чудесным светом. Чем ты занимался?» Шарипутра отвечает: «Я медитировал в лесу, но пока я медитировал, меня не посещала мысль о том, что я медитирую»¹⁸. Здесь он указывает на то, что, как только возникает подобная мысль, вы на самом деле уже не медитируете, потому что вы не продвинулись дальше уровня личного «я», субъективного «я». В каком-то смысле, вы медитируете только тогда, когда нет никого, кто бы делал это, когда это просто, так сказать, происходит.

Моггальяна комментирует это с помощью маленького каламбура. «Именно так говорят настоящие люди, – говорит он. – Они рассказывают суть или истинный смысл вопроса (*аттха* на пали), но не привносят себя (*атта*)». Напротив, большинство из нас, медитируем ли мы слегка или проявляем немного щедрости, всегда подмешивает к этому свое «я». Наши достижения мгновенно обесцениваются, когда мы думаем: «Я это сделал» или «У меня такое переживание».

Остальные правила вторичны по отношению к этим основным четырем, в том смысле, что, если кто-то нарушает их, он может искупить свою провинность, покайсявшись в этих нарушениях своим собратьям-монахам. Следовательно, даже если человек является

отшельником, он не должен полностью разрывать связи с большей сангхой. Ему может понадобиться регулярно отчитываться перед ней, чтобы почувствовать над собой отцовское око.

У буддийских монахов и монахинь есть различные обязанности. Их первая обязанность – изучать Дхарму и практиковать ее: они собираются, в первую очередь, для того, чтобы практиковать медитацию. Во-вторых, предполагается, что они должны подавать хороший пример мирянам. В-третьих, они должны давать проповеди и учить. В-четвертых, на них возложена ответственность защищать местную общину от неблагоприятных психических влияний. В культурах, где принимается как должное то, что мы окружены оккультными силами, традиционно верят, что, хотя некоторые из этих сил благотворны, другие несут зло, и что благодаря строгому образу жизни, медитациям и благословениям монахи способны изгнать эти вредоносные силы и не дать им нанести вред обычным людям. На Западе в подобных услугах нет большой потребности, но на Востоке это очень важная функция монахов.

И, наконец, предполагается, что монахи должны давать мирские советы. Но Востоке, если что-то идет не так – ваши дети попали в беду или у вас проблемы с деньгами, проблемы с алкоголем или соседями, мужем или женой – обычное дело обратиться со своей проблемой к монаху и попросить у него совета. Благодаря тому, что у них самих нет подобных проблем, нет детей, жен или денег, от монахов, возможно, ожидают более объективного взгляда на ситуацию, взгляда постороннего наблюдателя на трибуне, который лучше видит футбольный матч, чем любой из игроков на поле.

Ученый Эдвард Конзе однажды сказал, что без монашеской общины у буддизма не было бы костяка. Определенно можно сказать, что, не будь полностью вовлеченных людей, мужчин и женщин, которые полностью преданы буддийской практике, не было ничего, чтобы бы позволило создать сангху. В Британии первые монахи появились еще до основания буддийских групп. Одним из первых в английской монашеской сангхе был Аллан Беннетт, получивший монашеское посвящение с именем Ананда Майтрейя в Бирме в 1902 году и вернувшийся в Англию в 1908-м¹⁹. Однако с тех пор на Западе устойчивое и быстрое разделение на монахов как полностью вовлеченных членов и мирян как частично вовлеченных членов во многом было разрушено, и в дальнейшем внимание к сангхе вышло за пределы любых разграничений по образу жизни. Это *духовная община как таковая – арья-сангха*.

Арья-сангха

Слово «*арья*» первоначально использовалось по отношению к группе племен, которые вторглись в Индию с северо-востока. Обозначая более высокий статус по сравнению с завоеванными племенами, слово «*арья*» стало означать «благородный» в более общем смысле, а затем, постепенно, приобрело духовное значение и таким образом стало также обозначать «святой». Следовательно, *арья-сангха* – это сообщество благородных или святых, тех, кто вошел в соприкосновение с запредельным, тех, кто обладает знанием о подлинной реальности вещей.

Поскольку она включает мирян, равно как и монахов, можно сказать, что арья-сангха составляет духовную иерархию, в отличие от чисто религиозной иерархии буддизма. Ее нельзя характеризовать в рамках какой бы то ни было формальной схемы или публичного, организационного устройства – она представляет собой промежуточное звено в иерархии между состоянием Будды и непросветленным человечеством. Его члены не обязательно связаны друг с другом на физическом уровне – они могут жить не только в разных местах, но и в разные времена – но те запредельные переживания или достижения, которые являются общими для них, объединяют их, выходя за пределы пространства и времени. То есть основополагающая характеристика – качество мудрости или проникновения.

Буддийский путь часто подразделяют на три основных элемента: этику, медитацию и мудрость²⁰. Все это следует развивать одновременно, но кульминацией является мудрость, поскольку этику и медитацию можно развивать без мудрости, в то время как мудрость можно развить не иначе, как на основе этики и медитации. В свою очередь, развитие мудрости (*праджня*), также делится на три составляющих²¹. Первый уровень – мудрость, проистекающая из слушания – *шрутамайи-праджня*. Этот термин первоначально относился к устному учению, характерному для дописменного общества, но подразумевается, что он включает любое знание и понимание, почерпнутое из книг, равно как и из бесед и лекций. Человек узнает о природе реальности или даже о природе проникновения в природу реальности. На этом уровне цель заключается в обретении ясного концептуального представления о том, каковы вещи на самом деле.

Второй уровень мудрости – мудрость, которая обретается

посредством собственного обдумывания и размышления (*чинтамайи-праджня*). Услышав или прочитав что-нибудь о подлинной природе вещей, вы перебираете в уме то, что вы услышали, и таким образом начинаете серьезно размышлять об этом и – со временем – развиваете собственную способность проникать в суть. Так вы обретаете более глубокое понимание.

Третий уровень мудрости достигается посредством медитации (*бхаванамайи-праджня*). Эта мудрость далеко выходит за пределы любого интеллектуального понимания. Она не обретается размышлением, в ней нет ничего концептуального. На самом деле, только когда ум совершенно спокоен, может начаться возникновение подлинной мудрости в форме проблесков прямого проникновения. В сосредоточенном состоянии ума, которое возникает в результате медитации, истина или реальность могут блеснуть в уме напрямую, без посредства представлений, мыслей или даже ощущений об этой реальности или истине.

Арья-сангха состоит только из тех, кто пережил опыт этого третьего уровня мудрости. Однако в духовной жизни ничто не появляется сразу. Любое мастерство, будь то в нравственности, медитации или мудрости, обретается постепенно. Какие бы удары и толчки мы не переживали по временам в духовной жизни, настоящее продвижение медленно и систематично. То же самое и с опытом проникновения, а, следовательно, и с продвижением в качестве члена арья-сангхи, потому что даже среди этого возвышенного общества есть свои уровни достижения. Вы можете испытать их как не более чем ничтожный проблеск проникновения, если ваша медитация слишком слаба, чтобы поддерживать что-нибудь более мощное. Но если ваша концентрация в медитации более сильна, проблеск проникновения, возникнув, может быть настолько сияющим, что озарит глубины реальности. Именно в соответствии с различной степенью интенсивности проникновения выделяются различные виды *арья нудгала* (святых или благородных).

Но как можно измерить эти различные степени проникновения? Традиционно есть два способа: субъективный и объективный. С субъективной точки зрения, проникновение измеряется по числу «оков», которые оно разрывает. Мы рассмотрим этот подход в начале следующей главы. С объективной точки зрения, оно измеряется согласно числу перерождений, которые осталось прожить тому, что обрел этот уровень проникновения. Именно эта система измерения используется в определении Сангхи в «Тиратана Вандане»,

восхвалении Трех Драгоценностей, которое читают буддисты по всему миру. В третьей части этого текста Сангха характеризуется как «продвигающаяся со счастьем», «прямо продвигающаяся», «методично продвигающаяся» и «правильно продвигающаяся»²². Далее провозглашается, что Сангха состоит из людей, находящихся на четырех различных уровнях духовного развития. У каждого из этих уровней есть свое название:

1. Вошедший в поток или *шроттапанна* – это тот, кому больше не нужно, так сказать, бороться с течением. Он или она уже не сорвется с пути духовного продвижения, и говорится, что такой человек достигнет полного Просветления не больше чем за семь перерождений.
2. Однажды возвращающийся (*сакрадагамин*) – тот, кто обретет Освобождение еще за одну жизнь.
3. Невозвращающийся (*анагамин*) – тот, кому совсем не придется возвращаться в человеческое измерение. Он переродится в так называемых «чистых обителях» (*шуддхаваса*), на вершине измерения чистой формы, *рупадхату*. Именно там он обретет нирвану.
4. Архат (что значит просто «достойный почитания») – это тот, кто уже достиг цели.

Эти чисто духовные разновидности составляют арья-сангху. Но Будда также описывал арья-сангху в более красочных терминах. Сравнивая монашескую общину с великим океаном, он говорил, что, как в огромном океане водятся всевозможные гигантские существа, так и в сангхе есть свои духовные исполины²³. Эти глубоководные создания, так сказать, составляют арья-сангху.

Несомненно, более обширной сангхе полезно регулярно общаться с этими исполинами, и, должно быть, именно это предвидел Будда, когда наставлял сангху в необходимости собираться вместе в большом количестве и регулярно. Если вы привыкли жить и работать в небольшой местной буддийской общине, хорошо время от времени получать представление о масштабе сангхи в целом и видеть собственную жизнь и работу в гораздо более обширном контексте. Если вы привыкли быть большой рыбой в маленьком пруду, полезно время от времени почувствовать себя килькой в огромном океане. Иногда вам даже удастся обрести проблеск того, что значит быть настоящим гигантом, хотя, конечно, не всегда просто сказать, кто в сангхе мелкая рыбешка, а кто – кит.

Иерархия бодхисаттв

Духовная иерархия внутри арья-сангхи описывается в Палийском каноне, собрании записей учений Будды²⁴. Палийский канон принимается всеми школами, а в школах Тхеравады в Шри-Ланке, Бирме и Таиланде считается, что он составляет всю буддийскую каноническую литературу. Остальные буддийские писания объединяются под общим названием «буддизм Махаяны», который иногда называют «развитым» буддизмом. Он распространен в Тибете, Китае, Японии, Корее, Вьетнаме и ряде других азиатских стран, а в наши дни и на Западе. «Махаяна» означает «великий путь», а те школы, которые не приняли писания Махаяны, были названы – хотя, естественно, не ими самими – Хинаяной или «малым путем».

Представление об арья-сангхе принадлежит к числу основных представлений и верований, общих для всех различных школ. Но Махаяна добавляет к этой основной классификации дальнейшую иерархию. Это иерархия Бодхисаттв, тех, кто стремится не к собственному, индивидуальному освобождению от страданий, а к идеалу Бодхисаттвы – Просветлению не только ради себя, но ради блага всех живых существ²⁵.

Что касается арья-сангхи, есть четыре уровня бодхисаттв – согласно числу уровней их развития (известных как *бхуми*), которые они прошли.

1. Бодхисаттва-новичок (*адикармика-бодхисаттва*) – тот, кто принял со всей искренностью идеал бодхисаттвы, но еще не достиг первой ступени пути или какой-либо степени запредельного проникновения.

2. Бодхисаттвы «на пути» – это те, кто продвигаются на уровнях от первого до шестого *бхуми*.

3. Необратимые бодхисаттвы – это те, кто достиг седьмого *бхуми* (из десяти). Точно так же, как Вошедшие в поток не могут сорваться в низшие уделы существования, необратимые бодхисаттвы не могут обратиться к поиску цели индивидуального Просветления – меньшего достижения, с точки зрения Махаяны: они постоянно поддерживают движение к Просветлению на благо всех живущих.

4. Бодхисаттвы «*дхармакайи*». Это несколько трудная для понимания концепция, имеющая отношение к тому, что можно отнести к персонифицированным аспектам самого состояния Будды. Точно так же, как белый цвет можно расщепить на семь цветов спектра,

видимых в радуге, чистый белый свет Просветления можно расщепить, так сказать, на различные цвета, то есть на различные аспекты Просветленного ума: любовь, мудрость, свободу, знание и так далее. Если Будда – это олицетворение самого Просветления, бодхисаттвы *дхармакайи* представляют собой олицетворения индивидуальных аспектов этого Просветления.

Две иерархии арья-сангхи и четыре уровня пути бодхисаттвы, несомненно, в некоторой степени пересекаются: в некоторых текстах Махаяны «вошедшие в поток» упоминаются как бодхисаттвы Хинаяны.

Таким образом, сангха – это духовное сообщество, существующее на различных уровнях, от социального и религиозного до высочайшего духовного уровня. И вы обращаетесь к Прибежищу в Сангхе, присоединяясь к ней на том уровне, на котором способны. Прежде всего, вы можете присоединиться к *маха-сангхе*, будучи членом буддийской общины в чисто формальном, внешнем смысле. Во-вторых, вы можете присоединиться к ней на религиозном уровне, уровне большей преданности, получив посвящение. В традиции тхеравадинов пройти посвящение означает стать монахом, но в Махаяне посвящение бодхисаттвы в принципе существует как для монахов, так и для мирян, хотя на практике выходит, что слово «сангха» часто используется в отношении только монахов. В общине, которую основал я, есть только одно посвящение, независимо от образа жизни или пола. В-третьих, вы можете присоединиться к сангхе на уровне арья-сангхи или сангхи бодхисаттв благодаря своим духовным достижениям. Давайте продолжим и посмотрим, что на самом деле влечет за собой такое достижение.

Глава 3. Личность: сущность сангхи

До сих пор я говорил об общих принципах сангхи в контексте традиции и истории, описывая, как возникли ее основные институты и представления о ней. Теперь мне хочется заглянуть дальше этих формальных установлений и представлений и попытаться определить более глубокие принципы духовного сообщества, не зависящие от какого бы то ни было традиционного буддийского контекста.

Термин «арья-сангха» обычно переводят как «Сангха благородных или высших», но я предпочитаю передавать санскритское слово «арья» словом «личность». Четыре типа личностей, о которых упоминает «Тиратана Вандана», называются именно так – личностями. Там используется выражение «*пурисануггала*» – «люди, которые являются личностями». Духовное сообщество в своей сути состоит из личностей. Там, где собираются те, кто не являются личностями, не может быть духовного сообщества, только группа.

Я преподнес эту идею о том, что некоторые люди находятся на совершенно ином уровне развития, чем другие, в довольно резкой форме, но она совершенно фундаментальна для буддийской мысли. Крайне важно, чтобы мы оценили, насколько существенно это различие между личностями и не-личностями. Развитие подлинной индивидуальности – это сравнительно недавнее развитие в масштабах мировой истории, и мы определенно не должны принимать это как нечто само собой разумеющееся.

Что такое личность? Во второй части книги мы рассмотрим различные ответы на этот вопрос. Но давайте начнем с традиционного буддийского ответа, который обычно излагают в рамках десяти оков, которые нужно разорвать для того, чтобы обрести окончательную свободу²⁶. Среди них, с нашей точки зрения, наиболее важны первые три. Если они разорваны, ваше постоянное продвижение к Просветлению обеспечено, и вы становитесь Вошедшим в поток, членом (хотя и на самом скромном уровне) духовного сообщества в высочайшем смысле. Короче говоря, вы становитесь подлинной личностью. Нужно подчеркнуть, что эта цель, которую может достичь любой серьезно практикующий буддист.

Первые оковы – «*самтая-дристи*». «Сам» означает истинный или настоящий, «кая» означает «тело», «дристи» – «воззрение», и все выражение переводится обычно как «вера в индивидуальность». Это вера в то, что нынешняя индивидуальность человека, его я, так сказать, здесь и сейчас, окончательно, устойчиво и неизменно – оно

является абсолютным фактом. Эта вера – первые оковы, которые препятствуют развитию человека как личности.

Саткаю-дристи часто объясняют, особенно на Западе, в чисто философских терминах, как будто она заключается в принадлежности к определенной школе мысли и имеет отношение к природе «я», но на самом деле это отнюдь не так. Эти оковы заключаются в том, что человек придерживается одного из двух крайних воззрений. Одно из них – это вера в то, что «я» продолжает существовать после смерти как сущностное единство, своего рода духовный бильярдный шар, рикошетом несущийся по Вселенной, независимо от того, верите ли вы в то, что «я» отправляется на небеса или перерождается. Другая крайность – вера в то, что «я» исчезает вместе со смертью физического тела. Буддийское воззрение на «я», в отличие от обоих предыдущих, заключается в том, что разные психологические и духовные процессы, которые во всей своей сложности составляют личность человека, продолжают существовать после смерти, но в основе этого потока психических событий нет никакой неизменной сущности.

Однако эти оковы – скорее глубоко укорененное отношение, чем интеллектуальное представление. Его можно рационализировать в терминах философии, но по сути это большей частью бессознательное отношение – в действительности, оно гласит: «Я – то, что я есть, и с этим ничего нельзя поделать». Если у меня дурной нрав, что ж, так оно и есть: с этим ничего не поделаешь – это заложено в моей природе. Я родился таким и должен с этим жить. И да, думаю, другим также придется с этим жить. Таким уж создал меня Бог. Кто мы такие, чтобы заигрывать с божьим замыслом? Вы должны принимать меня таким, каким встретили, без прикрас.

Даже если мы все-таки признаем необходимость менять себя, мы можем думать об этом только как о чем-то искусственном. Если мы попытаемся представить себя изменившимися коренным образом и затем внимательно посмотрим на это воображаемое «я», мы обнаружим, что оно сохраняет в своей основе поразительное, детальное сходство с тем, каковы мы сейчас. Чтобы действительно представить себе, что коренные изменения возможны, нам нужно отпустить любое представление, которое есть у нас о нас теперешних.

Подлинная личность знает, что продвижение любого рода подразумевает изменение, и это изменение означает, что нечто должно уйти, нечто должно умереть – вы должны умереть. Для создания нового «я» необходима смерть старого «я». Это единственный путь.

Личность радостно понимает эту смерть как необходимое условие роста.

Вторые оковы – «вичикитса» – обычно переводится как «сомнение», «растерянность», «неуверенность» или «скептицизм». И снова нас здесь интересует не интеллектуальная позиция. *Вичикитса* имеет намного больше отношения к воле, чем к интеллекту. Это скорее не интеллектуальная неуверенность, а эмоциональная неспособность верить чему-либо, нежелание принять решение, довести мысль до конца. Это сопротивление тому, чтобы вложить сердце в то, что ты делаешь. Это не то благородное сомнение, о котором говорит Теннисон:

*В благородном сомнении больше веры,
Поверь мне, чем в половине вер²⁷.*

Вичикитса – это недостаток объединения. Человек в буквальном смысле не личность, а неопределенная масса «я». Из этой совокупности «я» выбивается одно, чтобы привести всего «человека» к решению, а на следующий день другое «я», обдумав его лучше, изменяет это решение. Одно из «я» полно энтузиазма по отношению к чему-то, но на его место приходит другое «я», которое недоумевает, из-за чего вся эта суета. Так одно «я» сменяет другое, подобно тому, как волны захлестывают берег настоящего состояния ума.

Все мы знакомы с подобным положением дел, но оно особенно очевидно для тех людей, которые медитируют. Одно «я» хочет медитировать, другое не хочет. Одно «я» продолжает медитировать, таща за собой все другие «я», противящиеся следовать за ним, но постепенно оно ослабевает и сдается, покоряясь неразберихе остальных «я» (которые с технической точки зрения называют «отвлечениями»), и они, если им это удастся, приводят к тому, что медитации вообще наступает конец. Так мы отдаемся на волю волн во время медитации. Так мы плывем по жизни, и нас тащит то туда, то сюда, то в том, то в другом направлении. Как начинает понимать Ричард II у Шекспира, пустая трата времени – то, что лишает нас целостности:

*Я долго время проводил без пользы,
Зато и время провело меня²⁸.*

Только индивидуальность, целостный человек, единая личность, может верить себя чему-то настолько, чтобы на самом деле продвигаться по духовному пути.

Третьи оковы – «*шила-врата-парамарша*» – буквально «цепляние» (*парамарша*) за моральные правила (*шила*) и религиозные обеты (*врата*). Это не означает «привязанности к религиозным ритуалам и церемониям», как это выражение было впервые переведено на английский в конце XIX в. Это было время великого противостояния ритуалам: приверженцы Оксфордского движения пытались вновь привнести старые католические ритуалы в англиканскую церковь, но им яростно противостояло более протестантское крыло церкви. По-видимому, первые переводчики Палийского канона не могли не принять эти оковы за некое движение против ритуалов и сочли Будду предвозвестником протестантизма или даже ранним рационалистом, противостоящим более красочной стороне религии – но этот взгляд на Будду противоречит очевидным фактам. На самом деле, это оковы зависимости от этических правил и религиозных предписаний как *самоцели*.

Даже если мы переводим палийский термин правильно, его все еще легко неверно истолковать. Этические и религиозные предписания сами по себе никоим образом не являются оковами сами по себе. То, что препятствует нам, – наша зависимость от них, отношение к ним как к цели, а не как средству обретения Просветления. Другими словами, нам мешает условная мораль и условная религия. Часто считается, что идея о том, что это может нас сковывать, – особое дзенское представление, но она лежит в основе буддизма в целом и даже в основе христианства: как сказал Иисус, «суббота для человека, а не человек для субботы»²⁹. Подобно этому, этика и практики нужны для того, чтобы мы их использовали, но не они управляли нами.

Почему мы всегда упускаем это из виду (потому что нам до некоторой степени это присуще, если мы не вошли в поток)? И снова, здесь нас интересует не сознательно поддерживаемое воззрение, а бессознательное эмоциональное отношение. Мы имеем дело с тем фактом, что мы склонны чего-то желать от нашей духовной практики – чего-то, что не имеет никакого отношения к ее истинной цели. Часто мы получаем в результате своей практики какой-то статус в группе, меру принятия другими людьми, уважение, безопасность, чувство принадлежности. Это явление широко известно в любой духовной традиции, доминирующей в той или иной культуре. На Западе долгое время считалось добродетельным обязательно посещать церковь, и от того, хотите ли вы туда, зависела ваша репутация в обществе. На самом деле, люди обычно ходили в церковь как раз для этого – не для того, чтобы поклониться Богу, а для того, чтобы создать

благоприятное впечатление о себе.

Но, даже если вы просто посещаете маленькую буддийскую группу, которая, возможно, никак не связана с вашим условным социальным положением, спустя какое-то время вы можете обнаружить, что ходите туда главным образом за позитивной, дружественной атмосферой. Несмотря на ваши лучшие устремления, вы пройдете через желание медитировать, верить чему-либо, изучать, обрести духовных друзей и так далее, для того, чтобы в некотором роде самоутвердиться, чего, глубоко внутри себя, вы на самом деле и хотели получить от групповых встреч. Для того чтобы разорвать эти оковы, нужно относиться ко всем этим практикам и видам деятельности, как бы важны они не были, как к средству достижения определенной цели, которая заключается в нашем развитии как личности.

Таковы три первые оковы³⁰. Далее, Однажды возвращающийся – это тот, кто ослабил четвертые и пятые оковы, а Невозвращающийся – тот, кто освободился от дальнейших человеческих перерождений, разорвав все оковы. (Архат разрывает также и пять последующих, но нам нет необходимости в это углубляться, поскольку они имеют мало отношения к нам, каковы мы сейчас, непосредственно).

Четвертые и пятые оковы – это *кама-рага*, желание чувственных ощущений, и *вьяпада*, гнев или враждебность. Эти две оковы гораздо более тяжелы, чем первые три, более глубоко укоренены. На самом деле, они действительно опутывают нас очень крепко, и размышления о том, что даже столь духовно развитые люди, как Вошедшие в Поток, все еще связаны ими, по крайней мере, на тонком уровне, производят отрезвляющее действие. Немного воображения – и мы поймем, каким образом даже «однажды возвращающийся» только ослабляет – не разрывает – эти оковы. В случае с четвертыми оковами, стоит только представить, каково было бы внезапно ослепнуть, скажем, – не видеть свет и мириады деталей зримого мира вокруг нас, которые мы принимаем как должное, – осознать, с какой невыразимой жадой человек будет желать увидеть этот мир. Или, предположим, вы внезапно оглохли и погрузились в мир полной тишины, где нет голосов, нет музыки, нет постоянного звукового фона, напоминающего вам, что вы разделяете этот мир с другими живыми существами. Вам захочется снова обрести этот контакт с миром, вы будете страстно желать услышать хотя бы самую простую музыку, более чем чего-либо в мире. То же самое справедливо и по отношению к миру прикосновений и даже вкусов.

Страстное желание, которое возникло бы, лишись мы всего нашего чувственного опыта, почти в буквальном смысле невообразимо. Но именно это происходит во время смерти. Ум отрывается от этих вещей и оказывается в пустоте, которая поистине ужасна для тех, кто все еще хочет поддерживать связь с внешним миром посредством пяти органов чувств. *Кама-рага*, таким образом, – это то, что побуждает сознание человека искать выражение в форме другого, основанного на ощущении, существования, и из этого следует, что, разорвав эти оковы, человек становится «невозвращающимся».

Что касается оков гнева или враждебности, почти невозможно представить существо, в котором не было бы ни малейшей неудовлетворенности, раздражения, негодования, нетерпения или черного юмора: эти состояния постоянно маячат где-то на заднем плане нашего существования. И это еще не считая наших более заметных вспышек гнева, которые берут начало в, по-видимому, бездонном источнике враждебности внутри нас.

Но, даже если мы пока не способны разорвать эти оковы, мы можем помнить о них и о необходимости ослаблять их посредством практики медитации, в которой мы пытаемся, по крайней мере, временно, отрешиться от чувственного опыта и также избавиться от собственной враждебности (последняя является объектом особого внимания в практике *метта-бхаваны*, развития универсальной любящей доброты)³¹.

Теперь у нас есть традиционный ответ на вопрос о том, что делает человека *арьей*, то есть делает его личностью. Если вы личность – вы готовы к изменениям, готовы отпустить любое устойчивое представление о себе, готовы даже к смерти. Вы достаточно целостны, чтобы полностью верить чему-либо, и не смешиваете средства и цели. Именно такое отношение необходимо развивать, если мы хотим разорвать первые пять оков и достигнуть «вхождения в поток». Более того, личность осознает влияние, которое оказывают на наш ум чувственные переживания, и необходимость уменьшить это влияние посредством практики простоты, довольства и медитации. Личность пытается осознавать негативные эмоции, не выплескивая их и не причиняя никому вреда, и упорно старается развивать положительные эмоции.

Это один из способов определения личности, и его достаточно, чтобы дать нам относительное представление о том, как я собираюсь использовать это слово. Мы рассмотрим другие представления о

личности и другие аспекты индивидуальности во второй части этой книги. Сейчас же мы сосредоточимся на отношениях между личностью и духовным сообществом, отношениях, которые начинаются с развитием личности, относительно недавним для нашей человеческой истории. Давайте рассмотрим развитие личности – и духовного сообщества – с исторической перспективы.

Глава 4. История духовного сообщества

История – рискованное предприятие, у истории как у попытки быть объективным по отношению к тому, что случилось в прошлом, нет никакой надежды на успех. Недвусмысленные факты встречаются редко. Действительно ли король Альфред сжег те пироги? Никто этого не знает. Действительно ли король Джон потерял свои драгоценности в заливе Уош? Никто этого не знает. Действительно ли король Ричард III расправился с теми двумя маленькими принцами в Тауэре? И снова, никто этого не знает. Историки все еще спорят над этими вещами. Даже если согласие относительно фактов достигнуто, доверчивого историка поджидают новые ловушки. Школьники больше не думают, что «география – это о картах, а история – о парнях». История больше не является «продленной тенью человека». Есть множество альтернативных точек зрения. Можно сделать огульные обобщения или предпринять узкоспециализированное исследование данных. Можно подойти к исследованию с социальной, культурной, экономической или феминистской точки зрения, и это может открыть совершенно разные и даже противоположные взгляды на эту и иные сферы изучения.

Но, высказав это напоминание о том, что, говоря об истории, нам нужно быть осторожными, теперь я собираюсь отбросить осторожность и описать историческое видение в целом. Я сознательно использую слово «видение», потому что хочу передать несколькими широкими мазками ясное общее впечатление. Конечно, такие обширные обзоры истории, как и все иное, появляются и исчезают. Гегель рассматривал историю как прогрессивное проявление Духа, более того, как процесс, который двигался с Востока на Запад, из Древнего Китая в современную Америку³². Вслед за Гегелем, Карл Маркс представил историю в терминах экономики и классовых конфликтов и выделил в ней четыре больших этапа – теократию, феодализм, капитализм и коммунизм – в соответствии с тем, кто контролирует средства производства.

Затем появился Тойнби со своим видением подъема и упадка цивилизаций, перечислявший более двух десятков отдельных цивилизаций, одни из которых сохранились только в форме памятников, как это стало с Египтом, в то время как другие, например, индуизм, все еще борются за существование, а третьи, как Тибет до китайского вторжения, существуют только в форме, которую Тойнби называл «окаменелой» (хотя большинство буддистов не согласились бы с данным утверждением)³³. Ни одно из этих видений

истории не выдержало в полной мере испытания двадцатым веком, а последняя попытка Фрэнсиса Фукуямы предсказать конец истории выглядит несколько преждевременной³⁴.

Однако философ-экзистенциалист Карл Ясперс (1883-1969) в своей концепции «осевых эпох» позволяет нам проникнуть в историческое возникновение широко разбросанных примеров радикально индивидуализированных сознаний, которое невозможно игнорировать в любом обсуждении человеческого идеала личности³⁵. Начиная с этого момента, мы сделаем краткий исторический обзор духовных сообществ, то есть того, как личности организуют себя на коллективной основе.

История человечества как вида насчитывает сотни тысяч, даже миллионы лет. Большую часть этого времени обычно называют просто доисторической эпохой. Возникновение собственно человеческого сознания впервые привело к тому, что вид невозможно было определить в рамках чистой биологии. Собираение корней, фруктов и семян, а позднее охотничьи игры разбросали семейные группы или племена первобытных людей, блуждающих по миру, который был намного меньше нашего собственного. Их видение прошлого и будущего не отличалось обширностью, а представления о мире вокруг них сводились к непосредственному окружению. Что они осознавали, так это непосредственный опыт, здесь и сейчас. То, что они знали, они знали напрямую и лично. Они оставались в большем или меньшем неведении относительно всего, не имеющего отношения к выживанию, хотя об этом они знали действительно очень хорошо. В то же время, поскольку они были столь малочисленны, природный мир, в котором они блуждали, должно быть, казался им ужасающим в своей огромности.

Они бродили в лесах и саваннах, устраивались в пещерах или дырах в земле, или среди корней деревьев. Они не использовали ничего, унаследованного из прошлого, – ни домов, ни деревень, ни мостов, ни дорог, ни даже троп и хижин. Не было никаких законов, никакого авторитета, кроме авторитета главы семейства. Не было механического ощущения потока времени, с которым можно было бы соотнести переживания, – люди просто видели, как встает и садится солнце и сменяются времена года. На голых ветках набухали почки и раскрывались навстречу свету свежие листья, а затем можно было наблюдать, как те же листья желтеют и опадают на землю. Эти изменения сопровождалась изменениями в температуре и в том, каким образом нужно было добывать пищу. Но люди не знали ничего

о прошлом, ничего из истории. Они знали своих родителей и родителей своих родителей, своих детей и внуков, но за пределами этого все было окутано туманом. Они не знали ничего о других человеческих существах, живущих в другие времена или в других местах. «Знания» в нашем смысле слова вообще не существовало. Первобытный человек пребывал в неведении и, насколько мы знаем, в счастливом неведении. Нам трудно представить себе подобное – нам это время кажется очень и очень отдаленным.

Однако в каком-то смысле оно вовсе не так далеко от нас. Доисторический период, в сущности, сопоставим с историей самого человечества. Десять–двадцать тысяч лет современного, исторического человечества – это не более чем точка по сравнению с долгими и извилистыми периодами нашего развития в палеолите и неолите. На самом деле, мы все еще живем на краю Каменного века. Почти все, что мы ценим, – высокая культура, цивилизация, литература, наука и технология, работа и отдых – было совершенно неизвестно нашему виду на протяжении практически всей его истории. Наши корни действительно очень глубоки. Почти все наше существование в качестве вида мы были примитивны и невежественны, и, если заглянуть поглубже, все еще таковы. На самом деле, многое из того, что нас бессознательно обуславливает, берет начало в тягестях примитивной жизни.

Эти почти невообразимые и почти совершенно пустые пространства доисторического периода иногда более поэтично описываются как «век Прометея», по имени полубога, который, согласно греческому мифу, украл огонь с небес, чтобы им пользовалось человечество. Помимо использования огня, первобытные человеческие существа делали каменные орудия труда и заложили основы языка и религии. Великие космические или природные мифы зародились в конце этого периода, а вместе с религией появилось искусство, которое до самых недавних пор было неотделимо от религии.

Затем внезапно – и это было, если сравнить, довольно неожиданно – около двадцати тысяч лет назад этот вид, некогда состоящий из охотников и собирателей, начал обрабатывать почву, сажать семена и собирать урожай. Вместе с развитием сельского хозяйства бродячая жизнь в некоторых районах уступила место деревенским поселениям, а со временем маленьким и даже большим городам, особенно в Азии и Северной Америке, на великих долинах в поймах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы. Сельское хозяйство способствовало развитию предусмотрительности: обработка почвы

для получения урожая была обдуманной деятельностью, а не спонтанным импульсом, и, следовательно, это был первый шаг к цивилизации.

Уровень развития увеличивался в геометрической прогрессии, и Каменный век быстро сменился Бронзовым и Железным веками. Были изобретены алфавиты, люди начали записывать историю и литературу своего рода, овладели основами геометрии и астрономии, обрели очертания правительство, управление, закон, а торговля, войны и состязания распространили эти достижения на большие территории. Мифы о плодородии заменили старые космические или природные мифы. Этот период в целом известен как век сельского хозяйства, век пойменных долин или век божественных царств.

Затем, около двух с половиной тысяч лет назад, произошел еще один важный сдвиг в сознании, который Карл Ясперс назвал «осевым временем», когда появились великие религии, а также ряд великих империй. Мы можем обозначить еще одну революцию, начавшуюся около пятисот лет назад – Научно-технологический век или Век беспокойства. Но ключевым моментом в развитии человеческих существ, моментом, в который вид впервые в полной мере осознал свой уникальный потенциал, был Осовый век.

Этот термин, придуманный Ясперсом, берет начало у Гегеля, который в своей «Философии истории» говорит об оси истории, точке, в которой вся человеческая история принимает новое направление³⁶. Для него такой точкой было появление Христа, но, как отмечает Ясперс, такая интерпретация может иметь смысл только для верующего христианина. Если у истории на самом деле есть ось, она должна оказаться рядом обстоятельств, которые были значимы для каждого. Для того чтобы быть достаточно убедительной в качестве исторической системы отсчета для всех, такая осевая точка не должна поддерживаться авторитетом какой бы то ни было религии.

Ясперс находит этот решающий поворотный момент в духовном подъеме, которому он отводит временные рамки между 800 и 200-м годами до н. э. По всему миру, или, по крайней мере, в самых развитых частях мира, человечество, по-видимому, внезапно начало пробуждаться от многовекового сна. В это время рождаются личности, чьи достижения и взгляды на мир оказали глубокое влияние, непосредственное или косвенное, почти на всю человеческую расу. Даже спустя 2500 лет имена многих из этих личностей все еще почитаются и широко известны, а их работы по-

прежнему ценятся, к ним обращаются за советом и обсуждают их.

«Собрание высказываний» Конфуция (551-479 гг. до н. э.) – документ, который, вероятно, все еще оказывает величайшее влияние на китайский менталитет, в то время как «Дао-дэ-дзин», составленный гораздо более загадочной фигурой – Лао-цзы (?604-?531), неизменно популярен во всем мире. Эти два человека – лишь самые известные среди ряда китайских мудрецов, в числе которых – Мэн-цзы (372-289 гг. до н. э.) и Чжуан-цзы (около 350-275 гг. до н. э.). Индия может похвастаться целой плеядой мудрецов, которым принадлежит мудрость учений Упанишад, а также основателем джайнизма, Махавирой, и, конечно, Гаутамой Буддой. Примерно в то же время Персия удостоилась появления Зороастра или Заратустры (628-551), который, как нам известно, основал или возродил Зороастризм, веру парсов. Она стала религией Персидской империи и оказала мощное влияние на семитские монотеистические религии: иудаизм, христианство и ислам.

В крошечной стране Палестине появились на свет великие иудейские пророки: Амос и Исайя, Иеремия, Второисайя и ряд других, чьи глубокие нравственные откровения гораздо позже были развиты Иисусом из Назарета и до сих пор находят отклик во всем западном мире.

И, наконец, в Греции в это время наблюдался взрыв философской, духовной и художественной активности, не имеющий аналогов ни в прошлом, ни в будущем. Согласно известному, хотя и несколько дерзкому, высказыванию А. Н. Уайтхеда, западная философия – немногим большее, чем ряд примечаний к Платону³⁷. Платон был учеником Сократа и учителем Аристотеля, чьи работы были решающими для средневековой мусульманской и христианской мысли. Но эти три человека представляют собой лишь высочайшую точку в сложной философской традиции.

Эпическая поэзия Гомера, лирическая поэзия Пиндара, басни Эзопа, поэтическая драма Софокла, Еврипида и Эсхила, комедии Аристофана, скульптуры Фидия и Праксителя представляют собой наиболее утонченные творения искусства, оставшиеся до наших дней от невероятно богатой культуры, которая также произвела на свет первых современных историков, Геродота и Фукидида, и врача Гиппократ, чья клятва медицинской этики все еще используется западными врачами в наши дни. И, наконец, Фалес, Анаксимандр, Пифагор, Архимед и Эвклид были лишь немногими из греческих

мыслителей, совместно разработавших принципы математики и научного метода, которые два тысячелетия спустя стали основой еще одного интеллектуального взрыва, в результате которого появился известный нам современный мир.

Простое перечисление этих имен с очевидностью показывает, что, как отмечает Ясперс, «в это время зародились фундаментальные категории, в которых мы думаем и сегодня, и были созданы начала мировых религий, которыми все еще живут человеческие существа». Ясперс продолжает: «Мифы были видоизменены и поняты с новой глубиной во время этого перехода, что было мифотворчеством по новому образцу в тот самый момент, когда миф как целое был разрушен... Человек больше не замкнут в самом себе. Он становится неуверен в себе и, следовательно, открыт новым и безграничным возможностям... Впервые появились *философы*. Человеческие существа осмелились относиться к самим себе как к личностям»³⁸.

Когда мы задаемся вопросом, что общего у этих совершенно разных личностей, ответ очевиден. Это не просто наиболее плодотворные фигуры – основатели религий, школ мысли или форм художественного выражения. Несомненно, они не думали о себе в таком ключе, даже несмотря на то, что, оглядываясь на то, что стало итогом их жизни, мы можем увидеть, что многие из них так или иначе стали основоположниками. Нет, то, что у них было общего, – это то, что они были подлинными личностями. Они выделяются из человеческой массы не потому, что они ею управляли, руководили или поработщали ее, но по тому признаку, что они из себя представляли. Несмотря на то, что нас разделяют тысячелетия, мы признаем за ними ясно очерченную индивидуальность и, следовательно, можем в некотором роде вступить с ними в личное взаимодействие. Они символизируют собой новое качество человеческого существа, которое до этого периода просто не обнаруживало себя. Они мыслили независимо. Они не зависели психологически от группы. Они могли, если это было необходимо, остаться в одиночестве.

Историческое развитие духовных сообществ

В результате этой новой, так сказать, мутации, мы обнаруживаем, с точки зрения духовности, две силы, с этого времени работающие в противопоставлении друг другу на протяжении истории: группу и личность. К этим двум силам следует добавить третью – духовные сообщества. Поскольку для личности в целом свойственно вступать в

отношения с другими личностями или прото-личностями, мы обычно обнаруживаем, что они работают в контексте духовных сообществ.

Так, в Древней Греции появился ряд философских школ – милетская школа, школа Платона, неоплатоники, стоики, эпикурейцы. Их не стоит представлять как научные школы мысли в современном смысле. Они основывались как духовные общины – по крайней мере, в некоторых отношениях, – состоящие из учителей и учеников, занятых совместными поисками истины. На самом деле, школа одного из самых влиятельных греческих мыслителей, Пифагора, была известна за ее пределами как мистическое общество. Подобные духовные сообщества возникли повсеместно в греко-римском мире.

В Палестине в то же самое время такие общины, как ессеи, создали почву, в которую Иисус из Назарета посеял зерна своих учений, а впоследствии христианские общины распространились по всему Средиземноморью. Кроме того, около третьего века н. э. общины манихеев, последователей пророка Мани, появились на территории современного Ирака и Ирана, а несколько позже в той же области и за ее пределами возникли различные суфийские общины. В это время в Индии распространялась буддийская сангха, а в меньшей мере – и сангха джайнов. Можно было бы предположить существование духовных общин и в Китае, но до формирования буддийской сангхи во II веке н. э. такую роль можно отвести лишь ученой элите.

Три традиции духовных сообществ были важны и все еще очень важны, если судить по числу людей, вовлеченных в них, времени их существования и влиянию их в мире. Это буддийские, суфийские и христианские общины. Среди них наиболее долго существует буддийская сангха. Не все понимают, что буддийская сангха – это, так сказать, классическая форма духовной общины. Буддисты основали духовную общину с самого начала, а не придумали позже. На самом деле, можно сказать, что буддизм – духовное сообщество по своей сути. Сангха – это неотъемлемая часть Трех Драгоценностей на всех уровнях. Она существует в двух главных формах, как мы видели, – Хинаяны (или, вернее, Тхеравады) и Махаяны. Духовное сообщество Тхеравады чаще всего отождествляют с монашеской общиной, но в странах Махаяны, где главным объединяющим фактором с исторической точки зрения являются не столько Три Драгоценности, сколько идеал Бодхисаттвы, ее отождествляют в равной степени с монахами и мирянами.

Суфийские семьи, духовные общины или братства, хотя и

рассыпанные по всему мусульманскому миру, имеют в лучшем случае отдаленную связь с ортодоксальным исламом. Аль-Газали – это, вероятно, самый выдающийся и известный из всех мистиков суфизма. Суфизм позаимствовал свои идеи из неоплатонизма, манихейства и даже индуизма и буддизма и, следовательно, с точки зрения ортодоксального ислама суфии часто рассматривались как еретики, а некоторые даже были казнены за свои еретические заявления. Однако суфийские общины продолжают питать исламский мир вплоть до наших дней.

Начало формирования христианской ветви духовных сообществ, христианских церквей, туманно и противоречиво, но в IV в. христианство стало официальной религией всей Римской империи, и, следовательно, фактически перестало существовать как духовная община. Оно стало частью «группы», религиозным крылом государства. Со временем оно стало политической силой, утверждающей собственную власть и имеющей свою сферу влияния и контроля. С течением веков оно становилось, особенно в форме Римской Католической церкви, чрезвычайно авторитарным, нетерпимым, полным насилия и преследований.

Нужно сказать, что зачатки этого разложения присутствовали в христианстве с самого начала, как вероятно, и во всех формах монотеизма. Однако внутри этого официального христианства – и в некоторой степени, как протест против него – продолжали возникать духовные сообщества в форме монашеских общин, где находили место подлинные христиане, подлинные личности. Монастыри были островками цивилизации и культуры на протяжении Средних веков со времен падения Римской империи в пятом веке до правления Карла Великого в VIII в., и в них сохранилась большая часть латинской и даже некоторая греческая литература.

В связи с этим особенное значение имеет бенедиктинский орден, основанный св. Бенедиктом в VI в. в Италии. На самом деле, это был скорее не орден, а свободное объединение автономных монастырей, каждый из которых управлялся собственным аббатом. С течением времени некоторые из них стали экономически и политически могущественными и, поскольку первоначальная христианская церковь уже поддалась ранее влиянию, которое неизбежно оказывалось в этом случае, к XI в. монастыри перестали быть духовными сообществами и стали «группами» – частью церкви в узком, общественно-политическом, религиозном смысле.

И снова возникла необходимость в реформе, и эту потребность прежде всего выразило монашеское движение цистерцианцев и кармелитов или «Белых братьев» в XII в., а XIII в. за ними последовали францисканцы, доминиканцы, орден Бедной Клары и августинские братья. Эти движения были ортодоксальными частями духовного брожения, которое охватило Европу в Средние века, и породили разнообразные более или менее еретические движения – лоллардов, братьев Свободного Духа, таборитов и других, которые беспощадно преследовались церковью и во многих случаях со временем были искоренены.

Но в XVI в. возникает лютеранство. Это была ересь, которую невозможно было искоренить, и из ее искры вспыхнуло пламя ересей, охвативших центральную, западную и северную Европу, что было названо Реформацией. Возникали самые разные духовные движения, большие и мелкие, более или менее в русле христианства. Некоторые из них существовали лишь несколько месяцев, некоторые – годы, и лишь немногим удалось продержаться века. Например, среди движений, которые возникли в ходе пуританской революции в Англии XVII в. движение диггеров просуществовало лишь несколько лет в конце 1640-х, в то время как квакеры процветают до наших дней.

Таким образом, очевидно, что духовные сообщества сыграли в истории Европы более важную роль, чем это обычно признается. На самом деле, можно сказать, что на протяжении двух тысяч лет на Западе разворачивается великая битва между официальной религией, так или иначе связанной с сильными мира сего, и духовными сообществами в многообразии изменяющихся форм. Это битва между силой и любовью (*меттой*, если использовать буддийский термин), властью и духовной свободой, застоем и ростом, реакцией и творчеством. В этой битве победы постоянно сменяют поражения, и нет гарантии, что любое духовное сообщество будет существовать слишком долго, нет даже уверенности в том, что выживет духовная семья, частью которой являются такие сообщества.

Манихейство – лишь один из примеров духовной традиции, которая проиграла битву. Манихейство было мирным, терпимым, почти эклектичным учением. С философской точки зрения оно было формой дуализма – то есть предполагало существование двух абсолютных принципов, света и тьмы, ни об одном из которых нельзя сказать, что он произошел от другого. Манихеи верили, что, как бы далеко в прошлое мы не обращались, всегда можно обнаружить эти два принципа, независимые и иногда враждующие друг с другом.

Задача человеческих существ, согласно Мани, – освободить свет внутри нас от тьмы в нас или вокруг нас.

По мнению некоторых исследователей, Мани, возможно, испытал влияние буддизма – он, вне всякого сомнения, обращается к учениям Будды в некоторых местах своих собственных писаний, и духовные сообщества манихеев были, по-видимому, во многом похожи на буддийские общины. Есть даже некоторые свидетельства, позволяющие предположить, что манихейство Центральной Азии, в свою очередь, повлияло на позднейшее развитие буддизма Махаяны и Ваджраяны. Например, можно обнаружить намеки на манихейство в жизни Падмасамбхавы, одного из основателей тибетского буддизма. Одной из наиболее ярких черт манихейства было подчеркивание важности красоты в духовной жизни. Согласно традиции, сам Мани был художником – оказывается, даже теперь слово «*мани*» означает «художник» в современном арабском – и поощрял развитие изобразительного искусства, в том числе, каллиграфии.

Манихейство распространилось удивительно быстро из Ирака и Ирана по всей территории поздней Римской империи, по всей Средней Азии, и проникло в Индию, Китай и даже Японию. Однако эта популярная, терпимая и мирная религия подверглась столь же сильным поношениям, нетерпимости и преследованиям. На Западе ее безжалостно истребила на всей территории Римской империи ортодоксальная христианская церковь. На Среднем Востоке манихейство было уничтожено фанатичными последователями возродившегося зороастризма, а сам Мани был замучен ими. Манихеи преследовались даже в Китае – и даосами, и конфуцианцами. Даже литература этой духовной общины мирового уровня уничтожалась столь систематически, что уцелели лишь фрагменты. Исследователи смогли реконструировать ее историю и учения лишь по обрывкам и фрагментам, по свиткам, обнаруженным в пустыне и случайным пренебрежительным или враждебным упоминаниям в литературе противников манихеев.

Таков важный урок истории. Духовное сообщество может распространиться столь же успешно, как это было с манихеями, и все же исчезнуть, как будто никогда и не существовало. Это всего лишь один пример, но подобная опасность существует всегда. Точно так же, как мир видел возникновение различных духовных сообществ, он также видел возникновение «групп», под которыми я имею в виду различные коллективы людей, в которые организует себя человечество. Если вы член духовного сообщества, важно помнить,

что вы вовлечены в постоянную борьбу с группой. Что касается духовной общины, это ненасильственная битва, но враг может быть совсем другим, если мы обратимся к прошлому. В этом заключается различие – и связь – между духовным сообществом и группой, которые мы продолжим рассматривать далее.

И эта связь, я должен добавить, не обязательно должна проявляться в разрушении возможностей существования духовного сообщества. Если стала возможной Осевая эпоха, то могут иметь место и еще большие изменения. Если отдельные люди и духовные сообщества могут время от времени выделяться из группы, тогда нам также нужно поверить в возможность, сколь бы отдаленной она не казалась, того, что духовное сообщество сможет однажды перевесить группу, что свет может одолеть тьму. Также есть то, что я назвал бы «позитивной группой». Нам нужно определиться с терминами. Давайте более детально рассмотрим группу и духовное сообщество.

Глава 5. Группа и духовное сообщество

Как следует из условий, таких, как те, что были описаны в первой главе, личности – явление редкое. Духовные сообщества не менее редки, потому что они состоят именно из личностей. Личности иногда существуют в относительной изоляции, однако чаще, по-видимому, они собираются вместе, хотя и в очень небольших количествах. Когда они собираются вместе, они составляют между собой духовное сообщество. Когда вместе собираются те, кто не является личностями, получается группа. Таково различие между группой и духовным сообществом, которое мы будем рассматривать в этой главе.

Группа – это, по сути, объединение людей, не являющихся личностями. Интересно, что в английском языке нет термина, обозначающего таких людей, но в буддизме традиционно используется слово «*притхагьяны*» – «обычные люди» – и между ними и *арьями* проводится четкое различие. Согласно буддийской традиции, большинство представителей человеческой расы подпадают под эту категорию – большинство из них являются индивидуальными лишь в числовом отношении. Мы отделены друг от друга, можно сказать, во всех смыслах, кроме того, что на самом деле имеет значение. У нас отдельные тела и отдельное право голоса, если нам повезло, но мы едва ли можем сказать, что наш ум независим. Если мы внимательно посмотрим на то, откуда появляются наши мнения и решения, мы увидим, что слишком часто мы вообще не владеем собственным умом. То, что мы чувствуем и думаем, определяется обуславливающими нас факторами, особыми обстоятельствами нашего частного существования. Если мы вообще осознали себя, то лишь крайне расплывчато, урывками; мы склонны думать, чувствовать и действовать согласно тому, как думают, чувствуют и действуют другие, и почти всегда принимаем, часто как нечто само собой разумеющееся, нормы и ценности различных групп, к которым мы принадлежим. В то время, когда нам не удается действовать как личностям, наши умы, каковы они есть, в сущности, погружаются в некий коллективный, групповой ум.

Характеристики группы

Не требует доказательств, сколь бы крайним оно не казалось, утверждение, что по сравнению с личностью группа всегда не права. Почему? По сути, группа состоит из определенного числа (и природа группы такова, что это обычно очень большое число) «статистических

личностей» или «социальных единиц». То есть она состоит из людей, которые не обладают подлинной индивидуальностью, людей со сравнительно низким уровнем сознания и самосознания. Их эмоции чаще всего грубы и повторяются раз за разом, им не нравится быть в одиночестве, они нуждаются в том, чтобы другие поддерживали их взгляды и чувства, им нравится быть частью толпы, банды и так далее.

Это не означает, что такие люди не имеют ценности. Как раз наоборот: они бесконечно ценны, хотя их потенциал еще не реализован. Именно потому, что все человеческие существа способны стать личностями, нам нужно провести различие между теми, кто стремится реализовать свой потенциал, и теми, кто к этому не стремится (по крайней мере, пока). Тогда мы будем представлять, куда мы идем и куда мы предпочитаем не идти. Тот факт, что подавляющее большинство людей не заинтересовано в том, чтобы стать личностями, и в этой жизни едва ли станут ими, не означает, что у них нет возможности стать личностями.

Нити, которые связывают нас в группе как формальных личностей, обычно более или менее материальны (при этом этому слову необязательно приписывать какое-то неодобрительное значение). Люди объединяются узами крови со своей семьей или племенем. Они объединяются узами почвы с теми, кто живет и работает на той же земле, через посредство их совместной преданности земле, на которой так долго жили они и их предки. Они объединяются, особенно в случае более обширных групп, узами экономического интереса. Их объединяет страх, необходимость защищаться от более многочисленных, более могущественных, более агрессивных групп.

С Осевого времени личности и духовные сообщества продолжают появляться через разные промежутки времени и в разных местах. Однако гораздо более очевидно развитие группы. Начиная с семейной группы, племени, государства и империи, мы унаследовали на протяжении веков обширную и сложную сеть групп, с которыми мы себя отождествляем: школы, компании и многонациональные корпорации, футбольные клубы и ротари-клубы, советы, церкви, общины и общества, пабы, группы по интересам, политические партии и так далее. Мы также принадлежим к определенной социальной группе или классу, экономической группе, религиозной группе, культурной группе, языковой группе, расовой группе. В одних группах мы рождаемся, к другим нам приходится присоединяться сознательно, выплачивая членские взносы, проходя посвящения,

становясь добровольцем в армии и так далее. Эти категории до некоторой степени пересекаются, но, в общем и целом, у групп, к которым человек принадлежит по рождению, больше групповых черт, чем у тех, в которые вступают добровольно.

Многие из этих групп связаны с особыми символами, так что увидеть символ – означает сразу вспомнить о группе, которую он символизирует. Столбы с тотемами, национальные флаги и гимны, национальный костюм, – все служит этой функции.

Есть также старые школьные галстуки, значки, обозначающие принадлежность к братству, профсоюзные билеты, значки членов партии. Подобные символы сопровождаются девизами и высказываниями, отражающими групповые ценности: «страна самого Бога», «дом, милый дом», «страна надежды и славы», «земля свободных», «земля моих отцов», «бульдожья порода», «возможно, это потому, что я лондонец», «старинная фирма», «не подводи своих», «рабочие мирового союза»...

Групповое чувство преданности на самом деле очень глубоко. Эта преданность не всегда выражается и даже осознается, но она существует, она глубока, и если затрагиваются групповые ценности человека, он может резко превратиться из добропорядочного, образцового гражданина в фанатика-партизана, готового порвать на куски любого, кто бросает вызов его группе или ставит под вопрос преданность группе.

На футбольном матче или ралли или когда вы вступаете в армию, вы обнаруживаете, что коллективный дух группы, к которой вы присоединились, берет над вами верх, и вы погружаетесь в него. Это своего рода групповой ум или душа, которой вы подчиняетесь почти против собственной воли – кажется, она контролирует вас. Это не оккультная мифология, а широко известное явление.

Чувства, вызываемые в вас, столь сильны, столь повсеместны, столь неизменны, столь глобально распространены среди человеческих существ, что некоторые антропологи и психологи заходят настолько далеко, что говорят о групповом инстинкте, не менее мощном, чем инстинкт размножения. Групповой инстинкт довольно легко побуждает нас, как они говорят, объединяться с другими людьми. Можем ли мы на самом деле говорить о групповом инстинкте, спорный вопрос: некоторые психологи отмечают, что слово «инстинкт» – красная тряпка, натянутая на пути психологической теории, и что оно на самом деле не имеет реальных соответствий.

Однако, несомненно, можно сказать, что группа состоит из статистических личностей – то есть личностей, чье сознание является частью группового сознания и чьи мысли, чувства и поведение подчиняются групповым моделям и нормам.

Конечно, среди животных группа выполняет определенную биологическую функцию. Если стоит жуткий холод, и вы рискуете замерзнуть насмерть, не имея огня, искусственного укрытия или одежды, чтобы дополнить мех, волосы или шерсть, вы сгрудитесь вместе, чтобы согреться. Помимо тепла, группа также дает безопасность: ее здоровые и сильные члены часто защищают тех, кто моложе и слабее. Даже лев будет охотиться на более слабое животное, только если ему позволили отстать. Таким образом, группа на животном уровне обеспечивает выживание данного вида.

Желание принадлежать группе – в наших костях, в нашей крови. На протяжении долгой истории мы собирались в группы. Если мы будем учитывать наших предков-приматов, мы получим около двадцати миллионов лет групповой обусловленности человекообразных обезьян, обезьяноподобных людей и человечества. Сначала мы жили в своего рода расширенной семейной группе или малом племени, состоящем из примерно пятидесяти человек и лишь изредка встречались с другими малыми племенами. С развитием языка мы обрели возможность перейти к более обширным племенным группировкам. Но почти все наши отношения продолжали развиваться внутри этой домашней группы, и в некотором роде это такая группа, стремление возвращаться к которой для нас естественно.

Лишь на протяжении последних нескольких тысяч лет (а это ничтожное время по сравнению с предыдущим периодом) мы развили разнообразные виды гораздо более сложных социальных объединений. Сегодня мы обнаруживаем, что жадно стремимся получить то, что нам нужно, от еще более искаженных, испорченных социальных институтов. Все сложнее и сложнее найти группы правильного масштаба. С одной стороны, у нас есть изолированная семья-ячейка, которая может заесть настолько, что, как говорят некоторые психологи, становится причиной появления неврозов, с другой стороны, мы принадлежим к группе – нации, государству – которая настолько велика, что не имеет для нас смысла на личном уровне. Как что-то среднее мы находим, урывками и на краткий срок, членство или преданность ко всем остальным группам. Но ни одна из них, как оказывается, не удовлетворяет нашей древней нужды в

малом племени, состоящем из тридцати-шестидесяти человек, группе, в которой мы можем жить и работать в подлинной и постоянной личной связи со всеми ее членами.

Все мы принадлежим от рождения к определенным группам и, следовательно, все мы подвержены обусловленности, возникающей вследствие этой принадлежности. Наши представления, наши взгляды, наши чувства, то, как мы реагируем на людей и ситуации, наши убеждения – все это, скорее всего, будет определяться групповой обусловленностью того или иного рода, если только мы не осознаем эту обусловленность и не отдалим себя от ее влияния. Сами группы часто пересекаются или даже сливаются. И все эти пересекающиеся группы вместе составляют «мир».

Группы боятся индивидуальности и всех ее проявлений и всегда стремятся препятствовать им. Группа требует конформизма. Это происходит потому, что она основана на власти, которая, будь она физической, интеллектуальной или экономической, – это всегда власть сильных над слабыми, власть тех, кто владеет ресурсами, власть хитрости или знания того, как навязать свою волю другим, применяя грубую силу или тонкую манипуляцию для того, чтобы использовать других в своих собственных, зачастую эгоистичных целях. Группа состоит из тех, кто обладает этой властью, равно как и из тех, кто наделяет нас этой властью. Такая власть всегда используется в любой группе, будь она политической, культурной, племенной, семейной или даже религиозной.

Духовное сообщество

Цели общины, состоящей из личностей, или духовного сообщества, совершенно отличаются от целей группы. Они двояки: во-первых, члены сообщества помогают друг другу духовно развиваться, во-вторых, они помогают тем, кто остается вне общины, развивать их индивидуальность любым возможным способом. По сути, духовное сообщество – это свободное объединение личностей. Следовательно, первое, что необходимо для создания духовной общины, – это несколько личностей. Духовная община без личностей столь же невозможна, как яичница без яиц. Создать духовную общину не означает выстроить здание, надеть экзотическую форму одежды или составить длинный список правил. Вам не нужно здание, вам не нужна «подлинная традиция», вам даже не нужна религия. То, что вам нужно, – это личности, это основная составляющая. Другими

словами, вам нужны люди, которые относительно независимы от группы, относительно целостны и осознанны и имеют внутреннее направление и положительные цели в жизни. Там, где нет личностей, не будет и духовного сообщества, как бы вы его ни называли. Если вы хотите создать духовное сообщество, сначала найдите личность.

Далее, должен быть регулярный контакт между этими личностями. Это не просто вежливое светское общение. Это также не подразумевает того, что мы сбиваемся в группу для того, чтобы обрести психологическое тепло, комфорт и поддержку. Духовное сообщество состоит из личностей, которые находятся в глубоком личном контакте друг с другом. Это потребует от вас, чтобы вы стали собой, и потребует, чтобы вы предпринимали дальнейшие шаги к тому, чтобы стать подлинной личностью. Люди внутри духовного сообщества сделают все, что смогут, чтобы вызвать подлинное общение, настоящий духовный обмен. В контексте буддийской традиции такое общение называется «кальяна митрата», «прекрасной дружбой». Да, все вы пытаетесь развиваться, но вы также пытаетесь развивать *вместе*. Кроме того, вы также *помогаете* другим развиваться.

Несомненно, такие развивающиеся личности не будут согласны друг с другом абсолютно во всем. Однако важно, чтобы все члены определенного духовного сообщества разделяли одни и те же общие взгляды на духовную жизнь и подход к ней. Должна быть общая духовная обстановка, в которой все они пытаются развиваться. Эта обстановка создает среду, в которой происходит общение, и без этой среды было бы трудно помочь друг другу или даже понять друг друга. Она состоит главным образом из двух вещей. Во-первых, у духовного сообщества должен быть общий духовный идеал, все его члены должны стремиться к одним и тем же высшим состояниям сознания, одной и той же реализации. А во-вторых, у них должны быть общие средства для достижения этого идеала, общий путь или учение, общий метод или практика. Они проходят один и тот же путь одним и тем же способом. Как мы уже видели, в буддизме эти две вещи известны как Драгоценность Будды и Драгоценность Дхармы. Само духовное сообщество – это, конечно, Сангха, третья Драгоценность.

Духовное сообщество или, по крайней мере, его часть, может даже решить жить под одной крышей. Это не только будет способствовать более тесному личному контакту и, следовательно, большей взаимной поддержке между его членами, но также создаст более напряженную ситуацию, которую трудно обеспечить в других условиях. Это не

означает, что нужно обязательно все время быть со своими духовными друзьями. Даже после того, как человек стал членом духовного сообщества, ему желательно время от времени оставаться одному. Тем не менее, у нас, несомненно, больше шансов духовно развиваться, если мы постоянно общаемся на протяжении многих лет с теми, кто продвигается по пути, и особенно с теми, кто более продвинул, чем мы. Лучшие духовные сообщества – те, в которых есть, по крайней мере, один человек, который более развит, чем другие, и может обеспечить определенное руководство остальному сообществу. Такого человека традиционно называют «кальяна митрой», духовным другом, хотя в определенных обстоятельствах все члены духовной общины могут стать кальяна митрами по отношению друг к другу.

Духовные сообщества по определению – и это печальная мысль – немногочисленны и малочисленны. На самом деле, не может существовать всемирной духовной общины. Вероятно, таков закон человеческого развития, что, когда духовное сообщество достигает определенного размера, оно начинает ощущать, так сказать, притяжение группы и, скорее всего, перенимает характеристики группы. Когда это происходит, оно деградирует. Самые обусловленные, традиционные, ортодоксальные религиозные группы были первоначально подлинными духовными сообществами, которые расширились и затем были поглощены группой в той форме, в которой это наиболее для нее приемлемо. Однако, хотя подлинные духовные сообщества могут быть малы по размеру, они оказывают мощное оживляющее влияние на «рыхлую массу» населения в целом.

Как влияют друг на друга группа и духовное сообщество

Группа и духовное сообщество пытаются делать совершенно разные, даже противоположные вещи. Группа пытается создать хороших членов группы: хороших семьянинов, хороших жен и матерей, надежных сотрудников, преданных граждан, послушных солдат, членов партии, на которых можно положиться и которые будут строго придерживаться правил. Напротив, духовное сообщество пытается создать личностей. Группа настаивает на конформизме, в то время как духовное сообщество побуждает к свободе мышления. Но это не все. Определяющий принцип духовного сообщества, в противовес групповому стремлению к конформизму, – это не просто свобода мыслей, сколь бы важной не была эта свобода. Это свобода роста.

Хотя группа и ограничена во многих отношениях, ее силу сложно переоценить. Она управляет жизнями подавляющего большинства людей, и большая часть людей этому рада. Следовательно, нам нужно спросить у себя, чего мы действительно ищем, а также четко осознавать природу выбора, стоящего перед нами. Действительно ли мы ищем духовное сообщество или нам всего-навсего нужна группа? Духовное сообщество – это не коллектив, это сообщество личностей. Это даже не заместитель группы, чего ищут многие из нас в переходные времена, подобные нынешним. Многие старые институты, обычаи и традиции разрушаются. Прежние группы разрушаются, начиная с семьи. Семейные узы уже далеко не столь важны, как раньше. Кто в наши дни заботится о том, чтобы поддерживать отношения с двоюродными и троюродными братьями и сестрами? Иногда вы едва знаете, кто они такие. А раньше люди поддерживали связи с каждым человеком, даже отдаленно состоящим с ними в родстве.

На Востоке семья все еще управляет жизнью людей. Когда я жил в Индии, меня часто представляли кому-то со словами: «Это мой близкий родственник, он мой брат». Я вскоре узнал, что это означает совсем не то, что мне казалось. «О, – говорил я, – одна мать, один отец?» «О нет, он внук брата мужа дочери сестры моей прабабушки». Люди привыкли поддерживать отношения со всеми родственниками, которых иногда насчитывалась пара сотен. Но сегодня на Западе семья во многих отношениях – пустой звук.

Национальное государство – это еще одна группа, которая в настоящий момент разрушается. Раньше редко случалось, чтобы люди покидали страну, в которой родились, даже покинуть деревню считалось значительным делом. В прошлом считалось идеальным, если вы до конца дней своих жили, слыша звуки из соседней деревни, но не испытывая даже желания пойти туда. Однако в наши дни люди гордятся тем, что, как говорится, «поколесили по свету». Если мы отправляемся жить и работать или учиться в другую страну, это больше не считается печальным изгнанием, если только вы не беженец, которого выдворили из вашего дома силой, и даже тогда люди обычно счастливы больше, если им дали убежище в процветающей стране за рубежом.

Классовые отношения также разрушаются. В прежние времена, если вы рождались рабом, вы умирали рабом. Если вы рождались благородным, то, даже если вас казнили, у вас все же были особые привилегии, приличествующие вашему положению, – например, вам

отрубали голову, а не вели на виселицу. В наши дни все гораздо более изменчиво. Люди отождествляют себя не столько с классом, сколько с тем, чем они занимаются, и, поднимаясь по карьерной лестнице, они оставляют позади социальное окружение, в котором родились, и теряют связи со старыми друзьями.

В результате всех этих изменений многие люди, уехав от семьи и друзей и даже из своей собственной страны, обнаруживают, что у них не стало предписанного социального окружения, которому бы они соответствовали. Естественно, что они чувствуют себя в одиночестве и изоляции, и столь же естественно, что они, пусть и бессознательно, начинают искать группу, к которой они могли бы принадлежать. Так они могут встретиться с духовным сообществом, основанным несколькими личностями. Если ему понравилась положительная атмосфера, одинокий человек, возможно, захочет присоединиться к этому сообществу. Но он присоединяется не к духовному сообществу, а к группе. Он присоединяется к ней не для того, чтобы развиваться духовно, а ради тепла и дружеских отношений – возможно, просто потому, что не может высидеть в четырех стенах своей холодной квартиры. Таким образом, духовное сообщество становится заменителем группы. У вас нет семьи? Хорошо, вступите в это духовное сообщество. Вы не состоите ни в одном клубе? Поблизости всегда есть духовное сообщество. Вы не принадлежите к какому-то племени, у вас нет собственного вождя или тотема? Не беспокойтесь, вы найдете им замену в дружелюбном духовном сообществе по соседству.

Определенные изменения в современной Японии позволяют пролить свет на эту ситуацию. На протяжении последних ста лет или около того, начиная с реставрации Мейдзи и модернизации и индустриализации, последовавших за нею, феодальные структуры, которые ранее были объектом преданности в Японии, были разрушены. В результате обычные японцы оказались на распутье, так сказать, и у них не осталось ничего, к чему они могли бы себя отнести, чему могли бы быть преданы, за что могли бы совершить харакири. Семья была слишком мала, чтобы удовлетворить очень сильную потребность в структуре, напоминающей клановую, в то время как страна в целом – Страна Восходящего Солнца – была слишком велика.

Очевидно, многие современные японцы решили эту проблему, приняв компанию, в которой они работают, в качестве своего «клана». «Одинокий колышек вгоняют в землю», – говорят они. На Западе

молодые мужчины и женщины часто пробуют разные работы, но в Японии все обстоит не так. Говоря проще, человек никогда не уходит с работы. Он преданно служит фирме, и она заботится о каждом аспекте его жизни, от закладных до свадьбы. Он едет в отпуск, организованный фирмой, со своими коллегами, и смотрит на главу компании с почтением, как на некоего вождя племени, и иногда даже чувствует, что отдал бы за него свою жизнь.

Религия также была приспособлена к сильной потребности японцев в принадлежности. На Западе исполненные благих побуждений проповедники призывают к обновлению веры для того, чтобы заполнить духовную пустоту в сердцевине нашего общества – но немногие их слушают. Но в Японии со времен войны религиозное возрождение достигло грандиозных масштабов. Новые школы и даже новые религии растут, как грибы после дождя – почти каждую неделю появляется что-нибудь новое. Учения всех этих школ и религий в основном восходят к буддизму, беря начало в буддизме Махаяны в целом и в буддизме Ничирена в частности³⁹ и в большинстве своем основываются на *Лотосовой сутре*. Но очевидно, что учение – это не главное. Главное – это организация. У каждой из этих сект есть основатель, который принимает титул патриарха или архиепископа такой-то секты – и именуется так всеми, включая прессу. У основателя обычно есть жена, и вместе они управляют сектой. Другими словами, они – архетипические мать и отец, и иногда именно так их и называют их преданные последователи, которые довольно часто исчисляются сотнями тысяч и даже миллионами. Некоторые из этих преданных последователей занимают важные посты в управлении сектой. Естественно, возникает сложная иерархия, состоящая иногда из десятков разных уровней членства, и каждому из них присущи свои отличительные красочные одеяния, значки, пояса и головные уборы. Они воздвигают огромные замки и поместья для своих лидеров. У некоторых из них есть собственные магазины и даже железнодорожные станции. Они непременно проводят съезды на огромных стадионах и полувоенные парады на улицах, с плакатами и речевками, музыкой и песнопениями, и никто не нарушает строя.

Будь это компания или новая религия, заканчивается все примерно одним и тем же: и то, и другое удовлетворяет потребность в принадлежности группе. Несомненно, не нужно подобным образом использовать духовное сообщество как заместитель группы. Единственная реальная опасность, которая угрожает духовному сообществу, – это то, что ему очень легко превратиться в группу, –

любая другая опасность уже кроется внутри этой. Или, скорее, опасность заключается в том, что духовное сообщество подменяется группой. Духовное сообщество как таковое не может стать группой, оно может только распасться или исчезнуть, и на его место придет группа с тем же именем и внешним обликом.

Это происходит в больших масштабах, когда мировая религия вырождается до уровня этнической религии. Я имею в виду, что в определенный момент религия перестает отвечать духовным потребностям личности, как это делают все мировые религии по самой своей природе, и начинает отвечать лишь коллективным потребностям группы. Священники начинают отвечать за урожай, благословлять танки и так далее. Как будто группа создает некое гравитационное поле, воздействуя на любое духовное сообщество, которое недостаточно бдительно.

Духовное сообщество с общим проживанием особенно подвержено этой опасности. Когда люди живут совместно под одной крышей, опасность заключается в том, что они начинают создавать себе все больший и больший комфорт, и рано или поздно кухня, а не алтарная комната, становится центром их совместной жизни. Истина в том, что до достижения «вхождения в поток» вам не следует оставаться на месте и почивать на лаврах. Вы не можете даже почувствовать: «Что ж, на эту жизнь достаточно, я поработаю над этим в следующей жизни». В то мгновение, когда вы перестаете прикладывать усилия, вы соскальзываете назад.

Из-за всего этого может показаться, будто группа – это главный злодей. На самом деле это не так. Нам просто нужно ясно понимать, что она собой представляет, и отводить ей должное место. Желание принадлежать какой-нибудь группе – это основополагающая человеческая потребность, которую невозможно просто игнорировать. Нам нужно принимать ее в расчет. Хотя группа и духовное сообщество пытаются делать разные вещи, они тесно и очень близко связаны. Между ними существуют диалектические отношения, и они оказывают друг на друга сильное влияние. Духовное сообщество очищает и смягчает группу, цивилизует ее. Самим своим присутствием внутри группы оно помогает группе быть открытой высшим ценностям, стать тем, что можно назвать положительной группой, группой, в которой возможно, даже если оно и не поощряется активно, индивидуальное развитие.

В то время как духовное сообщество может оказать положительное

влияние на группу, влияние группы, однако, в той или иной степени разрушительно. Групповая ментальность всегда пытается превратить духовное сообщество в еще одну группу, и ей всегда рано или поздно это удастся. Тогда духовное сообщество приходится создавать заново тем личностям, которые понимают, что случилось. Однако духовное сообщество не может полностью отрезать себя от группы. Его преданность высшим ценностям подразумевает сострадание – стремление работать с групповой ментальностью и развивать в ней личности. Другими словами, нельзя родиться в духовном сообществе. Духовное сообщество, место в котором передается по наследству, противоречит сами себе. Низшая эволюция может определяться повторением определенных генов, но высшая эволюция – это совсем не биологический процесс. (Мы детально рассмотрим, что понимаю под «высшей эволюцией», во второй части). Духовное сообщество нужно набирать заново в каждом поколении. Это его слабость, но и его сила.

Следовательно, недостаточно просто создать духовное сообщество развивающихся личностей: необходимо также основать здоровые группы, внутри которых возможно появление здоровых членов группы – и, таким образом, потенциальных личностей. Такие группы основаны скорее не на авторитете и власти, но на дружбе и любви. В следующих двух главах мы рассмотрим сначала отношение власти к духовной общине, а затем, в противопоставление, развитие того, что я называю позитивной группой.

Глава 6. Авторитет

Слово «авторитет» очень двусмысленно. В обычном смысле оно означает власть, которая осуществляется человеком на основании его поста, правового, общественного или политического положения. В этом смысле человек обладает авторитетом не благодаря своим личностным качествам, а лишь благодаря своему положению. Авторитет в этом смысле имеет мало общего с подлинной индивидуальностью. Двусмысленность начинается, когда мы говорим, например, о моральном авторитете. Здесь это слово имеет другой оттенок значения, более близкий к своему первоначальному значению (образованному от слова «автор»). Но в наши дни под авторитетом чаще понимают власть, принадлежащую человеку в силу его поста или положения, и именно этот смысл я хочу обсудить здесь.

Точная природа авторитета в этом смысле близка по сути к идее представительства от какого-то другого лица – как, например, это имеет место в случае с посланником, который представляет монарха, или членом парламента или сенатором, который является представителем избирательного округа или штата, или делегатом, который представляет торговый союз, или даже торговцем, который представляет предприятие. Во всех этих случаях человека с определенными целями наделяют властью группы или организации, к которой он принадлежит. Группа принимает то, что он принимает в качестве представителя группы, и соглашается с тем, с чем он соглашается. Власть, которой обладает представитель, – это не его собственная власть, но власть другого человека или людей, власть группы.

Примерно также обстоит дело и в случае с авторитетом. Здесь вы также обладаете властью не благодаря тому, что являетесь личностью, но благодаря посту или положению, которое вы занимаете. Конечно, ваши личные качества могут соответствовать данному конкретному положению, но власть, которой вы обладаете, происходит от положения, а не от ваших личных качеств. Другими словами, эта власть не принадлежит вам, она принадлежит определенной группе или организации, которая назначила вас на этот пост или должность.

Из этого следует важное заключение. Когда мы имеем дело с человеком, который так или иначе является представителем, или с кем-то, занимающим пост или обладающим полномочиями, мы имеем дело не с ним как с личностью, и этот человек не действует, как личность. Из этого следует еще более важный вывод. Как мы увидели,

мы можем взаимодействовать с другими внутри духовного сообщества только как с личностями: если мы обращаемся с ними по-другому, духовное сообщество прекращает свое существование. Внутри контекста духовного сообщества, следовательно, мы не можем работать с другими как представителями, как с людьми, занимающими некое официальное положение. На самом деле, в духовном сообществе не может быть представителей, не может быть официальных постов, и, следовательно, вытекающего из этого авторитета.

Если мы работаем с другими как с теми, кто занимает властные посты, или как с представителями, мы не работаем с ними как с личностями и, следовательно, по факту, действуем не внутри духовного сообщества, а внутри группы. Даже в ситуации совместного организованного проживания в буддийской общине не может быть руководителей. В конце концов, кто кого нанимает?

Иногда людям нравится занимать посты, облекающие их властью, им нравится говорить от лица других. Личность будет сопротивляться такой роли как можно дольше, хотя другие могут этому воспротивиться. Например, я почти двадцать лет пробыл в Индии, и все это время у меня не было других интересов, кроме как погрузиться в суть буддизма. Следуя лишь этой цели, я совершенно перенял индийский образ жизни, до такой степени, что меня иногда принимали за индуса (иногда, но не всегда, как вы увидите). Я годами не видел ни одного европейца и не говорил с ним. Тем не менее, некоторые из индийцев, с которыми я общался, настойчиво, несмотря на мою преданность буддизму и индийскому образу жизни, относились ко мне как к англичанину и, более того, как к тому, кто так или иначе представляет Британию. В 1956 году меня не раз спрашивали: «Почему вы захватили Суэц?» Люди, которые задавали этот вопрос, видели не меня, личность, Сангхаракшиту, а только представителя Британии, и относились ко мне соответственно.

Подобные вещи в обратном порядке происходили со мной, когда я вернулся в Англию в 1964 году. Ко мне часто приходили журналисты из газет – обычно симпатичные молоденькие девушки с блокнотами и карандашами и всякими странными идеями о буддизме – и спрашивали меня как можно вежливее: «А вы верите в умерщвление плоти?» Опять же, они не видели меня, они и не пытались понять, во что я на самом деле верю. Они видели во мне представителя того, чем, по их мнению, являлся буддизм. Они совсем не осознавали во мне личности.

Общая черта представительства и обладания авторитетом – это, конечно, сила. Вы имеете власть над другими или вас наделяют силой (иногда полномочиями) говорить от лица других. У этого слова также присутствует интересный двойной смысл. Сила может означать способность – физическую, умственную или нравственную – действовать. Это может быть также сила или энергия, применяемая или применимая в работе. Но здесь мы заинтересованы в силе в значении обладания влиянием контролировать других, способности принуждать других, прямо или косвенно, физически или психологически.

Словосочетание «духовное принуждение» внутренне противоречиво. Власть в значении возможности принуждения нет места в духовном сообществе. Власть имеет место – на самом деле, она необходима, но необходима группе, и именно там ее место. На самом деле, группа основывается на власти и не может существовать без нее. Групповые вопросы – это всегда вопросы политики, политика главным образом заключается в принуждении. Духовное сообщество, напротив, не может сосуществовать с властью. Как только кто-то обретает власть, он перестает относиться к другим как к подлинным личностям. А когда это происходит, духовное сообщество прекращает свое существование.

Группа состоит из людей, чьи отношения друг с другом основаны на силе; сила – это принцип, которым управляются их отношения. Духовное сообщество, напротив, воплощает совершенно другой принцип и состоит из личностей, отношения которых построены по этому принципу. Очевидно, что в поисках этого принципа нужно обратиться к мировой религии, которая в идеале есть духовное сообщество (если сравнивать ее с этнической религией, которая по определению является групповой). В мировой религии, опять же, в идеале, не должно быть места авторитету и власти. К несчастью, это не всегда справедливо по отношению к религиям как историческим явлениям. Власть всегда стремится пробраться в них, и, как только это происходит, религия перестает быть духовным сообществом и становится группой. По-видимому, некоторые религии подверглись этому в большей мере, чем другие. Теистические религии, основанные на вере в Бога-личность, Высшее Существо, создателя и правителя вселенной, имеют склонность к более явному искажению авторитетом и властью, чем нетеистические религии, хотя и последние несут в себе следы подобных искажений.

Причина довольно проста. Определяющий момент теистической

религии – Бог – не показывает себя и не говорит с обычными людьми, поэтому ему нужны представители, чтобы рассказывать людям, каких поступков он от них ждет. Пророк или божий посланник, отправленный к людям, чтобы поведать им, что делать, – такой посредник. Воплощенный Сын Божий, появляющийся в человеческой форме, чтобы сказать людям, что им делать, как жить и так далее, – еще один пример.

Представитель не только говорит нам, чего Бог от нас ждет: он также наделен божьей властью. У него есть право принуждать нас делать то, чего велит Бог, если мы не желаем сделать это по собственной воле. Поэтому ключевой вопрос здесь в том, какого именно рода существо здесь представлено? В большинстве теистических религий представление о Боге двусмысленно, двойственно и даже внутренне противоречиво. Это попытка совместить двух разных Богов – Бога Власти и Бога Любви, Бога Природа и Бога Нравственности – в одном. Последствия этой переплавки могут огорчить того, кто верит в Бога. Если, например, самого близкого и дорогого человека убивает молния, это будет «делом рук Божьих» (такое определение все еще присутствует в английском законодательстве), поскольку молния – это часть природы, а за природой стоит Бог. Но этот Бог Природы – также и Бог Любви, поэтому вам приходится толковать вашу ужасную потерю как кару для вас и для него, ради вашего собственного блага. Это событие должно являться своеобразным выражением божьей любви. Вы ощущаете влияние силы, но вам нужно толковать его как деяние любви, то есть вам приходится убеждать себя в том, что это деяния любящего Бога.

Тогда непременно возникает вопрос: воплощают ли представители Бога оба эти аспекта Бога? Вас могут наделить властью и возможностью ее применения от лица высшего авторитета, но можете ли вы вверить кому-то свою любовь? Мы часто говорим: «Передавай ему мою любовь», но можно ли на самом деле отдать любовь, которая не принадлежит тебе? Нет, конечно, нет. Невозможно передать любовь одного человека другому. Другими словами, в то время как власть можно делегировать, любовь – это качество личности.

Представитель Бога, следовательно, не может действовать от лица Бога Любви – он может действовать от лица Бога Силы. Чтобы укрепить свой авторитет и власть, он может утверждать, что говорит от лица Бога Любви, но никакие уверения не сделают подобное возможным. Представители теистических религий всегда наделены властью, потому что это все, чем они наделены. Соответственно,

теистические религии всегда являются групповыми религиями, силовыми структурами – или склонны становиться таковыми.

Это особенно очевидно в случае с христианством, особенно в случае с Римской католической церковью. Как мы уже видели, Римская католическая церковь первоначально, на заре своего существования, представляла собой подлинное духовное сообщество, называемое «экклесией», что позже стало известно как «Церковь». Вначале это было подпольное движение – в буквальном смысле, потому что, как утверждается, его члены собирались в катакомбах под городом. Постепенно это духовное сообщество первых христиан вышло на свет, и христианство распространилось в большей части Римской империи, пока в IV веке не стало официальной религией всей империи. Другие религии были запрещены, и возникли описания всяческих ересей, хотя определить, что является еретическим, а что – нет, было всегда непросто. Для того, чтобы все это сделать, Церкви пришлось взять на себя и осуществлять мирскую власть.

Согласно трем из четырех Евангелий, сам Христос отвергал мирскую власть. Власть была одной из тех трех вещей, которыми дьявол искушал его в пустыне, и он отверг ее. Но Церковь не смогла последовать его примеру. Это произошло не только в силу человеческой слабости, но из-за внутренне противоречивой природы самого христианства. Ветхий Завет говорит о Боге силы, Боге войн, Боге, который побуждал своих почитателей (в данном случае детей Израиля) к избиению своих врагов. А в Новом Завете появляется Бог Любви, он учит тех, кто ему поклоняется, прощать врагов своих. Совершенно очевидно, что следовать обоим этим наставлениям одновременно невозможно. Какое выберете?

Церкви пришлось следовать Богу Власти, чтобы осуществлять принуждение, проповедуя свою веру, и таким образом она превратилась из духовного сообщества в группу, по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, как мы отметили, Бог нуждается в посреднике, который будет толковать его волю, а у любви не может быть посредников. Иногда Папу критиковали за то, что он не являлся наместником Бога Любви. Например, пьеса «Наместник», написанная в 1963 году немецким драматургом Рольфом Хохгутом, была направлена против Папы Пия XII, который отказался осудить массовые убийства евреев Гитлером, как раз по этой причине. Но подобная критика бессмысленна, поскольку наместник не может представлять Бога Любви. Он – лишь представитель Бога Власти.

Во-вторых, Церковь начала осуществлять мирскую власть, и вполне естественно, что со временем Бог на небесах должен был приведен в соответствие с ее собственной ролью в мире. Это особенно справедливо в отношении Римской католической церкви, которая считала себя наследницей политической власти Западной Римской империи. Глава Римской католической церкви, Папа, который первоначально был лишь римским епископом, со временем – через несколько веков – стал называться Викарием Христовым («Викарий» означает «наместник»). Таким образом, начиная со Средних веков и до XIX века Папы утверждали, что они – наместники божьи, и провозглашали буквально, что Бог наделил их правом полного контроля над королями и князьями. Иногда они действительно собирали армии, участвовали в сражениях и даже лично вели свои войска в битву. Они организовали несколько крестовых походов против мусульман и даже против несчастных альбигойцев в южной Франции. И, что самое ужасное, они создали Инквизицию, посредством которой они пытались силой утвердить единую веру.

Не так давно Папа принес извинения за все преступления и преследования, совершенные от имени Церкви, но это нужно рассматривать главным образом как политический жест. В день пятисотлетия основания инквизиции в Испании испанских священников попросили выразить сожаление по поводу произвола этой организации, но они отказались, также по политическим причинам.

На протяжении веков тысячи и тысячи людей были жестоко замучены и уничтожены инквизицией и другими службами Римской католической церкви. В Средние века и даже после Церковь вела себя точно так же, как силовая структура наихудшего типа, и единственным местом, где сохранялись следы христианства как духовного сообщества, были монастыри. Но и там это длилось недолго. Таким образом, Римская католическая церковь – самый выдающийся пример того, как власть проникает в духовное сообщество и рано или поздно берет над ним верх. Но это случилось и в случае с другими религиями, включая буддизм, хотя и не далеко не столь явно.

Однако внутри духовной общины некоторые люди являются личностями в большей мере, чем другие, но они используют свой опыт и даже естественный авторитет не для того, чтобы властвовать над другими людьми, и даже не для того, чтобы навязывать им свое видение, но для того, чтобы помогать им развиваться как личностям.

Но если духовное сообщество – не силовая структура, на чем оно держится? Очевидно, что, если принцип управления в группе основан на силе, принцип, воплощенный в духовном сообществе – это любовь. Однако слово «любовь» предательски двусмысленно, поскольку то, что называют любовью, слишком часто также является формой проявления власти. Подходящее слово на пали – *метта* (*майтри* на санскрите). Это слово обычно переводят как «дружелюбие», но это дружелюбие, поднятое на высочайший доступный пониманию уровень насыщенности, своего рода предельное дружелюбие. Такое дружелюбие практикуется и ощущается только подлинными личностями, только членами духовного сообщества. Когда мы ощущаем метту по отношению к другим, мы видим в них личность и относимся к ним соответственно. Важность метты отражает тот факт, что большинство буддистов регулярно и систематично развивают ее в форме практики медитации, *метта-бхаваны*.

Метту нельзя выразить с помощью жестокости, подавления или авторитета. Такое использование силы может быть совершенно необходимо в самых разных ситуациях, но такие ситуации по самой своей природе не могут проявиться внутри духовного сообщества. Каждая личность сама видит, что нужно сделать в любой конкретной ситуации – или для того, чтобы увидеть это, ей достаточно дружелюбного намека, – и, видя это, с радостью делает.

Можно пойти еще дальше и просто сказать, что положительные эмоции в целом являются сердцевиной духовного сообщества: не только метта, но также *каруна* (сострадание), *мудита* (сорадование добродетелям и счастьем других) и *упекиша* (мир или равностность), а также *шраддха* (вера и преданность). Духовное сообщество воплощает все эти очищающие, возвышающие и оживляющие эмоции.

Но даже тогда чего-то не хватает. Есть метафизическое или запредельное измерение, которое также должно присутствовать, чтобы духовное сообщество продолжало существовать. Главные принципы, управляющие духовным сообществом – это *маха-майтри*, великое дружелюбие, и *маха-каруна*, великое сострадание: сострадание или мудрость, неотделимые от *праджни*, запредельной мудрости. Другими словами, принцип управления духовным сообществом – как раз то, что мы называем *бодхичиттой*, космической Волей к Просветлению⁴⁰, отраженной в сердцах и умах всех личностей, которые составляют духовное сообщество.

Глава 7. Позитивная группа и новое общество

Трудно вообразить себе сообщество, в котором управляют – или, скорее, вдохновляют его – мудрость и сострадание. Но как потенциальные личности мы все-таки время от времени, пусть и в небольшой мере, ощущаем себя частью такого сообщества, и нам нет оправдания, если мы не пытаемся жить в свете этой истины, как могли бы. Большинство из нас почти все время действуют как члены группы, и, следовательно, мы привыкли относиться друг к другу с позиций силы – не просто непосредственной, неприкрытой силы, но и силы в форме обмана, эксплуатации и манипулирования. В лучшие минуты нам, возможно, хочется все это изменить. Нам нужно научиться относиться друг к другу с позиций любви и сострадания – захотеть относиться друг к другу как к личностям, то есть, с позиций этого запредельного сострадания-с-мудростью.

Другими словами, у нас должно появиться желание относиться друг к другу на основе *бодхичитты*. Это термин из буддизма Махаяны, и он имеет отношение к Воле к Просветлению, которая внутренне присуща каждой личности. Когда бодхичитта (слово буквально означает «Просветление сердца»), возникает в нас, у нас появляется сильная мотивация к достижению Просветления, и эта мотивация, несомненно, имеет альтруистическую ориентацию, то есть мы стремимся к достижению Просветления не ради нашего собственного освобождения и счастья, а на благо других – в действительности, как говорится традиционно, на благо всех живых существ.

Когда мы обращаемся к Прибежищу в Будде, Дхарме и Сангхе, мы переходим из группы в духовное сообщество, из-под управления, основанного на силе, к вдохновению, основой которого является бодхичитта, из старого общества в совершенно новое, другое общество. Буддисты говорят о том, чтобы уйти из мира, сансары, в Сукхавати, Чистую землю, мир, в котором условия полностью благоприятны для практики Дхармы. Несомненно, все мы, по крайней мере, иногда, ощущаем неудовлетворенность миром вокруг себя и хотели бы жить в лучшем, более красивом мире, чем тот, который окружает нас сейчас, в мире, который бы укреплял и пробуждал в нас лучшие качества – щедрость, доброту и осознанность – вместо того, чтобы объединенными усилиями подрывать эти качества.

Конечно, многие люди на протяжении истории, как на Западе, так и на Востоке, испытывали такое желание. Вне всякого сомнения, это же ощущали и люди во времена самого Будды, потому что есть,

например, история Вайдехи, жены короля Бимбисары, который был правителем королевства Магадха в северной Индии. История Вайдехи описывается в «Амитаюр-дхьяна-сутре», сутре, посвященной медитации Будды Амитаюса, Будды вечной жизни⁴¹. (Это одна из трех сутр, в которых говорится о Сукхавати, Счастливой земле и ее Будде Амитабхе или Амитаюсе: две другие – большая и малая «Сукхавативьюха-сутры»).

История начинается с момента, когда принц Аджатакату занимает трон Магадхи и помещает в тюрьму собственного отца, справедливого короля Бимбисару, которого он намеревается умиротворить голодом. Но Вайдехи, главной супруге короля (и, как оказывается, матери Аджатакату), удается тайно проносить ему пищу и поддерживать его жизнь. Когда Аджатакату узнает о том, что она делает, он угрожает ей смертью, но в конце концов ограничивается ее заточением.

И вот Вайдехи одна в тюрьме, ненавидимая сыном и не способная обеспечить пищей своего мужа. Вполне понятно, что она в совершенном отчаянии. Но она не просто отдается отчаянию. Полностью разочарованная в королевской доле и мирской жизни в целом, она оставляет всякую мысль о своих прекрасных дворцах, принимает потерю семьи и сосредотачивается на Будде, который, как это бывает, находится всего в нескольких милях от нее, на Пике Коршуна. Она даже умудряется совершить простирания в его направлении. И вследствие этого перед ней появляется Будда. Не говорится, появляется ли он перед ней в буквальном смысле, в физической форме, или в некоем видении, но когда королева поднимает голову после почтительного поклона, он уже находится перед ней. Это почитаемый всеми Шакьямуни с сияющим фиолетово-золотым телом (согласно тексту), сидящий на тысячелепестковом цветке лотоса, а по левую и правую руку от него восседают Маугадаляна и Ананда. Над ним Вайдехи видит богов, которые защищают мир и рассыпают небесные цветы, делая подношения Будде.

Узрев это, Вайдехи снова простирается на земле и рыдает: «О, почитаемый всем миром, какой мой грех в прошлом привел к тому, что у меня такой дурной сын?» Но ее заботит не только собственное несчастье. Она продолжает: «О возвышенный, какие причины и обстоятельства связали твою жизнь с Девадаттой, твоим злым братом и бывшим учеником?» «Я молюсь лишь об одном, – говорит она. – О, почитаемый целым миром, пожалуйста, поведай мне подробно о всех

местах, где нет печалей и бед, куда бы я могла отправиться, переродившись. Я не испытываю удовлетворения от несправедливого мира, Джамбудви́пы (то есть Индии), полной адов, голодных духов и животной жестокости. Этот мир несправедливости – скопище злодеев. Да не услышу я снова злого голоса. Молю, чтобы я больше никогда не увидела дурного человека. Я совершаю перед тобой прости́рание всем моим телом и всеми моими членами и ищу милости, раскаиваясь в своих грехах. Я молю лишь об одном – чтобы солнцеподобный Будда наставил меня, как медитировать о мире, где все деяния чисты».

С помощью своей волшебной силы Будда показывает Вайдехи несколько Чистых земель, где нет страданий, где не слышно ни звука стенания или даже его отголоска. Все эти земли предстают перед ней в обширном видении, и она решает переродиться в Сукхавати, Чистой земле Амитабхи или Амитаюса, западной земле блаженства. Тогда Будда продолжает наставлять ее в том, что ей сделать, чтобы достичь этого. Она должна обратиться к Прибежищу, должна соблюдать десять наставлений – короче, должна преданно следовать основополагающим учениям Дхармы. Кроме этого, она должна медитировать на Амитаюсе, Будде Вечной жизни, и его Чистой земле, Сукхавати. Она должна визуализировать их, увидеть их – по крайней мере, в медитации – в этой жизни, и Будда учит ее, как достичь этого с помощью шестнадцати последовательных медитаций.

Первая медитация заключается в сосредоточении на образе темно-красного диска заходящего солнца. Затем нужно визуализировать землю, основу или основание из лазурита, темно-синего цвета, простирающуюся бесконечно во всех направлениях, покрытую сетью золотых нитей. Затем посреди золотых нитей поднимаются деревья, сделанные из драгоценностей, озера из драгоценностей, лотосы из драгоценностей. И, наконец, после целого ряда медитаций посреди всех этих сияющих форм, разноцветия и ослепительного света появляется сам Амитабха, Будда Бесконечного света, в сопровождении двух великих Бодхисаттв, Авалокитешвары и Манджушри, воплощающих его мудрость и сострадание.

Будда говорит Вайдехи, что, если она будет медитировать подобным образом, то, умерев, она переродится в этом высшем измерении, на котором она до этого так усердно сосредотачивалась. Она обнаружит себя сидящей в чашечке прекрасного цветка лотоса, лепестки раскроются, и она увидит сидящего перед собой Амитабху. Она услышит его учение из его собственных уст, лицом к лицу. И ей нужно будет только практиковать его и медитировать на нем.

Таким образом, условия в Чистой земле архетипически-идеальны. Проповеди Дхармы слышатся в форме музыки ветра, дующего в драгоценных деревьях, в криках и голосах кроншнепов, водоплавающих птиц и райских птиц. Буквально все говорит с тобой о Дхарме, и все условия жизни благоприятны для достижения Просветления. Даже в этих совершенных обстоятельствах достичь Просветления нелегко, но, по крайней мере, ничто вокруг вас этому не препятствует.

Эта картина, представшая перед взором Вайдехи в тюремной камере, прекрасна, но может показаться такой чуждой, такой далекой от мира, в котором мы обычно живем. Но Сукхавати – это не просто еще один мир: наша задача – создавать его, насколько это в наших силах, на этой земле. Нам нужно улучшать положение здесь, делать ситуацию, в которой мы живем, все более и более благоприятной для расцвета духовной жизни и достижения Просветления.

Вот почему в 1967 году я основал новое буддийское движение и почему на следующий год я провел посвящение первых членов Буддийского Ордена «Триратна», духовного сообщества, находящегося в центре позитивной группы. Идея заключалась в том, чтобы создать – и дать другим возможность продолжать создавать – нашу собственную Сукхавати, здесь, в нашем мире, как бы мала она ни была. На протяжении многих лет я видел, как это движение медленно, но неуклонно развивается. Каждый год где-то в мире появляется новый буддийский центр, новое ретритное сообщество или новое предприятие правильного образа жизни, и я всегда рад приехать туда и присутствовать на открытии, если это возможно.

Одной из самых важных церемоний было открытие Лондонского буддийского центра на Бетнал-Грин в Восточном Лондоне в 1978 году. Празднования по этому случаю продолжались десять дней и завершились освящением двух алтарных залов. В большем из них в центре церемонии было большое, больше человеческого роста, изображение Амитабхи, Будды Запада, Будды Бесконечного света, который – как Шакьямуни сказал Вайдехи – владычествует в Чистой земле под названием Сукхавати, «счастливой земле», «месте блаженства» или просто «изобилующей блаженством». Сукхавати – это название, данное всему комплексу (месту собрания общины и общественному центру) на Бетнал-Грин.

Но что такое Сукхавати на самом деле? Что мы на самом деле праздновали в дни открытия буддийского центра? Поздравляли ли мы

друг друга с тем, что построили здание, куда люди смогут приходить раз в неделю для того, чтобы обсуждать буддизм и слушать лекции того, кто прочитал намного больше книг по этому вопросу, чем они? Для того ли мы работали так упорно, чтобы обрести возможности немного медитировать в качестве терапии и принимать лекарственную дозу буддизма время от времени, просто чтобы продолжать жить своей обычной жизнью? («Не позволяйте им медитировать больше пяти минут, – сказал мне однажды известный английский буддист. – Дольше опасно для западных людей.»)

Название Сукхавати была выбрано, чтобы отметить наше стремление к тому, чтобы этот центр мог служить более благородной, радикальной, даже революционной цели, чем просто дать людям духовные витамины, чтобы помочь им проползти еще несколько дней по мирскому пути. Любой центр, связанный с движением, которое я основал, должен быть ни чем иным как ядром нового общества.

«Новое общество?» Это выражение не ново – был даже еженедельный журнал с таким названием – но за этим девизом стоит простое, но глубокое, возвышенное и радикальное человеческое стремление. Новое общество устроено таким образом, чтобы позволить людям развиваться как человеческим существам. Оно не будет пытаться сделать за людей то, что могут сделать лишь они сами, но оно обеспечивает возможности и среду, которая будет этому способствовать, а также социальный и духовный контекст человеческого товарищества, что облегчает людям задачу развития как человеческих существ.

Говорить о создании нового общества внутри старого – значит признать, что старое общество не может выполнять такую функцию, потому что большинство его членов не заинтересованы в человеческом развитии. Далекое от того, чтобы помочь стремящемуся к духовности, общество в целом затрудняет наше развитие даже тогда, когда мы его желаем, и большую часть энергии, которую стоило бы тратить на работу по духовному преображению, мы тратим на попытки сопротивляться силам общества, препятствующим эволюции, его подавляющему, принуждающему, попирающему дух влиянию. В идеальном обществе нам не пришлось бы все время держать оборону, чтобы сохранить то небольшое пространство, в котором мы можем развиваться. Наша энергия могла бы свободно направляться на наше собственное духовное развитие в свободном взаимодействии с другими людьми, чьи убеждения подобны нашим.

Но как буддийское движение может действовать как новое общество в миниатюре? Какова его структура? Как оно работает? В своей основе это товарищество людей, которые пытаются развиваться как личности. По крайней мере, некоторые из его членов так поступают, сохраняя более или менее регулярную связь друг с другом и пытаясь развиваться совместно и помогать друг другу развиваться. Эти личности составляют духовное сообщество внутри нашего движения, они также составляют сердцевину нашего движения. Но мы не можем ожидать от каждого человека, связанного с движением, что он будет прикладывать такие усилия.

Следовательно, движение состоит из двух частей, двух уровней: собственно духовного сообщества и того, что можно описать как здоровую и позитивную группу. Во-первых, есть община, духовное сообщество, которое открыто для всех, кто достаточно целостен как личность, чтобы обрести устойчивую преданность пути Просветления, и кто, следовательно, может со всей серьезностью совершить главный поступок любого буддиста, где бы он ни находился, – обратиться к Прибежищу в Трех Драгоценностях. Следовательно, сердце движения состоит из личностей. А позитивная группа открыта для всех, кто желает принять участие в его деятельности. Это два отличных друг от друга, но пересекающихся – даже смешивающихся – уровня внутри движения в целом. Вместе они составляют то, что можно назвать буддийской группой, хотя я предпочитаю использовать выражение «движение», поскольку оно подразумевает, что в своей сути это динамический процесс.

Вся деятельность этого движения преследует одну цель, одну-единственную цель: помочь людям расти и развиваться как личностям. Наша цель никогда не заключалась в том, чтоб создать организацию в обычном смысле этого слова, подобно некоторым современным буддийским сектам в Японии. Наша цель – не в том, чтобы маршировать с плакатами по улицам Лондона и захватить Альберт-холл или сделать из себя организацию, служащую собственным интересам. На самом деле, присутствие духовного сообщества посреди позитивной группы нужно как раз для того, чтобы этого никогда не произошло.

Когда я говорю, что члены Ордена – это члены духовного сообщества, я имею в виду, что они принадлежат к настоящему, живому, радостному братству тех, кто практикует Учение и следует по Пути. Когда я говорю, что они – те, кто обращаются к Прибежищу, я говорю не о простом повторении слов Прибежища два или три раза в год по

случаю какого-нибудь буддийского праздника, как это происходит во многих частях буддийского мира и даже в буддийских группах на Западе. Под Обращением к Прибежищу я имею в виду подлинную преданность осуществлению идеала человеческого Просветления в этой самой жизни и готовность отказаться от всего, что стоит на пути этой преданности.

Это духовное сообщество – лишь часть более обширной позитивной группы, которая в свою очередь является частью того, что традиционно называется сангхой, духовным сообществом четырех направлений – севера, юга, востока и запада – и трех времен – прошлого, настоящего и будущего.

Каким бы зачаточным не было это развитие, мы создаем ядро нового общества. Мы заложили основу общества, в котором идея о том, что некоторые могут являться проводниками чьих-то еще позиций и взглядов или стремиться оказывать давление или обладать властью над кем-то другим, абсурдна. В этом обществе может быть место только для личностей, живущих в свободном взаимодействии друг с другом, вдохновленным принципами великого сострадания и запредельной мудрости, и, что превыше всего, бодхичитты, Воли к Просветлению на благо всех живых существ.

Глава 8. Путь неудовлетворенности

Так как же мы вступаем в духовное сообщество? Понятно, что это нельзя сделать, просто уплатив членский взнос. Это нельзя сделать, даже простояв положенное время на коленях в снегу перед закрытыми воротами монастыря, в стиле японского Дзэна. Сами по себе, эти формальные процедуры не вводят вас в духовное сообщество. Прежде всего, в своей сути вопрос заключается в том, пытаемся ли мы стать личностью, пытаемся ли мы развиваться духовно. Далее, он заключается в том, что мы устанавливаем контакт с другими личностями, которые также пытаются развиваться, и участвуем в духовной практике вместе с ними в общем духовном окружении. Именно в этом состоит подлинное присоединение к духовному сообществу.

Другими словами, человек вступает в духовное сообщество, когда покидает группу. Он перестает отождествлять себя с группой, перестает ощущать, что принадлежит к какой-то группе. В наши дни бывает очень трудно осуществить это буквально из-за груза наших обязанностей: мы не можем просто отказаться от ответственности за тех, кто от нас зависит, и переложить их на кого-то еще. Но это не оправдание для того, чтобы избегать какого-либо заметного отречения от группы. Боюсь, всегда есть вероятность самообмана. Можно сказать: «Я прекрасно справляюсь с домом и семьей – я не завишу от них эмоционально», – но вы не узнаете этого, если не попробуете, какова жизнь без них. Можно сказать: «Я не слишком привязан к жизни на родине, я смогу прекрасно жить в любом уголке мира», – но пока вы не попытаетесь справиться с совершенно незнакомым окружением, погодой, порядками и обычаями, не поговорите несколько месяцев на иностранном языке, вы не можете быть в этом уверены. Довольно просто почувствовать, что отрешаешься от взглядов группы, но, поскольку эмоциональная зависимость от группы чаще всего – нечто бессознательное, доказать это себе довольно сложно.

Сам Будда действительно вступил в духовное сообщество, покинув группу в виде своего родного дома. В традиционных описаниях жизни Будды об этом событии часто рассказывают в ярких красках. Там говорится, как однажды лунной ночью Будда, приняв судьбоносное решение покинуть все в том мире, который он любил, впервые в жизни остался в одиночестве⁴². Прежде чем уйти, он отправился во внутренние покои дворца и увидел свою молодую спящую жену и их ребенка около нее. Ему очень хотелось разбудить

их и попрощаться с ними в последний раз, но он подумал: это будет так болезненно для его жены, и, возможно, она даже попытается помешать ему уйти. Стоя в дверях, он лишь посмотрел на них несколько мгновений, а затем повернулся и пошел прочь. Помимо жены и ребенка, он также оставил отца, который, будучи вождем племени, мог дать ему все самое лучшее в жизни, мачеху, которая ухаживала за ним, когда он был ребенком, и друзей. На несколько лет он стал нищим, как говорили в те дни, *«паривраджакой»*, тем, кто «ушел прочь», – ушел прочь, так сказать, от жизни домохозяина и стал бездомным или, можно даже сказать, перестал принадлежать группе.

Во времена Будды по всей северной Индии многие мужчины и некоторые женщины вели жизнь паривраджа – не имея корня, дома, группы. Они существовали на милостыню, ранним утром шагая от дома к дому с чашей для подаяний и принимая любую пищу, которую им давали. Эти паривраджаки были духовными предшественниками современных индийских садху – и сейчас можно увидеть, как они пешком ходят от деревни к деревне, сидят на ступенях храмов или под большими раскидистыми деревьями баньяна.

Уходя прочь, как это сделал Будда, вы перестаете принадлежать группе и становитесь «волком-одиночкой», личностью, существующей сама по себе. Что касается группы, вы для нее более не существуете. В традиционном индуизме подобное отречение ярко и даже ужасающе отражается в специальном ритуале, в ходе которого человек официально становится скитальцем. Вы возжигаете священный огонь и делаете возлияния, начитывая мантры, а потом бросаете в огонь определенные личные вещи, завершая их двумя вещами, несущими глубокий смысл. Первая из этих вещей – тики, пучок волос, который каждый ортодоксальный индуист-мирянин отращивает на макушке головы. Затем вы снимаете священную нить, которую повязывают вокруг тела в знак принадлежности к определенной касте индуизма, и также кладете ее в огонь. Это огромный шаг, потому что социальная жизнь индуистов всецело определяется кастами, – каста является самым важным аспектом вашей идентичности. Но ритуал, тем не менее, еще не закончен. Он завершается вашей собственной погребальной церемонией. Вы играете роль священника на собственной кремации. Кем бы вы ни были раньше, теперь вы мертвы. Согласно индуистской традиции (хотя и не в современной Индии), у вас не остается никаких законных или гражданских прав. Вот как далеко индуисты традиционно

заходили, чтоб разорвать свои связи с группой.

Для Будды полное физическое отречение от мира и отречение от социальной обусловленности было общепринятой практикой, но для нас на Западе это не так. Но мы можем сделать попытку подражать великому отречению Будды, настолько, насколько далеко мы можем зайти – используя традиционное выражение буддизма – в отречении от как можно большего числа групп, от социального положения, отождествления себя с определенной нацией и так далее. Подобное отречение еще выше в обществе, подобном нашему, которое не дает возможности принять такой стиль жизни. Делая это, вы вступаете на путь перехода от члена групп к подлинной личности.

Будда стал Буддой, «тем, кто знает», лишь после шести лет отчаянной борьбы и неустанных поисков в качестве паривраджаки. Когда он начал рассказывать о том, что обнаружил, большинство из его учеников были из класса паривраджек (который был, можно сказать, бесклассовым классом, поскольку его члены отвергли свой класс вместе со всеми его предписаниями). В большинстве случаев они были странниками многие годы, прежде чем встретиться с Буддой, принять его учение и быть принятыми им – или учениками от его лица – в духовное сообщество.

Следовательно, можно выделить два разных этапа в развитии сангхи, вступлении в сангху. Во-первых, есть этап ухода из дома, оставления группы и скитаний без отождествления себя с каким-либо собранием людей. Второй этап заключается во вступлении в духовное сообщество. Это, можно сказать, негативный и позитивный аспекты одного и того же процесса. Более того, эти этапы находят отражение в ритуале буддийского посвящения и в наши дни. Когда вас посвящают, как говорят на Западе, в буддийские «монахи» (хотя «монах» – не совсем подходящее слово), есть два посвящения: так называемое низшее посвящение, *наббаджа* или уход, и высшее посвящение, *упасампада*. Уход символизирует разрыв с группой и освобождение от нее, отсечение биологических связей, преданности группе и политических связей любого рода – вы просто становитесь личностью самой по себе, иногда даже изолируя себя, а высшее посвящение представляет собой принятие этой личности в духовное сообщество. Личность принимается, когда она испытана и проверена, так сказать, в пламени одиночества. Если человек не побегал назад в группу, его, следовательно, можно принять не как того, кто ищет прибежища в маленьком и уютном религиозном кружке, а как личность, принимаемую другими личностями в качестве

ответственного члена духовного сообщества.

Но как нам начать сегодня этот переход от старого общества к новому? Можно, конечно, походить по нескольким традиционным буддийским организациям, которые более или менее твердо соблюдают стиль жизни восточных буддистов на Западе. Но признавая, что, по крайней мере, ядро нового общества уже существует в той форме, в которой я его описал, можно также совершить этот крайне важный переход в буддийском центре. Это мост, ничейная земля, где эти два мира могут встретиться и пересечься.

Человек, по крайней мере, поначалу, приходит в буддийский центр с ощущением неудовлетворенности. Может показаться, что это не тот настрой, который следует развивать буддистам – все мы, несомненно, в достаточной мере знакомы с неудовлетворенностью. Каждый, кто брал в руки каталог почтовой доставки, погружался в его глянцевиные страницы, обнаруживал там нечто, чему слишком сложно противостоять, заполнял бланк и отправлял его, ожидая этого зимнего пальто или электродрели с гарантией полного и совершенного удовлетворения, знает, что такое неудовлетворенность. Когда вещи, наконец, прибывают и вы разворачиваете упаковку, все оказывается не таким уж сияющим, роскошным, прочным и большим, как на фотографии. Иногда они даже другого цвета или какая-то деталь отсутствует. Наше разочарование может быть столь велико, что мы, колеблясь, отправляем заявку с описанием проблем и того, что нас, так сказать, не удовлетворяет, требуя возврата денег и, возможно, сопровождая его письмом в резких тонах.

Но все мы приняли доставку одной вещи, которая, сравни мы ее с описанием продукта, несомненно, окажется неполной или недобросовестно сделанной, но мы, тем не менее, кажется, более чем довольны ей. Эта вещь, конечно, – мы сами. Мы хотим, чтобы все прочее в нашей жизни было сделано должным образом, было вычищено и сияло, но себя мы любим в своем несовершенном состоянии. Так как же мы приходим к неудовлетворенности? Это довольно просто: мы разочаровываемся, когда сравниваем себя, какие мы есть здесь и сейчас, с тем, какими мы могли бы стать в будущем. Мы испытываем неудовлетворенность, когда видим проблески своего безграничного потенциала и видим по сравнению с ним, что наше нынешнее существование неудовлетворительно и ограничено. Доверяясь этому видению, мы делаем первый шаг к тому, чтобы отшатнуться от себя с отвращением и твердо решить стать правильно

действующей человеческой личностью.

Неудовлетворенность – это не просто недовольство, а искреннее и творческое состояние внутреннего протеста, позитивное и мощное побуждение. На самом деле, подобный настрой – отправная точка. Возможно, вы не удовлетворены качеством своих отношений, своей работой, своим досугом – и, возможно, скорее да, чем нет, вы также порядком сыты самим собой. Вы начинаете оглядываться в поисках нового направления, вы, возможно, слышали что-то о буддизме, потом о буддийском центре, о занятиях по медитации, и вы начинаете ходить на эти занятия и слушать лекции. Может быть, вы даже отправляетесь на ретрит на выходных. И в результате всего этого вы начинаете меняться.

Такие изменения довольно легко заметить. Я много раз их наблюдал. Люди меняются прямо у тебя на глазах, и это, можно сказать, чудо, что люди могут измениться, не просто местами, а снизу доверху. На самом деле, сам Будда считал это величайшим из чудес⁴³. Чаще всего он осуждал показ так называемых чудес или сверхъестественных сил. Древним индийцам очень нравились такие вещи, и даже сейчас люди чаще всего оживляются и начинают вслушиваться, когда об этом заходит речь. Будду часто просили продемонстрировать чудесные силы, и иногда он соглашался, если видел на это серьезные причины. Но для него все это было абсолютно несущественным, и если он считал, что люди принимают эти чудеса слишком серьезно, он отказывался иметь с ними дело. Он даже отваживался сказать: «Я осуждаю и презираю их, я питаю к ним отвращение». «Это, – продолжал он, – ненастоящие чудеса. Настоящее чудо – когда кто-то, кто следовал пути тьмы, изменяется и начинает следовать пути света, пути искусных поступков, пути духовной жизни. Вот настоящее чудо».

Эти чудеса происходят снова и снова – зачастую кажется, что это случается вопреки всему. Люди приходят в буквальном смысле с улицы, беспомощные и подавленные, как будто несут все тяготы мира на своих плечах. Они начинают медитировать, становятся более осознанными, и через несколько недель, иногда лишь за выходные, проведенные в ретрите в деревне, вы видите, как они становятся веселее и бодрее. Они начинают различать что-то в буддийском видении существования и изменяются. Некоторые думают, что когда человек десятилетиями ходит одним и тем же маршрутом, становится слишком поздно. Но это огромная ошибка. Если найти правильные, вдохновляющие слова и создать правильные условия, можно

измениться в любой момент жизни.

После того, как произошли эти первоначальные положительные изменения, вас может посетить чувство еще более глубокой неудовлетворенности. Вам вдруг может показаться, что вы не можете продолжать жить по-прежнему. Вы обнаруживаете, что старые отношения и старая работа вас очень ограничивают. Ваш опыт, если говорить вкратце, походит на тот, что пережил сам Будда, когда решился уйти. В этот момент вы можете принять какое-нибудь решение: переехать в общину совместного проживания на пару недель, чтобы посмотреть, на что это похоже, или попытаться поработать на буддийском предприятии правильного образа жизни.

Процесс в целом – от первоначальной неудовлетворенности до ухода – может занять лишь несколько месяцев, но вероятнее, что это займет несколько лет. Это во многом зависит от человека. Но когда переход от старого общества к новому наконец совершен, вы становитесь частью нового общества, и ваша сила как личности укрепляет это новое общество. С этого момента вы живете в ситуации, которая благоприятна для вашего развития как человеческого существа, в ситуации, в которой возможности роста безграничны. Это, на самом деле, очень редкая возможность. Как я знаю на собственном опыте, такая возможность редко выпадает на буддийском Востоке, и было крайне мало надежды на встречу с ней на Западе до недавних пор, до основания ряда действующих духовных сообществ. Найдя такое окружение, человек твердо вступает на путь становления подлинной личности. Именно природа подлинной личности – то, что мы продолжим рассматривать.

Часть 2

Введение: подлинная личность

Личность ли я или только элемент общества? Это, по сути, центральный вопрос нашей собственной жизни, и мы должны постоянно задаваться им и пытаться более глубоко в него проникнуть. Кроме того, как мы видели, это ключ к развитию сангхи, духовного сообщества. Без личностей нет сангхи. Следовательно, любое рассмотрение вопроса о том, что такое сангха, должно включать как можно более полное понимание природы личности. Так что же такое личность? Мы уже поняли, что подлинную личность можно описать в традиционных буддийских выражениях как человека, который разорвал первые три оковы и таким образом достиг Вхождения в поток. Мы также проследили возникновение личности в контексте человеческой истории. В следующих главах мы будем рассматривать личность с различных других точек зрения.

Во-первых, мы вкратце рассмотрим качества, характерные для личности. Затем, в главе 9, мы расширим наш угол обзора и обсудим развитие личности не только в рамках сравнительно недавней истории, но и в контексте эволюции сознания в целом. А затем, расширив наше видение до подобной развернутой и величественной перспективы, мы сузим фокус и обратимся к вопросу, который, возможно, уже приходил вам в голову. Допустимо ли на самом деле в рамках буддийского учения говорить о «личности»? Не значит ли буддизм своим учением о «не-я»? Нам стоит уделить некоторое время тому, в каком смысле уместно, а в каком – нет, думать о духовной жизни как о развитии индивидуальности, и мы займемся этим в главе 10, «Целостная личность». А в главах 11 и 12 мы свяжем наше развивающееся представление о личности с двумя другими областями мысли и опыта: западной философией в рамках идей Фридриха Ницше и искусством, в контексте которого мы рассмотрим, уместно или нет говорить о художнике как о подлинной личности.

Но для начала, каковы в целом характеристики подлинной личности? Сразу же должен отметить, что, несомненно, есть самые разнообразные качества, которые склонны развивать личности, и ни одно их описание никогда не охватит полностью этот диапазон возможностей. Личность нельзя измерить, взвесить или оценить каким бы то ни было количеством качеств или характеристик. Она неизмерима и неистощима, и то же самое можно сказать о ее качествах и характеристиках. Однако есть определенные качества

личности, которые, по-видимому, особенно важны для опыта и поведения многих людей. Возможно, в первую очередь, чтобы быть личностью, нужна объективность, ясность и разумность в широком смысле этого слова. Вам нужно осознавать, что у действий есть последствия, что вы ответственны за свои действия, и, следовательно, ответственны и за их последствия. Это необходимое условие, без которого нельзя продвигаться дальше. Также нужно быть восприимчивым – иначе вы, опять же, останетесь на месте. Но, помимо этих основ, можно сказать, что следующие положительные характеристики составляют совместно природу личности.

Во-первых, как личность вы свободны – или, по крайней мере, сравнительно свободны – от групповой обусловленности и постоянно пытаетесь видеть дальше пределов этой обусловленности. Вы осознанно относитесь к миру, к его очертаниям, к тому, как он стал таким, каков он есть, к истории. Один из способов развить подобную осознанность – это, конечно, путешествия. Как обнаружили многие люди, когда мы уезжаем прочь от привычной поддержки своим взглядам и ощущаем совершенно другую групповую обусловленность, которая существует где-то еще, этого может быть достаточно для того, чтобы задаться вопросом об окончательной обоснованности нашего привычного взгляда на мир.

Во-вторых, нужно развитое самосознание – не самосознание подростка, который сходит с ума от мысли, что все на него смотрят, но в том смысле, что мы осознаем, что мы делаем и почему. Я использую слово «развитый» здесь сознательно: нужна дисциплина и усилия, чтобы развить самосознание, и в действительности многие из традиционных буддийских практик разработаны как раз для этого. Первобытный человек обладал сознанием, но не самосознанием, не осознанностью, и это очень часто справедливо и по отношению к современному, «цивилизованному» человеку. Но личность обладает осознанностью.

В широком смысле у этой осознанности есть четыре измерения: осознание себя, природы, других людей и реальности⁴⁴. Первое из этих измерений, осознание себя, включает многие вещи. Для начала, вы осознаете свое физическое тело – его позу, его движения. Вы также осознаете собственные эмоции, будь они положительные или отрицательные, и свои мысли – идеи, представления, размышления, доводы. Вы осознаете также то, чем вы обусловлены, – свое воспитание, окружение, опыт раннего детства, ассоциации, навыки и склонности, предпочтения. Вы осознаете, что в основном

мотивирует ваши поступки, – вы способны быть разумно объективными по отношению к себе и довольно точно выносить себе оценку.

По сути, вы осознаете собственную уникальность, осознаете, что «вселенское сознание» сфокусировалось в вас, и что как один из фокусов этого сознания вы неповторимы. Вы обладаете мощной, сверкающей осознанностью. Вы чувствуете каждую вибрацию собственного индивидуального существования. Вы осознаете себя, как нечто четко отграниченное, отделенное от всего остального в природе. Вы осознаете свою абсолютную неповторимость – то, что и через века, через сотни и миллионы лет не будет никого, подобного вам.

Второе измерение осознанности – это осознанность по отношению к природе. Вы осознаете природу как нечто совершенно иное, то, что не является вами, даже несмотря на то, что вы берете в ней свое начало и выросли из нее. Вы осознаете свое физическое окружение, среду.

Третье измерение осознанности – в том, что вы осознанны по отношению к другим людям, особенно к тем, кто также обладает осознанностью. Вы осознаете, что происходит между вами и другими – то есть вы осознаете природу и качество ваших отношений.

И, наконец, что важнее всего, вы развиваете четвертое измерение осознанности – осознание реальности. Вы осознаете таинственную, неуловимую нить единства, которая пронизывает все бескрайнее полотно вещей. То есть вы осознаете – или стремитесь осознать – абсолютную реальность, то, что иногда называют запредельным. Вы ощущаете непосредственную, личную связь с глубочайшей реальностью вещей. Можно даже сказать (несколько поэтическим языком, вероятно), что личность – это человек, через кого глубинная реальность, истина, лежащая за пределами видимого, действует или присутствует в мире. Через личность видна вселенная: на самом деле личность и вселенная есть одно.

Если вы личность, вы знаете, что вы делаете. Вы не реагируете механически, по принуждению, вас не увлекает и не тащит вперед слепой инстинкт. Вы не жертва ваших собственных бессознательных побуждений. Вы спонтанны и свободны.

В-третьих, из этого самосознания вытекает, что, будучи личностью, вы отделяете себя от большинства человечества. Вы больше не являетесь частью вида, группы. Вы это вы. Можно даже сказать, что

каждая личность представляет собой отдельный вид. В тибетском тексте «Наставления Гуру» перечисляется «десять знаков высшего человека», и десятый звучит так:

*Отличаться от большинства каждой мыслью и поступком – это знак высшего человека*⁴⁵.

Это не означает, что вам надо превзойти самого себя, чтобы отличаться от других. Личность не обязательно эксцентрична. Не следует смешивать личность и с индивидуалистом или человеком с раздутым эго, которому нравится причинять боль другим. Просто вы думаете самостоятельно и, следовательно, неизбежно думаете не так, как другие. Вы можете уважать мнение других и даже использовать его, но сначала тщательно обдумаете, достоверны ли на самом деле чужие суждения.

Вам не приходит в голову желать быть отличным от других – дело не в том, что вы хотите «выйти из толпы». Вы также не ставите себя «выше толпы». Личность – это, вне всякого сомнения, не человек, который просто попадает на вершину социальной группы, подобно королям, министрам, миллионерам, кинозвездам и так далее. Личность отлична от других по своей сути, качественно отлична. Вы отличаетесь от других просто тем, что являетесь собой.

В-четвертых, вы не зависите от других психологически. Вам не нужно одобрение группы, чтобы обрести покой ума. Вы не против того, чтобы отличаться от других людей, вы не против того, чтобы развивать идеи, которые никому в голову больше не придет принять. Неодобрение группы не заставляет вас подстраиваться под нее. Если понадобится, вы готовы остаться в одиночестве. Это не означает, что одиночество – это вопрос принципа: напротив, потребность казаться «независимым» – это просто еще одна форма зависимости. Это также не означает, что вы должны отвергать помощь других, чтобы быть независимым: пожилые люди, которые отказываются принять свои собственные объективные ограничения, говоря: «Я всегда был независимым», – не проявляют этим подлинной независимости. Подлинная независимость – это независимость ума: вы самостоятельны, вы делаете собственный выбор.

Вместе с этой свободой и самоопределением приходит творчество. Один из способов выразить это – сказать, что первобытное человечество реактивно, современное человечество продуктивно (то есть создает материальные вещи – пищу, здания, одежду,

произведения искусства), а личность – креативна. Это означает, что то, что вы создаете как личность, даже в материальной форме, обладает духовной значимостью. Создаете ли вы музыку, литературу, философию, религию или что бы то ни было, на самом деле вы создаете себя. Личность – это величайшее из собственных произведений искусства. Это очевидно в случае с такими людьми, как Будда, Конфуций или Сократ. Но и в поздние времена это можно увидеть, возможно, в меньшей мере, на примере Гете. Он – величайший из поэтов, пишущих на немецком языке, но, тем не менее, можно сказать, что его величайшая поэма – это его жизнь. Эта преданность собственному развитию как личности очень хорошо ощущается в его «Разговорах с Эккерманом»: он работал над своим характером, своими личными качествами, своей жизнью вполне сознательно, в том же духе, в котором создавал свои литературные произведения.

Французский театральный режиссер Антонен Арто (1896–1948) выражает подобную устремленность в очень пылких выражениях в своих «Пунктах»:

Я ненавижу и отвергаю как труса каждого, кто согласился с тем, что его создали, и не желает создавать заново себя, то есть того, кто согласен с идеей Бога как источника его существования, источника его мышления.

Я ненавижу и отвергаю как труса каждого, кто согласен с тем, что себя создал не он сам, и кто принимает и признает идею материальной природы мира как его уже существующего тела.

Я не признаю, что не я сам создал свое тело, и ненавижу и отвергаю как труса каждого, кто согласен жить, не создав сначала себя заново.

Я ненавижу и отвергаю как труса каждого, кто не признает, что жизнь дана ему только для того, чтобы заново создавать и перестраивать все его тело и организм⁴⁶.

В-пятых, как личность вы можете быть, и вы это принимаете, непопулярным. Непопулярность, как таковая, несомненно, не является характеристикой подлинной личности – это просто то, что ощущает человек. Самому Будде (прежде чем стать Буддой) пришлось привыкнуть к потере дружбы и уважения своих пяти последователей на пути аскетизма, когда он решил, что самоинстязания бесполезны, и снова начал должным образом питаться⁴⁷. Даже после своего

Просветления в некоторых кругах он был совсем не популярен, потому что бросал вызов законным интересам укоренившегося наследственного жречества. К счастью, индийцы в целом – довольно терпимые люди. Другим великим личностям не так повезло. Сократа приговорили к смерти, Конфуция изгнали из государства, и он почти умер от голода в канаве. Пророков Израиля нередко побивали камнями. Что касается творцов современности, они все еще иногда вызывают ярость толпы.

В-шестых, личность будет развивать положительные и возвышенные эмоции. Конечно, каждый способен на положительные эмоции – даже Сталин, вне всякого сомнения, по временам бывал добрым, – но из одного этого примера следует, что нельзя положиться лишь на выражение естественного человеческого тепла в виде сострадания, чувствительности, покоя и радости. Будь они положительными или отрицательными, человеческие эмоции естественным образом склонны становиться грубыми, даже жестокими. Положительная, возвышенная эмоциональная природа, следовательно, нуждается в сознательном развитии. Вам нужно принять полную ответственность за состояния собственного ума. Вы должны признать, что сами создаете свои эмоциональные переживания.

В-седьмых, ваши энергии текут свободно и спонтанно, чисто и гармонично. Нет препятствий, нет сдерживания, нет «зависания». Вся ваша энергия всегда доступна. Следовательно, вы свободны проявлять творчество во всем, что делаете.

В-восьмых, вы одни. Быть личностью среди людей, которые не являются личностями, – значит быть в одиночестве. Творить среди людей, которые просто производят или воспроизводят, – значит быть в одиночестве. Будучи личностью, вы можете почувствовать это особенно ясно – и, возможно, не будете знать, радоваться этому или печалиться. Вы рады, потому что, заново сотворив себя, вы переживаете то, что не испытывали до этого, но и печальны, потому что чем выше ваш опыт, тем сложнее вам разделить его с другими. Сам Будда, вне всякого сомнения, ощущал одиночество, особенно в период между тем, когда он покинул дом в возрасте 29 лет, и его Просветлением шесть лет спустя под деревом бодхи. Даже после этого, вплоть до того, как он смог поделиться своим опытом Просветления, он переживал свое одиночество еще более ярко. На том или ином уровне положение личности всегда таково.

Однако одиночество не является вашей целью. Последняя

характеристика личности, которую я хочу отметить здесь, — это то, что вы вдохновляете других быть по-своему личностями. Вы готовы взять ответственность в каждой ситуации, в которой вы себя обнаруживаете, помогать создавать творческую ситуацию как для себя, так и для других. Это, как мы отметили, основа, на которой личности создают духовное сообщество.

Всеми этими способами мы принимаем ответственность за себя, за наш собственный личностный рост, за свою собственную жизнь и за влияние, которое ваша жизнь оказывает на жизнь вокруг нас. И вы действуете соответственно, потому что вы считаете этот рост самым важным в жизни каждого без исключения человеческого существа. Следовательно, вы всем сердцем отдаетесь процессу личностного развития. В более традиционных, буддийских выражениях, будучи подлинной личностью, вы предаете себя Трем Драгоценностям.

Глава 9. Эволюция личности

Если принять за основу вышеизложенное, кому бы не захотелось быть подлинной личностью? В то же самое время, мы уже увидели, что личности чрезвычайно редки, что подразумевает, что стать одной из них нелегко. Так как же вы становитесь личностью? На самом деле, как *каждый* становится личностью? Что это за процесс? Мы рассмотрели, как личности впервые начали появляться на протяжении того, что Ясперс назвал «осевой эпохой». Но как это случилось? Мы можем исследовать этот вопрос в рамках концепции, которая во многом является самой важной идеей из всего многообразия современной мысли, – эволюции.

Классический пример эволюции как концепции – это, конечно, великая теория Дарвина о естественном отборе и происхождении видов. Однако эволюцию не стоит ограничивать сугубо научным применением. В более общем смысле она относится к тому, каким образом все процессы, какими бы застывшими в своих формах и функциях они ни казались внешне, являются обусловленными и непостоянными приспособлениями или совокупностями обстоятельств, которые проистекают из более ранних совокупностей обстоятельств или менее высокоорганизованных приспособлений. Вероятно, это самый важный смысл, который вкладывается в понятие «эволюция» с точки зрения буддизма.

Как общий принцип, эволюция применима практически ко всему. Она позволяет нам понимать существование в целом – от образования планет до центрального представления Дарвина о биологической эволюции и, далее, человеческих установлений и даже самих идей – как пребывание в процессе определенного раскрытия, определенного развития. Можно сказать, что вся вселенная – один гигантский процесс становления. А мы – часть этого процесса.

Модель эволюции, которая нам лучше всего знакома, – это слепое, случайное, безжалостное движение на ощупь, к все более удачному приспособлению, к постоянно меняющимся условиям окружения. Если один вид развивается к новой генетической конфигурации, которая дает ему преимущество над его окружением, другим видам приходится развивать собственные приспособления для того, чтобы ответить на этот вызов. Даже то, что известно нам как «я», можно объяснить как более или менее удачный способ адаптации определенной группы организмов к окружающей среде. Можно сказать, что это развитие изнутри.

Эта модель чрезвычайно механистична и оставляет неразрешенными многие важные вопросы. Можно даже сказать, что будет мудрее оставить их неразрешенными, доказывая, что ни одно объяснение не может рассеять основную тайну вещей, в особенности, тайну сознания и «я». И иногда именно к этой, совершенно другой модели, нас и призывают – погрузиться в эту тайну. Согласно подобному образу мышления, эволюция происходит не столько под действием внутренних сил, сколько под внешним воздействием. Конечно, в общем и целом такие идеи – сфера религии, у которой обычно есть виталистическая или телеологическая точка зрения на принцип эволюции в целом. Сам тот факт, что эволюция начинает размышлять над своими собственными результатами, рассматривается как доказательство того, что этот процесс – одновременно и прогресс, и того, что, так или иначе, он должен управляться откуда-то свыше или извне. То есть, если в процессе эволюции наблюдается прогресс, делается вывод, что этот прогресс происходит в связи с некой определенной целью, ценностью или принципом, который находится выше или вне процесса в целом.

Ни одна из этих моделей не работает достаточно удовлетворительно сама по себе, но их не обязательно противопоставлять друг другу. Если не придерживаться той или иной модели слишком буквально, можно сказать, что каждая из них достоверна по отношению к определенным аспектам ситуации. Таким образом, в неуверенных, непредсказуемых шагах дарвинистской эволюции мы можем также прочесть прогрессивное проявление на протяжении времени абсолютной, трансцендентной реальности, само присутствие которой делает возможным возникновение новых качеств и характеристик, следующих друг за другом в этом эволюционном процессе. Несомненно, с точки зрения буддизма не существует никакого предопределенного великого плана, стоящего за всем процессом эволюции, но, вероятно, можно сказать, что эта абсолютная реальность – своего рода резервуар, в котором эволюция, в особенности человеческая эволюция, постоянно находит источник.

Цель обсуждения эволюции в контексте буддизма заключается не столько в том, чтобы объяснить эволюцию в духовных понятиях, сколько в том, чтобы использовать идею эволюции и пролить свет на духовное развитие личности. Цель не в том, чтобы предложить нечто чисто научное, историческое или даже религиозное. Это способ описания процесса в нас самих как личностях. Это подразумевает, что мы – постоянно растущие, развивающиеся существа, существа,

которые на самом деле способны к бесконечному развитию.

Сначала мы можем проследить то, как мы развивались до этого. Мы – результат миллиардов лет космической эволюции, около полумиллиона лет человеческой эволюции и десяти тысяч лет культурной эволюции. С точки зрения биологии, мы развились из низших, более простых форм жизни, с точки зрения антропологии, мы развивались от дикости и варварства к цивилизации и культуре, в то время как с точки зрения психологии мы развились от бессознательного состояния к простому сознанию, а от простого сознания – к зачаткам самосознания. Во-вторых, мы можем посмотреть вперед, на то, во что мы развиваемся сейчас – не как группа, не как вид, а как личность. Разделительная черта между двумя этими видами развития – самосознание или осознанность.

Итак, мы стоим на этом водоразделе. Лучшие из человеческих существ – осознанные, ответственные, разумные, чувствительные – стоят на этой поворотной точке, где высшая эволюция возникает из «низшей» эволюции. К несчастью, мы вполне можем сползти намного ниже этой точки, а не только подняться намного выше ее. Нам нравится считать, что мы ведем полную человеческую жизнь, но стоит сказать, что большую часть времени глубоко укорененное в нас животное начало – наше групповое сознание – только урывками озаряется индивидуальным самосознанием. Подлинное человечество, другими словами, – это достижение, а не то, с чем мы родились.

Это ни в коем случае не означает, что мы должны отвергнуть нашу общую человеческую природу. Это напоминает нам, что означает быть человеком, что выделяет нас из того, что находится на низшей ступени эволюции. Высшая эволюция – это эволюция нашей человеческой природы, и этот процесс должен развиваться постоянно. Свобода, которую мы обретаем с помощью нашего самосознания, непременно дает нам свободу отказаться от этой свободы. Но мы как личности также способны упрочить этот фундамент человечества. Мы способны развиваться за пределы самосознания к еще одной ключевой точке. Именно здесь возникает запредельная мудрость – непосредственное осознание реальности, – и это осознание побуждает нас двигаться еще дальше, к тому, что буддисты называют Просветлением. Именно поэтому можно рассматривать буддизм не как религию в условном и искаженном смысле этого слова, а как путь высшей эволюции, поскольку весь эволюционный процесс становится процессом самосознания в человеческих существах.

Когда русского писателя Владимира Набокова спросили, что отличает нас от животных, он ответил так:

Это осознание того, что мы осознаем свое существование. Другими словами, если я не только знаю, что я есть, но также знаю то, что я это знаю, тогда я принадлежу к человеческому роду. Все остальное из этого вытекает: величие мысли, поэзии, видение вселенной. В этом отношении пропасть между обезьяной и человеком неизмеримо больше, чем пропасть между амебой и обезьяной. Различие между памятью обезьяны и человеческой памятью – это различие между знаком и библиотекой Британского музея⁴⁸.

Хотя в развитии высшей эволюции из низшей эволюции есть определенная преемственность, есть одна важная черта, которая нарушает эту непрерывность. Низшая эволюция собирательна: мутация должна распространиться на целую группу организмов, прежде чем можно будет сказать, что появился новый вид. Напротив, высшая эволюция осуществляется индивидуально, поскольку процесс роста заключается в развитии самосознания, осознанности, внимательности. Высшая эволюция возможна лишь в той степени, в какой существует осознанность, и наоборот. Так же, как, увидев почку на голой ветке дерева, вы понимаете, что рано или поздно там появится лист и даже цветок, вы понимаете, что, если в жизни какого-то человека вы замечаете проблески осознанности, можно с уверенностью сказать, что рано или поздно он выйдет в своем развитии за пределы этого уровня осознанности.

В результате растущей осознанности отдельная личность может в конечном итоге развить качества, которые будут отличаться от тех, которые присущи большинству людей, не только количественно, но и качественно. Такой человек может стать существом совершенно нового вида – тем, кого в буддийской традиции называют Буддой, Просветленным. Важно понимать, что истинная цель любой мировой религии (в отличие от этнических и племенных религий) – в создании таких существ, и что они представляют собой не просто прежний, переделанный по-новому и улучшенный, а совершенно новый вид существ, новую, так сказать, «метабиологическую» мутацию.

Поскольку высшая эволюция – ключевой вопрос для личности, нам нужно думать о ней не в целом, а в частном, личном аспекте. Рассмотрев обширные процессы эволюции будто бы в телескоп, мы должны поднести к ним микроскоп и исследовать, как возникает или

развивается личность. Под микроскоп мы, по сути, должны положить себя.

Грубо говоря, человеческие существа состоят из двух больших частей: физического тела и ума или сознания. Тело принадлежит к низшей эволюции. Мы унаследовали это столь чудесным образом устроенное тело от долгого ряда животных предков, уходящего вглубь туманных и отдаленных веков. Что касается ума – что ж, все было бы определено, если бы мы сказали, что человеческий ум принадлежит в основном к высшей эволюции. Но мы определенно не можем так сказать. Аристотель определяет человека как разумное животное, но обычного рационального сознания самого по себе недостаточно, чтобы поднять нас над низшей эволюцией. На самом деле, у некоторых высших млекопитающих, вне всякого сомнения, есть зачатки самостоятельного мышления. Все, что мы можем сказать, – что человеческий ум обладает *потенциалом* перейти на высший уровень эволюции. Развитие обеих наших сил, и физической, и умственной, строго ограничено нашим эволюционным генетическим наследием. Но именно ум содержит в себе возможность продолжения развития, того, что я называю высшей эволюцией. В каком-то смысле, мы больше ум, нежели тело, и если где-то у нас есть будущее, оно заложено в нашем уме. Другими словами, будущая эволюция человечества будет большей частью, если не исключительно, психологической и духовной.

Прежде, чем описать этапы развития, которые проходит сознание, будет уместно определить, что мы понимаем под сознанием. К несчастью, нужно сразу признать, что любое определение будет содержать в себе тавтологию. Вот попытка дать определение сознания в одном из словарей: «Черта, принадлежащая определенным процессам или событиям в живом организме, которая должна считаться уникальной и потому неопределимой с помощью каких-либо других терминов, но, которую, возможно, лучше всего описать как видение этих процессов или явления как бы изнутри». Личность находится, так сказать, внутри того, что происходит – это наиболее точное если не определение, то, по крайней мере, описание сознания. Следовательно, сознание синонимично осознанности, чем бы она ни была.

Трудность, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, чтобы различить последовательные этапы в развитии чего-то, что уникально и необъяснимо. Если сознание на одном этапе уникально и необъяснимо, оно будет таким же и на любом другом этапе. Как

можно отличить одну уникальную и необъяснимую вещь от другой?

Эта трудность скорее кажущаяся, чем реальная. Сознание описывается как «видение определенных процессов или событий в живом организме». Там, где есть видение, несомненно, есть и то, что видится. Этапы развития, через которые проходит сознание, можно, следовательно, различить на основе соответствующих им объектов. Если мы это сделаем, мы сможем выделить четыре ступени или уровня сознания: простое сознание, самосознание, трансцендентную мудрость и абсолютное сознание⁴⁹. Эти обозначения условны – другие, вероятно, подойдут не меньше. Например, иначе можно назвать эти уровни чувственным сознанием, субъективным сознанием, объективным сознанием и универсальным сознанием.

Первый уровень – простое сознание – синонимичен чувственному восприятию. Он состоит, так сказать, в осознании ощущений, возникающих в результате контакта органов чувств и внешнего мира. Это уровень сознания, который мы разделяем с животными; он связывает нас с бесконечным процессом биологической эволюции, с процессом почти невообразимой продолжительности, тянущимся от простого одноклеточного организма к чудесам сложности наших биологических функций как приматов.

Второй уровень – самосознание – это не просто восприятие или даже представление (посредством познающего разума). Вы воспринимаете, что вы воспринимаете. Вы осознаете, что вы осознаете. Вы не только испытываете ощущения, чувства, эмоции, ощущаете мысли, побуждения и так далее, вы ощущаете себя, как нечто, ощущающее их.

Вы не просто осознаете то, что поступает к вам через органы чувств, вы способны, так сказать, отступить и осознать себя как нечто, осознающее вещи, которые вы ощущаете, вместо того, чтобы, так сказать, погрузиться в них, отождествиться с ними.

Именно эта рефлексивная форма сознания – сознания, обращенного, так сказать, к самому себе, – наиболее характерна для нашей человеческой природы. Она связывает нас с десятками тысяч лет, на протяжении которых саморефлексирующее сознание постепенно позволило нам выделить себя из остального животного мира. Здесь мы обнаруживаем себя в, собственно, человеческом измерении, измерении, которое исследуют когнитивные и общественные науки. Это кульминация низшей эволюции и начало высшей эволюции. Это

водораздел между ними, и, следовательно, это момент чрезвычайной важности. Однако это не все, на что мы способны: мы можем продвинуться еще дальше.

Когда наше самосознание полностью развито, мы начинаем видеть себя такими, какие мы есть в действительности. С развитием третьего уровня, запредельного сознания, мы видим мир таким, каков он есть в действительности. Это сфера владений философии и религии. Именно на этом уровне мы обретаем определенную связь с природой реальности, высшей точкой которой является переживание запредельной осознанности. Это осознание высшей духовной реальности охватывает одновременно себя и все обусловленное существование – весь процесс эволюции. Его описывают как запредельное, поскольку оно выходит за пределы разделения субъекта и объекта.

По крайней мере, до определенной степени. На этом этапе объект все еще воспринимается как объект, но «линия», где субъект и объект встречаются и отделяются друг от друга, как бы заменяется трещиной, которая может расшириться до щели, в которой сияет свет абсолютного или вселенского сознания. Так, с узкого дрожащего луча света, начинается проблеск проникновения, в свете которого мы видим запредельное. И этот свет, в котором мы видим запредельное, – это также свет, в котором запредельное видит нас. Другими словами, осознанность или сознание, посредством которых мы узнаем запредельное, тождественны осознанности или сознанию, посредством которых запредельное узнает нас⁵⁰. Осознанность более не отождествляется полностью с «я» и его субъективной, психологической обусловленностью. Именно по этой причине о запредельном сознании можно также говорить, как об объективном сознании.

Четвертый уровень, абсолютное сознание или вселенское сознание, – это постепенное созревание самого состояния Будды из этого опыта запредельного сознания. Оно освобождает нас от всего круга человеческой жизни и перерождения и, следовательно, о нем можно говорить как о сверхчеловеческом уровне. Трещина расширяется и становится щелью, и щель продолжает раскрываться, расширяться, так сказать, до бесконечности. Так сознание становится единым со своим объектом, который бесконечен. Субъект и объект полностью исчезают. Следовательно, об этом нельзя ничего сказать.

На практике реальное развитие сознания – по крайней мере, за

пределами уровней низшей эволюции — несомненно, более разнообразно и неопределенно, чем в этом описании. Есть различные промежуточные этапы эволюции сознания; я вычленил четыре основных этапа, чтобы дать ясную, понятную и простую картину вопроса.

Предполагается, что человек, находясь в утробе матери, за девять месяцев проходит сотни миллионов лет эволюции, в течение которых развивался человеческий вид в целом. Ребенок также проходит в ранние годы эволюцию сознания от простого сознания к самосознанию, от животной природы — к примитивной человеческой. В момент рождения ребенок — это животное с чисто животными потребностями, но за примерно три года у него развивается мышление, память и речь, а также зачатки самосознания, которое отражают и подпитывают эти достижения.

Однако продвижение на протяжении этих первых трех лет резко замедляется. Пройдя в утробе путь, равный сотням миллионов лет, мы за эти три года внутренне повторяем лишь несколько миллионов лет эволюции. А после этого момента практически никакого развития не происходит, в сравнении с потрясающим развитием, которое имеет место в эти ранние годы. В последующие отведенные нам годы мы учимся читать и писать, накапливаем знания — иногда огромные их количества, возможно, мы учимся рисовать или играть на пианино, скорее всего, учимся водить машину. Другими словами, мы повторяем, более или менее бегло, историю цивилизации. Но в том, что касается сознания, мы остаемся на протяжении всей жизни более или менее такими же, какими мы были в возрасте трех лет.

Почему так происходит? Почему мы останавливаемся на этом этапе зачаточного самосознания? Причину можно найти в различии между низшей эволюцией, которая является коллективным процессом, и высшей эволюцией, которая является индивидуальным достижением. Высшую эволюцию нельзя повторить тем же путем, каким повторяет низшую эволюцию зародыш в утробе матери. Вы можете унаследовать простое сознание от своих родителей, но не самосознание и еще в меньшей мере — запредельное сознание. Даже если вам настолько повезло, что ваши родители наделены запредельным сознанием, вам самим все же придется начать с самого начала. Хорошая новость заключается в том, что высшую эволюцию можно пройти за одну человеческую жизнь.

Низшая эволюция поднимает нас до уровня зачаточного

самосознания, а затем прекращается. С этого момента наше продвижение зависит от наших собственных сознательных усилий. Без этого дальнейшее продвижение невозможно. Эта ситуация в некотором роде напоминает другой ключевой момент эволюции, когда жизнь покинула море, в котором она зародилась, и начала завоевывать сушу. Прибой выносит на берег морских обитателей, которые развивают способность в некоторой мере, очень ограниченно, использовать условия суши – возможно, откладывать яйца. Затем, когда прибой отступает, он оставляет этих существ выброшенными на берег, и они должны справиться с этим сами. Море больше ничего не может сделать для их развития. Положение, в котором мы оказались, в чем-то похоже на это. Жизнь выбросила нас на берег самосознания и оставила нас, предоставив самим себе. Общий источник и поток эволюции не могут больше ничего сделать для нас. С этого момента все зависит лично от нас.

Следовательно, мы сталкиваемся с выбором – не коллективным выбором, не выбором, стоящим перед нами как видом, но с индивидуальным выбором. Он стоит перед вами и мной. Мы – то есть вы и я – можем либо остановиться там, где мы находимся, либо продолжить процесс эволюции. И если мы решим идти дальше, мы вступим на путь того, что будет означать только одно, – развитие сознания.

Более того, если мы продолжим процесс эволюции, мы можем сделать это посредством нашего индивидуального устремления и усилий. Природа – даже сама Мать-Природа – не поможет нам в этом. Человеческое существование является – и по определению должно являться – борьбой, даже битвой. Может показаться, что жизнь просто течет мимо, и, без сомнения, мы можем течь вместе с ней. Но, хотя некоторые аспекты жизни подразумевают пассивное следование преобладающему течению, высшая эволюция не является одним из них. Саморазвитие – развитие сознания до более высокого уровня – это схватка с тем, что на самом деле очень непокорно.

Это происходит потому, что большинство из нас большую часть времени думает о саморазвитии, если вообще думает, в рамках физического или интеллектуального развития. Например, мы просыпаемся утром и думаем: «Сегодня я собираюсь заняться здоровьем» или «Сегодня я почитаю что-нибудь о буддизме». Но как часто наши устремления имеют своей целью развитие нашего сознания – самосознания, которое является отличительным качеством человека, в полном смысле этого слова? Если наш ответ: «Не часто,

если вообще имеют», – нам нужно признать тот факт, что мы вовсе не ведем подлинно человеческую жизнь.

Нельзя принудить человека следовать пути высшей эволюции. На самом деле, многие люди не осознают даже возможности этого, а большинство тех, кто осознает, не заботится о том, чтобы воспользоваться этой осознанностью. Даже сама готовность заинтересоваться подобным вопросом помещает нас в стан меньшинства. Любое меньшинство оказывается в трудном положении, а меньшинство тех, кто устремляется по пути высшей эволюции, оказывается в особенно трудной ситуации, потому что это путь, с которого очень легко сойти.

Вопрос высшей эволюции обычно затрагивается в мировых религиях – то есть религиях личности, религиях, которые говорят не только от лица определенной этнической группы, но, по сути, всех людей. Но сегодня у священников, жрецов и мулл немного можно узнать о том, как развивать собственные уровни сознания. Во многих частях мира – включая те, где преобладает буддизм, – мировые религии стали по существу этническими в своих заботах. Они – часть социальной среды, предлагающая себя как форму общественной службы и ничего более. По-видимому, в сфере искусств и некоторых ветвях психологии уделяется больше внимания развитию сознания, чем в более традиционных попытках вести духовную жизнь.

В «Бхагавад-гите», прославленном и популярном тексте индуизма, в котором Кришна (воплощающий, можно сказать, абсолютное сознание), как утверждается, говорит, что из тысячи людей лишь один ищет его, а из тысячи ищущих – лишь один найдет его⁵¹. Поэтому, как говорит Кришна, цели достигнет, возможно, лишь один человек из миллиона – и, вероятно, это довольно щедрая оценка.

Дхаммапада говорит о том же менее трагично. Будда говорит:

«Трудно обрести человеческое состояние. Трудно услышать подлинную истину. Трудно появиться Просветленному»⁵².

Говоря иначе, можно сказать, что действительно трудно быть человеческим существом – легче устраниться от этого вызова в более или менее животное состояние. Трудно развивать самосознание, а еще труднее развивать запредельное сознание. Трудно быть личностью, продолжать прикладывать усилия к тому, чтобы быть осознанным.

Эту трудность нужно подчеркнуть, не для того, чтобы лишить нас

мужества, но для того, чтобы дать нам надежду на успех. Пока мы понимаем, что процесс сложен и принимаем его сложность всерьез, мы можем преодолеть эти сложности. Но если мы не позволяем себе осознать, насколько трудным это будет, если мы думаем, что это будет совсем не трудно, мы не сможем этого сделать.

Хотя все против нас и цель кажется далекой, наша непосредственная цель ясна. Она заключается в развитии нашего зачаточного самосознания до полного самосознания, а также в том, чтобы начать развивать третий уровень сознания, запредельное или объективное сознание. Хотя третий уровень не может быть полностью освоен, пока полностью не развит второй уровень, тем не менее, оба они развиваются совместно. Полное развитие самосознания совершенствует нашу человеческую природу, а с полным развитием запредельного сознания мы становимся Вошедшими в поток, теми, в ком воздействие высшей эволюции перевешивает низшую эволюцию.

Высшая эволюция – труднодостижимая задача, и она потребует всей нашей энергии. Если мы собираемся заняться ею, нам придется заниматься этим – развитием сознания – везде и всюду. Мы не можем посвятить этому лишь половину нашего времени и энергии. Все или ничего. С какой бы ситуацией мы не столкнулись, какие бы переживания мы не испытывали, какая бы возможность не возникла перед нами, нам нужно всегда спрашивать себя: «Как это повлияет – напрямую или косвенно – на высшую цель, которую я перед собой поставил?» Нам нужно поднимать этот вопрос по отношению к работе, личным отношениям, социальной и культурной деятельности, занятиям спортом, интересам – книгам, которые мы читаем, музыке, которую мы слушаем, фильмам, которые мы смотрим. Вопрос всегда один и тот же: как это повлияет на развитие меня как человеческого существа?

Если нашей главной заботой будет ведение религиозной или даже духовной жизни, это совсем не обязательно положительно повлияет на наше развитие. Но если нашей главной мотивацией во всем, что мы делаем, будет развитие сознания, мы, несомненно, будем продвигаться вперед. А если не будет – и мы не будем.

Глава 10. Целостная личность

Всем нам присуще желание изменяться, расти, эволюционировать. Именно это и означает быть человеком. И все же, как мы видели, эволюция сознания – это не автоматический процесс. Как знает каждый, кто когда-либо испытывал желание измениться, поддерживать стремление сделать это трудно. Какое бы вдохновение мы не испытывали временами, мы скорее всего обнаруживаем, что поддерживать это вдохновение или перевести его в постоянные усилия по достижению большей осознанности к себе почти невозможно.

Почему это происходит? Причина в том, что мы – это не столько «я», сколько последовательность «я», а иногда и узел «я». Мы не объединенное, постоянно действующее «я», а целый ряд «я», борющихся за превосходство, и лишь одно из них берет верх в любой момент времени. Это объясняет, почему нам так часто не удается сделать то, что мы решаем сделать. Например, за решением встать рано утром стоит предположение о том, что тот человек, который принимает решение, и тот, который приведет его в исполнение, – это один и тот же человек. Однако когда мы просыпаемся, мы чаще всего обнаруживаем, что за ночь на пост заступило другое «я», «я», у которого нет намерения вставать, ему скорее нравится поваляться с утра. И вот мы лежим, смутно припоминая решение, принятое вчера, и гадаем, что стало с нашей решимостью.

Следовательно, становление личности – это процесс обретения целостности. Так или иначе нам придется найти способ объединить различные «я», существующие внутри нас, объединить все наше существо, сознательное и бессознательное, интеллектуальное и эмоциональное. Наряду с этим объединением, которое можно назвать «горизонтальным», мы также должны достичь «вертикального» объединения: единства с нашим собственным нереализованным высшим потенциалом, которое достигается, когда мы позволяем себе ощутить собственные высоты – и собственные глубины. Размышляя о буддийской жизни в таких понятиях, мы можем увидеть, что преданность соблюдению этических наставлений помогает нам жить таким образом, чтобы мы говорили именно то, что думаем, а делали, то, что намевались сделать; другими словами, мы развиваем целостность. Традиционная буддийская практика внимательности во всех своих формах также развивает целостность наших многочисленных «я», поскольку мы прикладываем усилия к тому, чтобы постоянно поддерживать осознанность во всех делах

повседневной жизни. А медитацию можно описать, как непосредственный метод обретения целостности. Во-первых, она способствует «горизонтальному» объединению, поскольку наши разрозненные «я» постепенно собираются вместе посредством сосредоточения на объекте концентрации. Далее, на основе этого горизонтального объединения мы можем начать практики медитации, на протяжении которых мы размышляем о высшей истине и все больше переживаем ее в процессе «вертикального» объединения. Практики поклонения и изучение Дхармы также помогают нам продвигаться в этом виде вертикального объединения.

Но даже если мы осознали необходимость развивать осознанность во всех смыслах этого слова и, возможно, начали попытки такого развития посредством описанных методов, это не обязательно означает, что мы будем развиваться в верном направлении. Есть опасность того, что вместо этого мы разовьем то, что я называю осознанностью отчуждения. В наш переходный век, когда не существует прочных, общепринятых ценностей, на которых мы можем основывать свою жизнь, многие люди теряют любое устойчивое ощущение личности. Кроме того, многие люди привыкли подавлять свои телесные ощущения, особенно те, что связаны с сексом, и негативные эмоции, чтобы почувствовать то, что, как им сказали, они должны чувствовать, а не то, что они чувствуют на самом деле. Поэтому, по ряду причин, многие из нас обнаруживают, что они не способны или не желают ощущать себя, особенно свои чувства и эмоции. В результате, когда мы пытаемся развивать осознанность, мы можем осознавать себя, на самом деле не ощущая себя. В каком-то смысле мы осознаем то, что не ощущаем себя, осознаем, что мы не здесь.

Эта неспособность ощутить себя ужасна, потому что склонна создавать трещину между сознательным и бессознательным, между той частью себя, которую мы позволяем себе постоянно ощущать, и той частью, которую мы бессознательно решили не ощущать и которую, следовательно, ощущаем лишь периодически и частично, если вообще ощущаем.

Но, если мы отказываемся ощущать определенную часть себя, это не означает, что та часть, о которой идет речь, прекращает свое существование. Возможно, она не признана нами, но, тем не менее, она очень жива, и не только жива, но и наносит нам удары. Так или иначе, она даст нам почувствовать свое присутствие, обычно в обличье настроений. Внезапно мы чувствуем депрессию, или гнев,

или беспокойство. Кажется, что настроение взяло над нами верх, и мы на самом деле не понимаем, почему. Иногда мы так и говорим: «Сегодня я чувствую себя не в своей тарелке» или «Не знаю, что на меня нашло сегодня», – как будто мы почти чувствуем, что, пока мы в таком настроении, мы – это кто-то другой.

К несчастью, болезненное состояние осознанности отчуждения в прошлом усугубили некоторые духовные учителя Востока, которые делали разные утверждения, не приняв в расчет различия между современной западной ментальностью и традиционным восточным взглядом на вещи. Буддийские учителя, к примеру, и многие из их западных учеников, как известно, утверждали, основываясь на авторитете учения Будды об *анатте*, что у нас нет «я» или что «я» – это иллюзия. Индуистские учителя, между тем, скажут вам, что вы – не тело, не ум, не ваши чувства, эмоции или мысли; вы, на самом деле, Бог.

Подлинная осознанность, целостная осознанность, развивается, когда мы учимся ощущать себя более полно, относиться более осознанно к тому, что мы переживаем в своем физическом теле и в своих ощущениях и эмоциях, особенно тех эмоциях, относительно которых мы предпочитаем считать, что мы их не испытываем. Одна из самых простых, но очень важных функций сангхи – в том, чтобы создать безопасную атмосферу, в которой мы можем открыться перед другими и – поскольку наши переживания признаются другими – постепенно научиться признавать их самим в большей мере.

Еще одна вещь, в которой очень большую роль играет сангха, – это помощь нам в том, чтобы мы начали осознавать, что происходит. Очевидно, нам очень сложно сказать, есть ли у нас те аспекты нашего опыта, которые мы не позволяем себе осознавать, поскольку проблема заключается в недостатке осознанности как таковой. Но наши духовные друзья зачастую могут увидеть, что происходит, лучше, чем мы сами, и найдут способ – добрый и дружелюбный, – чтобы привлечь к этому наше внимание. И, конечно, мы можем сделать то же самое для них.

Когда мы обсуждаем все это, неизбежно возникают определенные вопросы. Если осознанность заключается в переживании себя, что тогда понимается под словом «себя»? Тождественно ли это «я» сознанию? Какова связь между «я» и личностью? Это две разные вещи или одно и то же? И, опять же, что такое личность – и где в игру вступает эго? Обо всем этом говорилось немало в духовных

традициях мира, в контексте философии, как древней, так и современной, и современной психологии. Это, в каком-то смысле, вариации самого главного вопроса: «Кто я?»

Я не собираюсь предложить вам обсуждение в этом контексте природы «я», хотя этот вопрос, определенно, интересен и важен. Здесь я просто хочу заметить несколько слов о терминологии. Все эти слова – я, личность, индивидуальность, эго – используются довольно свободно, но на самом деле очень важно, что они означают. Вопросы наподобие «Что такое «я»? – не просто проблема семантики, не просто игра слов. Или, скорее, это на самом деле вопрос семантики, но семантика оказывается делом величайшей практической важности, даже в духовной жизни.

Не кто иной, как Конфуций, подтверждает важность семантики. В Китае его дней (примерно во времена Будды) были сотни, даже тысячи, маленьких государств, каждое из которых управлялось князем или принцем, и, конечно, некоторыми из них управляли лучше, чем другими, что давало повод правителям, склонным к философии, к определенным размышлениям и совещаниям с мудрецами по поводу того, как лучше реформировать государство. Однажды Конфуция спросили: «Если кто-то хочет создать идеальное государство, с чего, прежде всего, нужно начать?» (Конечно, западные мудрецы, такие, как Платон и Томас Мор, также занимались этим вопросом). Легко представить, о каких вопросах начинало думать большинство людей: об обороне, государственных доходах, сельском хозяйстве, образовании, законах – даже, с натяжкой, о религии или культуре. Но Конфуций ответил: «Уточнение терминов»⁵³. Это нужно сделать в первую очередь. Вам нужно начать с того, чтобы быть точным в том, о чем вы говорите, определив термины; если вы это сделаете, приказы будут точны, а действия будут давать результаты.

Этот совет важен не только в отношении реформирования государства, но и в отношении реформирования себя. И совет Конфуция особенно уместен для нас, живущих на современном Западе. Нам дают так много советов на выбор. Есть множество духовных учителей, и все они используют похожий язык, – но используют, чтобы вести вас в противоположных направлениях. Один из них может посоветовать вам просто спрашивать себя: «Кто я?» И ничего более. Когда вы говорите, спрашивайте себя: «Кто говорит?» Когда слушаете, спрашивайте: «Кто слушает?» Когда думаете, спрашивайте: «Кто думает?» Когда вы ощущаете что-нибудь, объект не имеет значения, заботьтесь только о субъекте и спрашивайте себя:

«Кто это ощущает?» Идея в том, что вы просто продолжаете снова и снова прокручивать эти вопросы в уме.

Но другой, столь же авторитетный учитель, говорит: «Нет, отбросьте все мысли о «я». Это чистая иллюзия. Именно когда мы спрашиваем себя: «Кто я?», – и начинаются все беды». А потом еще один авторитет говорит: «Осознайте великое я, узрите, что ваше подлинное я – это Бог, что вы – это великое я, которое есть Бог». А кто-то еще настаивает, что вам нужно спуститься на землю и продолжать жить своей жизнью, быть собой, развивать собственную индивидуальность, делать свое дело, развивать себя снизу вверх. А потом кто-то еще говорит: «Нет, ты должен вырвать это с корнем, взорвать его динамитом, если необходимо». Один известный британский буддист однажды сказал на лекции, что вам нужно вырезать огромные кровоточащие опухоли «я», чтобы облегчить себе путь к духовному восхождению.

Так мы можем прийти в замешательство относительно того, что является самым фундаментальным вопросом. Мы не знаем, кому верить, поэтому мы не знаем, что делать с самым основным и в то же время самым несовершенным аспектом нашего переживания. Когда мы пытаемся уловить его, мы обнаруживаем, что мы лишь смутно осознаем, что есть нечто такое, что мы называем «я», называем это «мной». Нам вполне ясно – по крайней мере, большую часть времени – что здесь что-то есть, как это ни назови, и, по-видимому, это нечто, которое мы называем «собой» или «мною», – это то же, к чему относятся такие слова, как эго, самость и так далее. Но что такое это нечто, вокруг которого мечутся все наши переживания? И что нам нужно с этим делать? Мы, вероятно, обнаружим, что по этому вопросу нет четкого согласия. Но переживание «меня» или «я», несомненно, наличествуют, даже если их не должно быть. Даже если мы говорим себе, что мы только «думаем», что оно здесь, что на самом деле его не существует, все же есть мысль, какой бы искаженной она ни была. Если мы хотим впасть в еще большее замешательство, можно даже подумать о том, что мы только думаем о том, что думаем, что это есть (то есть что наши мысли просто пытаются поймать самих себя за хвост).

Однако практический вопрос остается: что нам делать с чем-то, что мы называем «я» (или с мыслью о «я», потому что в итоге все сводится к тому же)? Должны ли мы развивать его, возвышать его, идеализировать его или отвергнуть его? А если мы собираемся отвергнуть его, должны ли мы искоренить его, игнорировать или

подрывать изнутри? Или мы должны просто наблюдать его мягко и настойчиво, пока не увидим, что на самом деле ничего нет? Пока мы не решим этот вопрос, наша духовная жизнь более или менее стоит на месте.

Я рискну предположить, что политическое решение Конфуция – уточнение терминов – можно применить, чтобы найти выход из этого духовного тупика. Такие слова, как «я», личность, индивидуальность и эго, обладают несколько двойственным значением. Каждое из них можно или развивать, или искоренять, в зависимости от смысла, в котором используется слово. На самом деле, мы можем вычленить эти двойственные значения в отдельных словах, чтобы иметь возможность более четко определить, что нужно развивать, а что искоренять. Таким образом, есть подлинная индивидуальность и ложная индивидуальность, высшее я и низшее я, личность и индивидуальность, управление эго и эгоцентризм.

Но что лежит в основе различия между позитивными и негативными интерпретациями этих терминов? Если мы вернемся к вопросу об «осознанности отчуждения», мы увидим, что она появляется лишь по одной причине – в силу неспособности ощущать себя, особенно свои чувства и эмоции, и, что важнее всего, негативные чувства и негативные эмоции.

С практической точки зрения нам не нужно беспокоиться о реальности «я» или его отсутствия, реальности человека в каком бы то ни было метафизическом смысле. Мы осознаем себя, и, без сомнения, таково наше переживание. Задача, стоящая перед нами, – прояснить и усилить это переживание осознанности по отношению к себе, развивать высшее «я», подлинную индивидуальность и управляемое эго, и стать целостной личностью.

Следовательно, такова основа для проведения различия между отрицательными и положительными словоупотреблениями терминов «я», личность, индивидуальность и эго. Они относятся к степени целостности или объединения. Подлинная личность целостна, ложная – нет. Первую следует развивать, от второй – избавляться. То же самое справедливо по отношению к высшему «я» и низшему «я», личности и индивидуальности, управляемому эго и эгоцентризму. Первое в каждой паре этих выражений относится к переживанию, которое мы пытаемся развивать посредством духовной практики: переживанию «я» или «меня». Юнг хорошо дает понять это в следующем определении «я» (суммированном одним из его учеников): «Самость

по определению содержит весь спектр качеств личности, от ее самых индивидуальных черт до самых обобщенных воззрений и переживаний, как действительных, так и потенциальных. Следовательно, она выходит за пределы существующих качеств личности. Архетип целостности или самости можно, таким образом, рассматривать как доминанту психического роста»⁵⁴. Мы обретаем это переживание, возвращая и принимая любые аспекты себя, которые мы, возможно, пытались отторгнуть от себя, и позволяя себе снова их пережить.

Вот что означает стать подлинной личностью. Но возникает вопрос: так ли уж хорошо – стать личностью? Как эта идея о развитии личности уживается со знаменитым учением Будды об *анатте* («не-я»)»⁵⁵ или в целом с представлением о том, что подлинно духовная жизнь подразумевает, что мы становимся в некотором смысле «бессамостными»?

Учение Будды об *анатте*, несомненно, категорически опровергает существование «я» или чего-либо подобного. Когда я изучал Абхидхарму и буддийскую логику в Бенаресе, мой учитель частенько любил напоминать, что слово «*анатта*» (анатман на санскрите) – это составное выражение, образованное от слова «*атта*» («*атман*»), которое обычно переводится как «я», и приставки «*ан*», что означает «не» или «нет». Он продолжал, говоря, что если кто-нибудь захочет понять значение всего выражения, он сможет сделать это только после того, как поймет значение слова «*атта*». Вы не можете осознать истину не-я, если сначала не обретете некоторое представление о том, что подразумевается под «я». Возможно, это покажется очевидным, но, по-видимому, не всем. Некоторые тхеравадинские монахи были возмущены такой точкой зрения, которая показалась им совершенно еретической.

Но он был прав. Вы не можете понять, что подразумевается под не-я, пока не узнаете, какое конкретное представление о «я» отрицается этой приставкой. Из различных контекстов, в которых слово «*анатта*» упоминается в буддийских писаниях, становится ясно, что Будда стремился отвергнуть брахманское представление (которое преобладало в те времена) о постоянном неизменном «я». Он не учил тому, что наше переживание «я» – это полная и совершенная иллюзия и что на самом деле в реальности нас совсем не существует. Он проповедовал, что эмпирическое «я», психе – не устойчивое единство, что оно постоянно изменяется, и, поскольку оно изменяется, оно

может развиваться. Все, что мы знаем, переживаем и именуем как «я», находится в состоянии постоянного потока – и именно это имеется в виду под «анаттой». Следовательно, цель учения об анатте чрезвычайно практична. Его следует воспринимать не как метафизическое утверждение, а как средство сохранять ясность на пути к Просветлению. Только если мы понимаем, не просто интеллектуально, но в глубине своего сердца, что в сущности нашего опыта нет ничего устойчивого, мы можем эволюционировать.

Глава 11. Выход за пределы «я»

Основная цель упоминания моего любимого западного философа в этом контексте – познакомить вас с одной из его идей, которая объясняет определяющую характеристику буддийского пути. Мне кажется, что с точки зрения буддизма, работы Ницше содержат самую важную из всех традиций мысли, которые были созданы на Западе. Следовательно, я собираюсь вкратце обрисовать жизненный путь и труды Ницше, а затем сравнить его центральное представление о сверхчеловеке или высшем человеке – и смежные идеи, особенно касающиеся непрерывного процесса эволюции внутри личности – с буддизмом как воплощением или примером этого постоянного эволюционного процесса.

Я познакомился с работами Ницше в возрасте примерно восемнадцати лет, в начале армейской службы, когда я все еще был в Англии. Однажды, великолепным летним днем, воспользовавшись выходным, я отправился на Бокс-хилл, известное своей живописностью место в Сюррее, лег на траву под сияющим солнцем и стал читать «Так говорил Заратустра». Сочетание глубокомысленности и прекрасной поэзии в этой самой известной и популярной из работ Ницше произвело на меня столь огромное впечатление, что, когда я поднял глаза, мне почти показалось, что его слова были написаны алыми буквами на голубом небе. С того самого дня я пристрастился к Ницше и снова и снова возвращался к его книгам.

Ницше родился в Германии в 1844 году в семье лютеранского пастора. (На самом деле именно Ницше сказал, что лютеранский пастор был отцом немецкой философии). Его отец умер в 1849 году, и Ницше провел остаток детства в окружении женщин – матери, сестры, бабушки и двух незамужних теток, – до тех пор, пока его не отправили в пансион. Он учился в университетах Бонна и Лейпцига, где изучал классическую филологию и был назначен на кафедру филологии в Базеле в возрасте 24 лет, еще даже не закончив образования, по рекомендации выдающегося ученого и филолога Ричла, на которого произвели глубокое впечатление студенческие работы Ницше. В Базеле Ницше особенно заинтересовался философией Шопенгауэра и музыкой Вагнера и в 1872 году опубликовал свою первую книгу, «Рождение трагедии». За ней последовали другие работы, но в 1870 году, когда ему было всего 35 лет, он отказался от своего университетского поста, прервал свою ученую карьеру и в дальнейшем провел большую часть своей

активной жизни в Швейцарии и Италии.

Он вел крайне одинокую жизнь; на самом деле, ни одного человека не могут не тронуть детали его изолированной и полной боли жизни. Он почти полностью был посвящен самому себе и не понят никем, кроме одного или двух своих друзей, с которыми он переписывался. Он был также психически нездоров и по временам испытывал почти невыносимые мучения. Он продолжал писать до 1888 года, а в период между 1883 и 1885 годами создал «Так говорил Заратустра». Но эта работа не получила практически никакого признания. Когда вышла четвертая часть книги «Так говорил Заратустра», было продано лишь несколько десятков экземпляров. А в 1889 году Ницше сошел с ума и умер, не оправившись от этого состояния, в 1900 году, в возрасте 55 лет.

Что касается мыслей Ницше, к ним едва ли применимо слово «философия». Ницше выдвинул несколько ослепительных идей, которые, несомненно, связаны между собой – или, по крайней мере, основные из них связаны. Тем не менее, он не ставил себе целью прийти к логически полному истолкованию всего существования или опыта в целом. Его великие предшественники – Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг, Шопенгауэр – предпринимали попытки создания систематической философии, но Ницше не был систематизатором. Он не стремился воздвигнуть одинокое гигантское здание мысли, в котором может уместиться все. На самом деле, он настаивал на иконоборческом парадоксе, согласно которому «стремление к системе – это стремление к утрате целостности»⁵⁶.

Следовательно, за исключением «Так говорил Заратустра», все поздние работы Ницше – это просто цепочки афоризмов. Можно сказать, что Ницше – мастер афоризма. По-видимому, никто другой не сумел сказать так много в столь немногих словах. Его единственный возможный противник, насколько я могу судить, – это Уильям Блейк с его «Адскими притчами» из «Бракосочетания Рая и Ада», и там Блейк, возможно, еще более лаконичен, чем сам Ницше. Но это была единственная попытка Блейка писать в данной форме. Он написал «Адские притчи», когда был довольно молод, а с возрастом стал гораздо более многословен. Ницше же, напротив, стал чрезвычайно афористичен и искрометен, разрушителен и мятежен с возрастом, и его высказывания все больше и больше походили на раскаты грома или удары молота.

Афористический и бессистемный подход Ницше не случаен. Он

афористичен, потому что решает быть таким. На самом деле, это сущность его метода. Некоторые из его афоризмов обладают чем-то, напоминающим дух высказываний дзенских мастеров Китая и Японии. Каждый из них глубоко проникает в реальность существования с определенной точки зрения и заключает в себе собственную суть. Истина одного афоризма не зависит от истины другого, между ними нет подобной логической связи.

Кольридж однажды сказал о великом актере Чарльзе Кине: «Видеть его игру – словно читать Шекспира во вспышках молнии». Подобно этому, читать Ницше – словно пытаться увидеть пейзаж (пейзаж человеческого существования, если хотите) в прерывистом, но сверкающем освещении вспышками молнии. На мгновение, лишь в нескольких словах, все как будто заполняется светом, и мы видим все ясно с данного конкретного угла. А затем – абсолютная тьма. Затем мы читаем еще один афоризм, и еще одна вспышка в другом направлении освещает иную часть неба, и все снова проясняется, прежде чем опять не спускается тьма.

Нам кажется, что вспышки молнии озаряют нас разные пейзажи. На каком-то уровне мы знаем, что это один и тот же пейзаж, но нам трудно собрать воедино проблески, которые озаряет молния, в гармоничное, всеобъемлющее зримое целое. То же самое и с работами Ницше: это вдохновляющее чтение, но его очень трудно изложить систематически.

Однако в действительности это означает, что мы можем рассматривать афоризмы Ницше сами по себе, не стремясь обязательно соотнести их с остальными его работами, и именно этим я предлагаю заняться далее. Афоризмы, которые я буду рассматривать в этой главе, касаются его идеи о «сверхчеловеке», «преодолении я» и «Воли к Власти».

Я поместил слово «сверхчеловек» в кавычки по двум причинам: во-первых, чтобы отметить, что это не буквальный перевод изначального немецкого слова, употребленного Ницше, а, во-вторых, как предупреждение не связывать с идеей Ницше определенные сомнительные смыслы, которыми она была окружена с тех самых пор, как нацисты использовали ее в своих собственных целях (и, конечно, для того, чтобы провести различие между «сверхчеловеком» и суперменом, одноименным героем комикса).

Слово, которое использует Ницше – «*Übermensch*», что буквально означает не суперчеловек, а «сверхчеловек» или даже «высший

сверхчеловек». *Übermensch* – это человек, который стоит над и выше, который превосходит человеческих существ, каковы они есть в настоящем. Можно даже говорить о сверхчеловеке как о «запредельном человеке». Другими словами, ницшеанский сверхчеловек обладает не нынешней человеческой природой в превосходной степени, но совершенно иной человеческой природой.

Мы будем употреблять слово «сверхчеловек» как популярную передачу ницшеанского термина *Übermensch*, поскольку пьеса Джорджа Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек» продолжает быть в англоязычном мире самым важным культурным выражением идеи Ницше. Шансы того, что работу Шоу в этом отношении может что-то затмить, более или менее сведены к нулю тем прискорбным фактом, что после своей смерти весь образ мысли Ницше был безнадежно искажен и испорчен в популярном понимании. Он был искажен, прежде всего, его сестрой, а после этого – теми, кто пытался связать идеи Ницше с нацистской идеологией. Лишь сравнительно недавно мысли Ницше были извлечены из огромной массы их неверных толкований и, по крайней мере, истолкованы более точно, особенно Вальтером Кауфманном⁵⁷.

Чтобы по-настоящему получить представление о Ницше, нам нужно посмотреть, как он преподносит свой материал, который, как подразумевает название «Так говорил Заратустра», довольно индивидуален. Заратустра Ницше имеет мало с Заратустрой или, как его часто называют, Зороастром, который является историческим основателем древней веры зороастрийцев. Заратустра Ницше – вымышленный персонаж, он просто выражает идеи самого Ницше. Однако у двух Заратустр есть одна общая черта – у них есть послание для человечества.

Вступительная часть работы, озаглавленная «Пролог Заратустры», изображает, как он сходит с горы; это, безусловно, символично и должно быть как таковое. Заратустра пребывал на горе десять лет, размышляя и медитируя, и теперь его мудрость созрела, и он хочет поделиться ею с человечеством. По дороге вниз его узнает святой отшельник, который долгое время жил в лесу у подножия горы и запомнил, как годами ранее Заратустра поднимался на гору. Отшельник пытается убедить Заратустру не покидать горы: «Люди столь неблагодарны и растерянны. Не теряй время, бродя среди них; лучше быть отшельником и жить в лесу с птицами и зверями, забыть о мире людей и просто поклоняться Богу». Но Заратустра оставляет отшельника молиться в лесу, и, продолжая путь, говорит себе:

«Возможно ли, чтобы этот святой старец в лесу не слышал ничего о том, что Бог умер?»⁵⁸

Оглушительная реплика о том, что Бог мертв, составляет одну из самых важных идей Ницше, и ее отголоски звучали весь двадцатый век, дав начало целому теологическому движению «смерти Бога». Ницше был первым, кто увидел, что Бога больше нет сверху, на небесах. На самом деле, он ясно увидел нечто, что с тех пор увидели многие другие люди, хотя некоторые все еще утверждают, что он совершенно не прав. Он увидел, что ортодоксальное христианское учение с его верой в личного Бога, Высшее Существо, Творца, и его доктриной греха и веры, оправдания и искупления, восстания из мертвых, мертво, окончено, потеряло смысл. Его заявление предвестило начало того, что некоторые обозначат как пост-христианскую эпоху. А если Бог мертв, мертво и христианское представление о человеке. Представление о человеке, как о падшем существе – существе, которое, будучи непослушным и греховным, нуждается в искупительной милости, существе, которое будут судить и впоследствии накажут, – больше не соответствует действительности. Все старые догмы отброшены.

Поэтому мы нуждаемся в новом представлении о том, кем и чем являются человеческие существа. Мы обнаруживаем себя во Вселенной без Бога – мы предоставлены самим себе – и, следовательно, должны попытаться понять себя заново. Мы больше не можем принимать готовые ответы. Мы обнаруживаем себя здесь и сейчас, посреди звездной вселенной, в которой мы окружены другими существами, подобными нам, с историей, которую мы оставили позади, и, вероятно, с будущим, которое нас ждет впереди, и каждый из нас должен задать себе – не кому-то другому, потому что никто не может этого сказать, – главный вопрос: «Кто я? Что я?»

Теперь, когда старые определения ушли в прошлое, нам нужно заново определить себя, открыть себя, узнать себя. Так или иначе, именно этим Заратустра занимался на горе. Он думал, размышлял и медитировал десять долгих лет, и теперь он знает, что такое человек, и несет послание о том, что он узнал, человечеству. Поэтому Заратустра приходит в город на опушке леса, входит в этот город и находит на площади толпу людей. Они собрались не для того, чтобы послушать его, – они даже не знали, что он идет. Они собрались посмотреть на странствующего канатоходца. Но, поскольку этот артист еще не появился, Заратустра, воспользовавшись возможностью, говорит с ними.

Его первые слова, обращенные к людям на базарной площади, и, через них, ко всему человечеству, таковы: «Я даю вам учение о сверхчеловеке. Человек – это то, что нужно превзойти». Затем он спрашивает: «Что вы сделали, чтобы его превзойти?» – под чем он подразумевает: «Что вы сделали, чтобы превзойти себя?» В этих словах Заратустры в прологе Ницше указывает, что эволюция никогда не останавливается. В процессе эволюции каждый вид существ создавал нечто, выходящее за свои пределы, давая начало чему-то высшему, чем он сам, на шкале эволюции – и нет причин предполагать, что этот процесс остановится на человеческих существах. Взгляд Ницше на эволюцию здесь довольно примитивен, но его не следует воспринимать буквально как заключение о достижении цели.

Как обезьяны создали человеческих существ, так и мы, совершив более дерзкий и грандиозный прыжок, должны теперь создать новый вид существ. Мы делаем это, превосходя самих себя, и, как продолжает Ницше, начинаем этот путь с того, что учимся относиться к себе с презрением, учимся быть разочарованными и неудовлетворенными собой. Только когда мы начинаем смотреть на себя сверху вниз, мы можем начать подниматься над собой и становиться выше, величественнее и благороднее, чем есть.

Нужно подчеркнуть, что сверхчеловек Ницше – это не результат эволюции, хотя бы отдаленно напоминающей цепочки Дарвина. Для Ницше сверхчеловек не создается автоматически, в результате общего слепого действия эволюционного процесса. Ницше проводит строгое различие между тем, что он называет Последним Человеком и сверхчеловеком. Последний Человек – это просто наиболее поздний результат общего, коллективного эволюционного процесса, а не высший вид. Сверхчеловек, напротив, будет результатом индивидуальных усилий человека для того, чтобы подняться, даже испарить над собой. Именно на основе этого различия между Последним Человеком и сверхчеловеком Ницше способен отмежеваться от искусственных идей XIX века о человеческом прогрессе как непрерывном коллективном социальном развитии. Как считает Ницше, мы должны сами сделать для этого что-нибудь, это наш индивидуальный выбор.

Ницше не всегда высказывается по этому вопросу, но, по-видимому, он утверждает, что, в то время как дарвинистская эволюция коллективна, эта высшая эволюция, как я ее называю, индивидуальна. В его ярком видении человечество предстает как мост, протянутый

над бездной между зверем с одной стороны и сверхчеловеком – с другой⁵⁹. Другими словами, он говорит, что, если мы хотим быть подлинным человеком, это подразумевает долю риска. Мы представляем собой нечто переходное, а не конечную точку. Следовательно, мы должны жить без защиты, даже жить в опасности. Мы не должны стремиться к уюту и комфорту. Мы должны жить для чего-то, не являющегося нами, если хотим быть подлинными. Это другое, ради чего каждой личности нужно и должно жить, – сверхчеловек.

Для Ницше поворотный момент, великий водораздел эволюционного процесса, проходит не между животным и человеком, но между человеком, который все еще является животным, и человеком, который является подлинным человеком. Это коренное различие: на самом деле, воззрения Ницше относительно того, что составляет человеческую природу, местами слишком радикальны и требовательны, чтобы буддист смог опираться на них. Он говорит, что на самом деле большинство человеческих существ – вовсе и не люди, а животные.

С точки зрения буддизма, человеческое измерение включает большой спектр развития в рамках самосознания или осознанности. Большинство человеческих существ регулярно мечутся между своей животной природой и состояниями ума, характеризующимися человеческими склонностями, а иногда и более возвышенными, целостными состояниями ума, которые традиционно ассоциируются с измерениями богов. Ницшеанское определение человечества намного уже и, несомненно, не слишком льстит среднему человеку. Людям не нравится слышать, что им не хватает подлинной человеческой природы.

Следовательно, неудивительно, что, когда Заратустра говорит с людьми на базарной площади о «сверхчеловеке», они просто смеются над ним и больше интересуются канатоходцем. Для Ницше в категорию настоящих людей, в собственно человеческое измерение, входят только философы, художники и святые. А сверхчеловек, несомненно, превосходит и их. Кауфманн, истолковывая Ницше, говорит о нем: «На самом деле он утверждает, что пропасть, отделяющая Платона от обычного человека, больше, чем разрыв между обычным человеком и шимпанзе»⁶⁰.

На самом деле, Ницше выделяет три категории. Первая – животное измерение, которое включает и большинство человеческих существ –

человеческих существ лишь по наименованию, можно сказать. Вторая состоит из собственно человеческого измерения. А третья – это категория сверхчеловека. Ницше также говорит о том, что он называет «предварительных людей», которые, по-видимому, являются промежуточным звеном между человеческим измерением и измерением сверхчеловека: это те, кто склонны искать во всех вещах тот аспект себя, который нужно преодолеть. Однако он не дает ясного ответа на вопрос о том, как они отличаются от и без того узкой категории подлинных людей. Если сверхчеловек – это идеал Ницше, подлинные люди – те, кто к нему стремятся и вовлечены в процесс преодоления себя – то есть люди искусства, философы и святые.

Человек делает это, преодолевает себя, когда «отделяет свой характер»⁶¹. Под этим Ницше подразумевает, что мы не должны принимать себя как готовый продукт. Он сокрушается, что характеры большинства людей не особенно отделаны, почти как если бы они были фабричными изделиями или не более чем сырьем, из которого можно сформировать настоящий индивидуальный стиль. Он отстаивает ту точку зрения, согласно которой к жизни и характеру нужно относиться всего лишь как к сырью и создать из него что-нибудь.

Обычно мы считаем свой характер, темперамент, личные характеристики или качества данностью. Мы представляем, что зажаты в рамках того, что мы есть, на всю оставшуюся жизнь. Если мы склонны быстро впадать в гнев, то мы таковы, мы скованы этим. Если мы чувствительны или робки, опять же, такие уж мы есть, – как мы считаем, это ничем не отличается в принципе от того, что мы родились высокими или нет. Но согласно Ницше, мы, возможно, и сошли с длинной конвейерной ленты, заключающейся в нашей генетической наследственности и родительском влиянии, но нам еще предстоит долгий путь. Мы не готовый продукт. На самом деле, мы только в самом начале пути.

На самом деле, Ницше говорит, что мы должны работать над самими собой, создать себя, в каких бы условиях мы не оказались, как гончар создает нечто прекрасное из куска глины. Как можно взять тяжелую, липкую массу, погрузить в нее пальцы и начать придавать ей формы, так же можно и придать форму себе. Если вы начнете с того, что будете честны с собой и признаете, что так или иначе не имеете формы человеческого существа, вы можете начать лепить из этой грязной, бесформенной, напоминающей тесто массы нечто получше.

В качестве примера человека, который придал отделку своему характеру, Ницше приводит Гете. Гете, живший с 1749 по 1832 годы, был величайшим из немецких поэтов, выдающимся драматургом и новеллистом, а также мыслителем, ученым и мистиком, но Ницше особенно восхищало одно его качество – то, что он все время пытался создать что-то из себя. Он был – как мы уже отметили – личностью. Из его биографий, из записей его бесед явствует, что на протяжении всей своей долгой жизни, более чем восьмидесяти лет, он всегда работал над собой, точно также как работают над стихотворением, романом или научным трактатом. Это также было очевидно его современникам. Когда Наполеон впервые встретился с Гете, он воскликнул, довольно спонтанно: «Посмотрите, вот человек!» Принимая во внимание, что Наполеон к тому времени покорил Европу, а политический статус Гете был ничтожен (он был всего-навсего отставным министром маленького германского государства), это подразумевает, что Гете преуспел в главной цели своей жизни. Из малообещающей массы распушенных страстей и диких идей своего юношеского «я» Гете создал человека в самом полном и подлинном смысле, и именно это увидел в нем Наполеон.

Мы отметили, что Ницше пришел к идее сверхчеловека, размышляя над природой эволюционного процесса в целом. Согласно тому, как он понимал природу существования, жизнь – не только человеческая жизнь, но вся жизнь – это нечто, что должно постоянно преодолевать себя. Она никогда не удовлетворена собой. Она должна постоянно, на каждом уровне, выходить за свои пределы. Жизнь, можно сказать, – это процесс выхода за пределы самой себя.

Это внутренне присущее нам стремление – то, что Ницше называет Волей к Власти⁶². Это выражение, которое появляется в работах Ницше довольно поздно, подобно «сверхчеловеку», было во многом неверно понято и, к прискорбию, неправильно истолковано как несущее в себе подозрительные политические или даже милитаристские оттенки. Но под властью – с большой буквы «В» – Ницше понимает отнюдь не что-то материальное. Конечно, то, что он имеет в виду, не имеет ничего общего с политикой. Воля к Власти – это желание более полноценного, благородного и возвышенного существования, качественно новой жизни, нового ее измерения. И в особенной мере это стремление к достижению идеала сверхчеловека.

Ницше подчеркивает, что этот высший уровень существования достижим только в той степени, в которой оставлен позади, отвергнут, даже разрушен низший уровень существования. Это подводит нас к

ключевому аспекту Воли к Власти и подходу Ницше в целом, который заключается в бескомпромиссном иконоборчестве. Ницше рассмотрел общепринятые ценности, общепризнанные идеи добра и зла, и довольно категорично и безапелляционно призывал к тому, чтобы выбросить их, подобно мусору. Иначе, утверждал он, невозможно создать сверхчеловека.

Поэтому Ницше крайне беспощаден и бескомпромиссен в порицании обычного человека и его потребностей, недостойных человека. Мы привыкли считать, что иудейские пророки – Амос, Иеремия и Второисайя, например – были ужасны в своих обвинениях человеческого тщеславия, но они – сама кротость по сравнению с Ницше. Он призван сокрушить – как он это выражает – все старые скрижали закона. У него не было времени на современную культуру или цивилизацию в целом. Ницше, несомненно, самый разрушительный – в полном, буквальном смысле этого слова – критик того, что когда-либо создавала человеческая раса. Он всецело и полностью предан своему отрицанию человеческих существ, какими мы их знаем, всех их творений и воззрений. Он говорит просто, что все они должны уйти – не из одной личной неприязни, но просто потому, что они стоят на пути. Их нужно превзойти, они должны дать дорогу сверхчеловеку.

Ключевой чертой иконоборчества Ницше является то, что, отрицая существующие ценности и модели поведения, он отрицает не что-то внешнее по отношению к человеку. Вопрос не в том, чтобы отринуть ценности других людей, а в том, чтобы отринуть свои собственные. Именно себя мы должны превзойти. Именно с собой мы должны вести бескомпромиссную битву. Любовь Ницше к военной терминологии – еще один источник неверных толкований, но враг – это всегда мы сами.

В «Дхаммападе» мы обнаруживаем призыв самого Будды присоединиться к этой бескомпромиссной схватке: «Даже если некто победит тысячу человек в битвах тысячу раз, все же тот, кто покоряет себя, обрел более славную победу»⁶³. Но насколько далеко мы можем зайти в этом сходстве или даже сравнении учения Ницше и учения Будды? Ницше действительно знал кое-что о буддизме, но в его дни лишь немногие буддийские тексты были переведены, и он не знал достаточно даже для того, чтобы вывести какое-то уравновешенное суждение относительно буддизма. Например, он имел мало понятия о позитивном наполнении идеала состояния Будды, и в его представлении о сверхчеловеке мало такого

позитивного наполнения. Это едва ли удивительно в свете того факта, что сверхчеловек Ницше – продукт его ума. Это творение блестящего интеллекта, обладающего прозрениями и интуицией гения, но это все же интеллектуальная интуиция, а не результат запредельного осознания. Следовательно, представление о сверхчеловеке ни в коей мере не равноценно представлению Будды о Просветленной человеческой природе.

Однако идея сверхчеловека определенно указывает в том же направлении, и веревка Ницше, натянутая над пропастью между зверем и сверхчеловеком, следовательно, в целом соответствует буддийскому пути, потому что этот путь – мы сами. Мы – не что-то застывшее, мы развиваемся и эволюционируем. Согласно буддизму, как и согласно Ницше, мы следуем этому пути, постоянно преодолевая себя и поднимаясь все на новый и новый уровень.

Если осмелиться, можно даже сказать, что Воля к Власти в целом соответствует Воле к Просветлению. Обе активны. Обе – мощные волевые устремления. Обе относятся не просто к размышлению о высочайшем достижимом идеале, но к его действительному достижению. Первый – это идеал сверхчеловека, в то время как второй – это, конечно, идеал состояния Будды, Высшего Просветления на благо всех живых существ. И достижение обоих идеалов требует преодоления нашей более узкой индивидуальности, наших низших «я», мелких ценностей, низменных идей любого рода.

Установив это очевидное сходство, мы можем отметить два столь же очевидных различия. Воля к Просветлению, бодхичитта, более альтруистична, в большей мере учитывает других, более универсальна⁶⁴. Это проявление в личности универсального, космического принципа. Конечно, Заратустра, который должен служить примером сверхчеловека, тоже хочет – по-видимому, это ключевой аспект его достижения – поделиться своей мудростью с человечеством. Но Воля к Власти по своей сути более индивидуалистична, чем Воля к Просветлению.

Второе отличие между учением Будды и идеями Ницше заключается в методе. Ницше подводит нас к необходимости неудовлетворенности собой и преодоления себя для того, чтобы создать сверхчеловека, с ослепительной ясностью, более, чем какой-либо другой западный философ или мыслитель. Но, к несчастью, ему не удастся – как бы возвышенно он ни писал – показать нам, как это сделать. Он говорит: «Преодолей себя», – но ничего не говорит о том, как это сделать. У

него нет практических инструкций – он только призывает нас к этому. Буддизм, напротив, будучи древней духовной традицией, обладает многими методами, упражнениями и практиками преодоления себя.

Это совершенно меняет дело. Не так уж и трудно увидеть, что кто-то болен, но лишь искусный врач может прописать метод лечения, который нужен для поправки. Ницше, несомненно, рисует мрачную и яркую картину болезни современного человечества, болезни, которая в каком-то смысле и есть человечество, и также дает точный диагноз. Затем он переходит к изображению сияющей и вдохновляющей картины пациента, совершенно восстановившего здоровье. Но он не предлагает ничего, что связало бы воедино эти две убедительные картины. Ницше не одинок в этом: почти вся западная философия страдает этим же недостающим звеном. Она полна абстрактных размышлений, и некоторые из этих размышлений, подобно ницшеанским, пульсируют интеллектуальной энергией, но ей обычно недостает какого бы то ни было практического содержания.

К счастью, в буддизме мы обнаруживаем не только абстрактный идеал, но и практические средства его достижения, предписанный нам образ жизни. Тем не менее, буддисты могут многому научиться у Ницше с его бескомпромиссным видением верно понятого человеческого идеала. Величественная перспектива Ницше в соотнесении с ясным путем практики и поддерживающих условий (сангхи) в буддизме дают нам возможность полного преображения человеческой природы, которого так жаждал Ницше. Это лишь один из путей, с помощью которых сотрудничество между западной философией и восточными духовными традициями может принести замечательные плоды.

Глава 12. Человек искусства как подлинная личность

В последних нескольких главах мы начали обрисовывать картину подлинной личности. Мы проследили развитие личности в контексте эволюционного роста и изменения. Мы также отметили два отличные друг от друга, даже явно противоречащие друг другу этапа роста личности: во-первых, необходимость признать и объединить все аспекты себя, включая те, которые мы предпочли бы *не* признавать, а затем, на основе этой целостности, необходимость начать движение за пределы себя – «самопреодоление», по выражению Ницше. Более того, мы увидели, что буддизм можно рассматривать как путь высшей эволюции, поскольку он предлагает особые методы и практики, с помощью которых личность может придать себе форму.

Может показаться странным, что мы уделяем так много внимания качествам личности в книге о духовном сообществе, но, как мы видели, по своей сути сангха заключается не в организации или религиозном положении, но исключительно в общении между личностями. Поэтому крайне важно, чтобы мы понимали природу личности.

В заключительной части книги мы расширим поле наших исследований и рассмотрим виды отношений, которые являются неотъемлемой частью жизни любого отдельного буддиста – рассмотрим сангху в самом широком смысле. Но прежде я хочу познакомить вас с еще одним, последним аспектом личности. Мы увидели, что подлинная личность характеризуется самосознанием или осознанностью, положительными и возвышенными эмоциями, независимостью ума и свободой от групповой обусловленности, творчеством и свободно текущей энергией, одиночеством и частой непопулярностью. Мне приходит в голову, что эти характеристики можно также отнести и к человеку, который, возможно, обычно не ассоциируется с духовными вопросами – к человеку искусства.

Как мы отметили, именно человеку искусства (наряду с философом и святым) Ницше приписывал способность самопреодоления. Но почему? Какова связь между искусством и духовным ростом? (Слово «искусство» в этом контексте относится ко всем изящным искусствам – живописи, скульптуре, поэзии, музыке, архитектуре и так далее). Я хочу предположить, что, помимо того, что он причастен к духовной жизни посредством создания произведений искусства, имеющих священное значение, человек искусства сам по себе представляет собой определенный аспект проявления высшей эволюции. Это,

безусловно, не означает, что человек не может быть частью высшей эволюции человечества, не будучи причастным к искусству. Но невозможно быть подлинным творцом какого бы то ни было произведения искусства, не будучи в то же время частью высшей эволюции, духовной жизни.

Это может показаться восхвалением художника, которое для многих будет неправдоподобным. Многие люди не придают искусству и его творцам большой ценности в сравнении с тем, что они признают важными или серьезными видами деятельности. Искусства иногда рассматриваются, как приятная, но ничтожная деятельность – «это не работа для настоящего человека» – или как тайная роскошь привилегированной элиты, имеющая мало отношения к остальным. Нужно отметить, что обращение к жизням различных артистических кругов прошлого и будущего, по-видимому, не оправдывает подобной точки зрения. Например, разносторонне одаренная семья Ситуэллов, которая сама по себе образовывала литературный кружок, описывается во многотомной биографии, благодаря которой в основном и известен Осберт Ситуэлл. Его воспитание в яркой и эксцентричной семье в обширном и беспорядочно построенном старинном поместье позволило ему рассказать много хороших историй, и он рассказывает их очень увлекательно. Но одна из этих небольших историй иллюстрирует как раз то, как стала чужда работа художника ценностям большинства обычных людей.

По-видимому, Осберт жил в одном крыле этого поместья, а его сестра Эдит – в другом, и между ними было полмили коридоров, по которым регулярно перемещался небольшой штат слуг. Однажды он позвонил в колокольчик, чтобы позвать горничную, и попросил ее передать сестре записку, «если она не занята». «Но», – предупредил он горничную, – если она чем-нибудь занята, не беспокойте ее, просто верните мне записку». Спустя пятнадцать минут горничная вернулась без записки, и Осберт спросил ее: «Что ж, моя сестра не была занята?» На это горничная ответила: «Да, сэр, именно так, она ничего не делала, она просто писала».

Несмотря на уважение, с которым люди относятся к некоторым великим произведениям искусства прошлого, для большинства людей творческий труд все еще ничего не значит, является «ничего неделанием», и, следовательно, деятельность человека искусства воспринимается неправильно. И, конечно, очень редко искусство – как я полагаю – воспринимается как часть духовной жизни, а художник – как настоящая (или возможная) подлинная

личность. Но по небольшому размышлению становится очевидным, что великий человек искусства на самом деле обладает характеристиками, которые мы определили как аспекты личности.

Прежде всего, человек искусства жив в большей мере, чем другие люди. Подтверждение этому – артистическая чувствительность в лучшем смысле этого слова. Художник, например, гораздо более глубоко осознает различия в форме, контурах и цвете, чем другие люди. Если вы отправляетесь на загородную прогулку в компании художника, вы заметите, что он видит больше, чем вы. Он привлечет ваше внимание к очертаниям дерева на фоне неба или ярким цветам опавшей листвы, увядшему цветку или синим теням, которые деревья отбрасывают на траву. Художник пробуждает в остальных людях более острую осознанность по отношению к тому, что происходит во внешнем мире форм, очертаний и цветов.

У музыканта, соответственно, более чуткое ухо. Он может определить различия в музыкальной высоте и ритме, которые вряд ли существуют для большинства из нас. Например, за тонкостями игры на табла в индийской музыке удивительно трудно уследить даже опытному уху. На барабанах играют с такой невероятной мягкостью и возвышенностью, что он походит на шепот, который время от времени переходит в ворчание и переплетается с другими, более резкими голосами. Если человек обладает опытом и восприимчивостью, чтобы это услышать, у него может возникнуть четкое ощущение, что барабан говорит, общается, в то время как человеку, не обладающему подобной степенью развития слуха, услышать этот язык будет невозможно.

Поэт, несомненно, столь же чувствителен к различным тонам и ритмам слов. Все мы постоянно используем слова, но чаще всего используем их неосторожно и грубо, не осознавая полностью их значение и ощущения, которые они передают, их текстуру. Эдит Ситуэлл, например, описывала различные значения слов так, что это обнаруживало ее необычайную восприимчивость к ним. Некоторые слова, говорила она, «грубые», «волосатые» или «тяжелые», в то время как другие – «гладкие» и «легкие». Подобное осознание отличительных характеристик слов выходит далеко за пределы возможностей каждого из нас⁶⁵.

Но люди искусства не только остро осознают внешний мир или чувственные впечатления; они особенно осознанно относятся к своим собственным реакциям на все эти вещи, своим собственным

ментальным и эмоциональным состояниям. Они не просто размышляют об этих состояниях чаще, чем другие люди, – они на самом деле ощущают их более насыщенно. Более того, человек искусства обычно более осознанно относится к другим людям. Это зримо выражается в работах великих портретистов, драматургов и новеллистов, в которых люди действительно предстают как живые. В выдающихся портретах есть своего рода духовные биографии. Например, знаменитый портрет Папы Иннокентия X кисти Веласкеса – подробное прочтение очень безнравственного человека. Вы чувствуете, что можете увидеть на его лице – в его холодных глазах, очертаниях рта, мрачном, застывшем выражении лица – все, что он совершил. Такое лицо может принадлежать только человеку, который достиг своего положения злоупотреблениями, и все же вы видите и то, что этот путь наверх был возможен и благодаря другим его человеческим качествам и порокам. Художник увидел все это и поместил на полотно.

В пьесах Шекспира и романах Джорджа Элиота можно обнаружить ту же способность видеть с такой яркостью, которая способна воплотить с абсолютной убежденностью жизнь другого человеческого существа. Если вкратце обратиться к человеку искусства, который стоит где-то посреди между живописцем и новеллистом, я должен сознаться, что, будучи гораздо моложе, я представлял, что серии изображений Хогартом лондонской жизни его времени, такие, как «Карьера мота» и «Модный брак», были карикатурными, что в своих сатирах он преувеличивал ради эффекта, подчеркивал черты. Но, лучше узнав жизнь и ближе понаблюдав людей, я пришел к убеждению, что Хогарт был чудовищно точен, и люди действительно таковы. Он увидел людей такими, как они есть, и такими же изобразил их в своих картинах и гравюрах, с ужасающей беспристрастностью⁶⁶.

Следовательно, человек искусства осознает внешний мир, самого себя и других людей. Человек искусства также осознает нечто, что находится за пределами всего этого. Он каким-то непостижимым образом осознает саму реальность – не в том смысле, что размышляет над представлением о реальности с большой буквы, но в том смысле, что он глубоко воспринимает значение и тайну существования и откликается на них. Человек искусства чувствует присутствие этой тайны существования, будь это существование космоса или человека.

В результате этой возвышенной и развитой чувствительности и осознанности человек искусства отличается положительными и утонченными эмоциями, в особенности способностью сопереживать

другим и улавливать свои самые непостоянные и тонкие умственные впечатления.

Подлинный художник также независим по духу и во многом свободен от групповой обусловленности. Люди искусства, не колеблясь, идут своей дорогой, остаются собой. На самом деле, они с давних пор известны тем, что отрицают условности, обостряют ситуацию, отказываются подчиняться, отказываются делать то, чего от них ждут или что вызовет меньше возражений. Относясь к жизни подобным образом, они не просто ведут себе эксцентрично, испорченно или создают проблемы. Они просто пытаются жить своей собственной жизнью и быть самими собой.

Далее, люди искусства, несомненно, причастны творчеству. Это не обсуждается. Что более важно, человек искусства творит новые ценности, которые не существовали, не ожидалось или не воспринимались ранее. Однако, наряду с этим, люди искусства и просто довольно плодотворны, а в случае с величайшими художниками, чрезвычайно плодотворны. Их энергия течет с необыкновенной жизненной силой. Количество на самом деле сочетается с высочайшим качеством (хотя, конечно, не наоборот). Шекспир, Гете и Лопе де Вега были очень плодотворными писателями, а древнегреческие драматурги создали намного больше тех пьес, который уцелели до наших дней. Бах, Гендель, Гайдн, Моцарт и Шуберт – все они обрушивались более или менее не прекращаемой лавиной музыки, а Тициан, Рубенс и Рембрандт оставили после себя огромное количество полотен.

Когда мы читаем биографию любого великого человека искусства, нас поражает, иногда удивляет, лицемерие его непрерывного потока творческой энергии. Вы удивляетесь, как, ради всего святого, им удавалось вместиť всю эту работу в столь короткую во многих случаях, как у Моцарта, жизнь, или совместить ее, как Бах, с очень занятой жизнью отца двадцати детей, или, как в случае с многими великими людьми искусства, с весьма неблагоприятной ситуацией в семье. Как бы вы ее не рассматривали, подобная творческая сила требует большого количества тяжелой работы. Эти творцы не бездельничали, ожидая, пока к ним не снизойдет вдохновение. Они просто жили с ним, утром, днем и вечером. Они садились за письменный стол или вставали за мольберт с первыми лучами солнца и работали, пока им позволяли это их дела, каждый день, в некоторых случаях годами не имея передышки, до самой старости.

И, наконец, люди искусства по своей сути одиночки, они изолированы от массы по причине своей большей осознанности, индивидуальности и даже творческой силы. Слишком, слишком часто обычные люди не могут понять, почему художники и писатели должны прикладывать столько усилий к словам, звукам, линиям, цветам и формам. Вне всякого сомнения, другое слово, форма или цвет подойдут не хуже, чем любые подобные – так зачем так беспокоиться об этом? Так ли уж важна на самом деле точная деталь или музыкальная последовательность, по большому счету? Если вы добавите запятую или уберете точку, что на самом деле изменится? Так ли уж все эти мелочи бесценны? Но для художника эти вещи имеют первостепенное значение.

В результате почти полного отсутствия симпатии и понимания со стороны обычных людей к тому, что он делает, человек искусства обычно не популярен и иногда совсем не признан. Так или иначе, величайшие творцы идут впереди своего времени и даже впереди других сравнительно заурядных людей искусства. Иногда остальному человечеству требуются столетия, чтобы нагнать их. Очень часто мы обнаруживаем, что человека искусства проклинают его современники, а будущие поколения восхваляют. Все происходит так, как будто голос обычных людей оценивает человека искусства только после его смерти, как будто хороший художник – мертвый художник. Все это так хорошо известно, что нет необходимости убеждать вас в этом. Человек искусства часто чувствует себя еще в большем одиночестве, чем религиозный гений или мистик.

Если мы посмотрим, что составляет подлинную личность, мы обнаружим, что подлинный творец обладает по сути теми же характеристиками. Но что определяет человека искусства? Определение будет, несомненно, зависеть от природы того, что оно создает. Так – погрузимся сразу в этот один из самых мучительных и спорных вопросов в истории западного мышления – что такое искусство?

Этот вопрос обсуждался и на Востоке, особенно в Индии, но спор там велся настолько в другом направлении, что нельзя даже начать сравнивать его с западными спорами по этому вопросу. Этот вопрос долгое время отнимал у меня много времени и энергии в те дни, когда я еще не принял на себя обязанности, которые ограничили длительность размышлений, которые я мог бы посвятить подобной теме. Я обнаружил, что определения искусства бесчисленны, и некоторые из них довольно необычны. Выдающийся критик-

искусствовед Герберт Рид дал следующее: «Искусство – это попытка создания приятных форм». Еще более лаконично определение Клайва Белла, очень известное в свое время и являющееся темой его самой известной работы: «Искусство – это значимая форма». Что касается великого итальянского критика и государственного деятеля Бенедетто Кроче, его предложение кажется несколько расплывчатым: «Искусство – это интуиция». На самом деле, все определения, которые я нашел, не слишком удовлетворили меня – они слишком обширны, слишком узки или просто неполны. Поэтому со временем я решил сформулировать свое собственное.

Я написал собственную маленькую работу, посвященную данному вопросу, «Религия искусства», в начале 50-х, когда жил в Калимпонге, и в ней дал такое определение искусства:

«Искусство – это организация чувственных впечатлений, которая выражает восприимчивость создателя и передает его аудитории ощущение ценностей, которые могут преобразить их жизни»⁶⁷.

Причина, по которой я нахожу это определение особенно подходящим, заключается в том, что в нем выражается особое духовное видение искусства. Именно с этой, особой точки зрения я хочу исследовать его здесь более детально.

Первичное утверждение – «Искусство – это организация чувственных впечатлений» – должно показаться вам вполне очевидным, но его все же стоит сделать. Одна из книг по поэзии, к которой я обращался, начиналась со слов, что мы никогда не должны забывать, что поэзия состоит из слов (и что если есть люди, которые об этом забывают, автор, без сомнения, прав, что напоминает им об этом). Но давайте зайдём ещё дальше: если поэзия состоит из слов, из чего состоят слова? Каково сырьё поэзии? Слова состоят из звуков, вибраций воздуха, звуков, связанных с различной частотой и – иногда лишь косвенно – с концептуальным смыслом. Сырьё живописи – простые зрительные впечатления: форма и цвет, свет и тень. Подобно этому, музыка сделана из слуховых впечатлений: звуков и ритмов, будь они громки или тихи, гармоничны или неблагозвучны. На самом деле, основой любого вида искусства являются чувственные впечатления. Именно с этого начинается искусство – с впечатлений, льющихся на нас все время через наши пять психических чувств (к которым в буддийской традиции в качестве шестого чувства добавляется деятельность ума)⁶⁸.

Человек искусства организует этот хаос впечатлений в модель, форму, нечто целостное и таким образом создает мир, который является произведением искусства. Есть различные виды организации чувственных впечатлений, некоторые из которых очень просты, а другие весьма изощренны. Ключевой момент заключается в том, что результат искусства не существует отдельно от его создателя; он не подвешен в воздухе, так сказать. То, какую форму создатель придает своим чувственным впечатлениям, выражает его или ее восприимчивость. Это означает, что произведения искусства выражают или воплощают осознанность творцов, их опыт жизни в целом, восприятие ими себя, других людей и даже самой реальности.

Восприимчивость, выраженная в произведениях искусства, отражает уровень сознания определенного человека. Не все люди искусства обладают доступом к особенно высоким уровням сознания. Но даже простой фольклор – создание собственных вещей по широко используемым традиционным моделям – выражает зачатки артистической восприимчивости, в отличие от предметов массового производства. И лишь в отношении немногих людей искусства можно сказать, что они проникают, по крайней мере иногда, за самые дальние пределы обычного человеческого сознания, в опыт запредельного сознания.

Подлинный художник получает доступ к высшим уровням сознания, осознанности и даже понимания, чем обычный человек. Он дальше продвинут в эволюционном развитии человечества, и это одна из причин, почему он является художником. Полагаю, что при этих словах некоторые читатели недоверчиво покачают головой по поводу дерзкого утверждения, что подлинный творец представляет собой высший тип человеческой природы по сравнению с обычным добропорядочным гражданином. Они скажут, что мое радужное представление о людях искусства – фикция, и очень часто человек искусства – это безнравственный, развращенный и эгоистичный человек. Возможно, нам следует уделить немного внимания этому вопросу.

Надо сказать, с такими людьми, как художники, поэты и музыканты, трудно ужиться. Это, мне кажется, происходит потому, что люди искусства по праву озабочены защитой своего личного пространства и условий работы от внешнего вмешательства. Всегда найдутся исполненные благих намерений люди, которые попытаются заставить людей искусства подчиниться, заставить их вести себя, одеваться, выглядеть, говорить и даже писать или рисовать, подобно другим

людям. Вполне естественно, что в таких обстоятельствах люди искусства будут бунтовать – иногда даже грубо – против попыток доброжелателей, которые желают им только счастья и успеха. Это неблагодарность, но человек искусства будет настаивать на том, чтобы остаться собой.

Кроме этого, человек искусства чаще всего настроен враждебно по отношению к условной морали. Это особенно обращает на себя внимание в случае с таким поэтом, как Шелли, который попирает нравственные рамки своих дней и был гоним за это. Настоящий вопрос заключается не в том, что человек искусства безнравственен, а в том, верно ли отрицание условной морали. Очень часто очевидно, что условная мораль сама по себе ущербна, и что отрицание ее художником – просто выражение его более здорового и уравновешенного состояния ума.

Нет, конечно, человек искусства не всегда «уравновешен», все далеко не так. Мы видели, что все мы склонны быть – по крайней мере, пока не начали процесс объединения – не целостным «я», а группой «я». Это очень часто справедливо и по отношению к людям искусства. На самом деле, человек искусства очень часто – глубоко противоречивый человек, и иногда кажется, что чем более велик он, тем более глубоко противоречив внутри себя. Эта глубокая расщелина в глубинах его собственного существа может создавать в нем напряжение и неуравновешенность, иногда граничащие с безумием. Можно сказать, что человек искусства обладает доступом к более глубоким состояниям сознания, чем кто-либо еще, но это не означает, что они доступны ему постоянно. Как говорит Шелли в своей «Песни», «редко, редко ты приходишь, дух восторга».

Этот дух восторга – опыт высшего состояния существа и сознания – на самом деле посещает человека-творца очень редко. Человек искусства не наслаждается этими состояниями постоянно, и этим он отличается от подлинного мистика, который чаще всего пребывает в них большую часть времени. Он перескакивает и колеблется между этими высшими состояниями и более обыденными состояниями ума, и может показаться, что в художнике живут два человека. Печально, но слишком часто бывает так, что мы читаем чудесную книгу, а затем обнаруживаем, что автор – совсем не такой чудесный человек, как заставила вас поверить его книга. Вы, наконец, встречаетесь с ним и приближаетесь к нему, полные благодарности и восхищения, с чувством, что та или иная книга уже сделала автора практически вашим другом, что он уже открыл вам свою душу, но вы оказываетесь

лицом к лицу с сухим, увядшим, злобным человечком и жалеете, что вообще взглянули на него, – так вы разочарованы.

Кажется, что у людей искусства есть две отдельных личности – артистическое «я» и обычное «я». Следовательно, возникает идея о том, что вдохновение спускается на них с небес, что это не их собственная заслуга. Композитор XVIII века Гайдн, по-видимому, ощущал все именно так. Слушая представление своей оратории «Сотворение мира», написанной им уже в преклонных годах, он воскликнул: «Не я, но Высшие силы создали это!» Теперь, вернувшись в обычное состояние сознания, обычный человек Гайдн был вынужден отречься от достижения Гайдна-творца.

Это также одна из причин, почему мы традиционно относимся к творцу – и любому, кто зависит от некой высшей силы – как к гению. Слово «гений» первоначально обозначало божество-охранителя, что в рамках христианства было переведено как ангел-хранитель. Гений представлял собой высшие силы, затмевающие вас и ведущие вас, направляющие ваши шаги; говоря иначе, он символизировал ваше собственное высшее «я», воспринимаемое как независимая или полунезависимая личность, которая была источником руководства и вдохновения для обычного «я». Та же идея лежит в основе классического представления о музах. В начале «Илиады», например, Гомер призывает богиню «воспеть губительный гнев Ахиллеса». «Одиссея», подобно этому, начинается со слов: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже...». Для любого классического поэта это было привычное обращение. Следуя по их стопам, Мильтон точно так же открывает «Потерянный рай», только он призывает ту, которую он называет небесной музой, которую он отличает от музыки непосвященных. Но идея та же. Вы призываете некую высшую силу, которая кажется внешней по отношению к вам, но в действительности является вашим высочайшим «я», из которого возникает любое подлинное произведение искусства.

В наши дни слово «гений» используется более свободно, без осознания его первоначального значения, и применяется к любому сравнительно одаренному человеку. Когда писателя Владимира Набокова спросили, считает ли он себя гением, он ответил:

«Словом «гений» бросаются довольно щедро, не так ли? По крайней мере в английском, потому что его русское соответствие, «гений», – это слово, исполненное некого шепота благоговения, и используется только по отношению к очень немногим писателям – Шекспиру,

Мильтону, Пушкину, Толстому. К таким глубоко почитаемым авторам, как Тургенев и Чехов, русские относят не столь громкое слово «талант», а не «гений».

Это причудливый пример семантического несоответствия – в одном языке слово имеет большее значение, чем в другом. Хотя я научился говорить по-русски и по-английски практически одновременно, меня, тем не менее, повергает в ужас и озадачивает, когда слово «гений» применяется к любому значительному писателю, например, Мопассану или Моэму. Гений для меня, по-русски привередливого и гордого в словах, – это уникальный, ослепительный дар – гений Джеймса Джойса, а не талант Генри Джеймса» ⁶⁹.

Согласны вы или нет с его оценкой Генри Джеймса, твердость, с которой Набоков проводит различие между талантом и гением, во многом соответствует оценке, которую я предпринимаю здесь, в моем собственном определении искусства – оценке того, что означает искусство и что означает быть человеком искусства.

Мы отметили, что искусство – это организация чувственных впечатлений, которая выражает восприимчивость человека искусства (сколь бы утонченна она ни была). Далее определение продолжается так: «и передает его аудитории ощущение ценности, которая преобразует их жизни». Как это происходит? И что подразумевается под «ощущением ценности, которая преобразует их жизни»?

Если мы согласны с тем, что человек искусства выражает более высокий уровень – то есть, если более понятно выразиться, более яркую степень – осознанности, чем обычный человек, тогда и произведение искусства выражает эту степень осознанности – не только выражает, но и передает ее, в том смысле, что когда эта передача удастся, мы ощущаем в текущем времени, пусть и в меньшей степени, состояние сознания, в котором творец создает его. Так общается с вами художник. По крайней мере, на время, мы поднимаемся до его уровня, мы становимся подлинной личностью. На время мы разделяем его ощущение ценности и озарения, и это может преобразить наши жизни.

Именно в этом, в конечном счете, заключается эволюция нашей человеческой природы. Преображение и есть эволюция. Это не внешнее изменение, но изменение уровня. Люди искусства, следовательно, не только сами достигли более высокой ступени эволюции, но посредством искусства, с помощью которого они

передают свой опыт, они вносят вклад в высшую эволюцию других людей.

Наслаждение великими произведениями искусства расширяет и углубляет наше собственное сознание. Когда мы слушаем великое музыкальное произведение, видим великое полотно, читаем великое стихотворение – когда мы на самом деле переживаем это, позволяем ему проникнуть в нас, – мы выходим за пределы своего обычного сознания. Мы становимся более щедрыми в проявлениях собственных симпатий; вся наша жизнь незаметно, но глубоко изменяется. Если мы продолжаем проявлять интерес к искусству, это воздействует на все наше существование, и наша жизнь может преобразиться.

Сегодня традиционная религия – по крайней мере, в форме христианства – утратила свое непререкаемое влияние на умы западных людей. Удивительные архитектурные памятники христианства все еще находятся рядом с нами, но как бы ни были великолепны некоторые из них, для большинства людей они – пустые оболочки. Для подавляющего большинства людей ортодоксальная религия не является больше источником благодати. Мы ничего от нее не получаем. Она ничего не значит для нас. Она больше не возвышает нас, не трогает нас, не изменяет нас и еще меньше преобразует нас. Люди даже больше не выступают против нее.

Как должно подразумевать название моей книги об искусстве, для многих людей место и функции религии оказались занятыми искусством. Это, мне кажется, одна из причин невероятной популярности в наши дни всех изящных искусств – потому что, несмотря на все ворчливые реплики по поводу упадка культуры изящные искусства необычайно популярны, как никогда раньше. В прошлом наслаждение произведениями искусства были привилегией немногих. Пятьсот лет назад в Англии большинство из нас жило бы в жалких лачугах. Мы бы за всю свою жизнь не увидели ни одной картины, за исключением, возможно, одной-двух в местной церкви, и вряд ли когда-нибудь слышали качественную музыку. Что касается чтения, едва ли кто-то в те времена читал для удовольствия, если вообще читал. Наслаждение высокой культурой было привилегией лишь немногих – состоятельного духовенства и знати. Даже позднее, в XVIII веке, много ли людей слышали исполнение работ Баха, Гайдна, Моцарта? Самое большее, несколько десятков тысяч – а иногда лишь несколько сотен скучающих аристократов.

Но в наши дни художественное наследие веков доступно практически

каждому. Музыка великих композиторов могут слушать и наслаждаться ею снова и снова миллионы людей по всему миру. Высокая культура распространилась в беспрецедентных масштабах. К каким результатам это приведет, мы можем только догадываться, но должна существовать некоторая возможность того, что случайная массовая доступность высокой культуры начнет оказывать медленное, но неуклонное очищающее влияние на значительные и влиятельные слои населения.

Если искусства на самом деле заняли место религии, это произошло потому, что они составляют неотъемлемую часть не религии в узком смысле, но духовной жизни. И если я прав в своем анализе, мы должны поощрять развитие изящных искусств в качестве неотъемлемой части духовной жизни и эволюции собственной человеческой природы.

Остается обратиться к последнему вопросу, и он касается психологии художественного творчества. Как и почему происходит так, что для человека искусства создание произведений искусства должно быть одним из средств – или даже основным средством – высшей эволюции? Что происходит, когда художник творит?

Вкратце, когда люди искусства творят, они воплощают что-либо. А когда вы что-то воплощаете, вы можете уподобиться этому. Это чем-то напоминает процесс традиционных буддийских упражнений по визуализации. Когда, например, в медитации мы визуализируем Будду, мы закрываем глаза и видим – мы на самом деле пытаемся увидеть это, а не просто подумать об этом – во-первых, зеленую даль с бескрайним голубым небом над ней, а посреди – дерево бодхи. Затем у подножия дерева бодхи мы видим фигуру Будды в оранжевом одеянии. Мы видим необычайно мирные черты, золотистое тело, мягкую улыбку, курчавые черные волосы, цвета его ауры. Мы видим это так ясно, как если бы перед нами сидел сам Будда. И в том, что мы визуализируем, мы распознаем духовные качества Будды: в его лице мы видим мудрость, сострадание, покой, бесстрашие и так далее. Со временем вырисовывая визуализируемый образ все точнее, мы становимся ближе к этим качествам, ощущаем, что визуализируемый образ становится ближе к нам. Мы чувствуем, что впитываем внутрь себя качества, присущие Будде⁷⁰.

Если мы будем усердно выполнять это упражнение, если мы будем следовать ему не несколько дней, а в течение месяцев или даже лет, рано или поздно наступит время, когда мы полностью уподобимся

всем этим качествам Будды и станем едиными с ним в нашем опыте медитации. Когда это происходит, непросветленное существо преобразуется в Просветленное Существо, и мы осознаем собственную природу Будды. Но что в действительности происходит на протяжении этой практики, в процессе этого упражнения?

Происходит то, что наш собственный потенциал – скажем так, состояние Будды, – который присутствовал все это время, будучи неузнанным и непризнанным, в сердцевине нашего существа, становится действительным, он реализуется. Но он реализуется посредством воплощения, поскольку мы видим его «снаружи» (даже хотя он – «внутри»). Воплощая его подобным образом, мы постепенно уподобляемся ему все больше и больше, пока не объединимся с ним.

Подобные вещи происходят и в случае с художественным творчеством. Когда мы говорим, что человек искусства творит, исходя из своего опыта некоего высшего уровня существования, это не так просто и легко, как звучит. Это не значит, что у человека есть этот опыт во всей его полноте, совершенстве и целостности до того, как он что-либо создает. Тот, кто сделал бы это, был бы совсем не человеком искусства, а мистиком, а это нечто другое и, по крайней мере, потенциально, более высокое. Художник начинает с неясного чувства чего-то, что он проясняет и усиливает в процессе создания произведения искусства. Первоначальное творческое переживание художника подобно семени, которое переполнено жизнью, но природа его полностью открывается лишь в цветении, когда само произведение искусства закончено и совершенно. Но какие бы прекрасные творения не создавал человек, какова бы ни была их преобразующая сила, высочайшей целью любого творца должна быть та же цель, что и у любого человеческого существа. Каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы он сам был своим прекраснейшим творением, стремиться «придавать огранку своему характеру», как говорил Ницше, – то есть стремиться стать подлинной личностью.

Часть 3

Введение: сеть личных отношений

В строки, которые я сочинил однажды для освящения буддийского алтарного зала, входит пожелание: «Пусть наше общение друг с другом будет Сангхой»⁷¹. В нем отражено огромное значение, которое всегда придавалось в буддизме качеству общения как между членами сангхи, так и в контексте всех отношений, в которые отдельный буддист вступает с другими людьми. Будда много говорил об общении – о важности искренней, доброй, осмысленной и гармоничной речи и о необходимости уделять внимание отношениям с другими людьми в целом и проверять, общаетесь ли вы с ними в согласии с буддийскими принципами.

Причины для этого вполне очевидны. Быть человеком – это значит вступать в отношения с другими человеческими существами. Мы не можем прожить свою жизнь в изоляции; какие бы усилия мы не предпринимали, чтобы развиваться как личность, они постоянно проверяются в горниле наших отношений с другими людьми. Какими бы спокойными, добрыми и мудрыми мы не ощущали себя в уединении своих сердец или алтарных залов, подлинная проверка того, насколько полно мы развили эти качества, наступает, когда мы сталкиваемся с реалиями жизни – трудностями, которые создают нам «другие люди».

Первое человеческое существо, с которым мы вступаем в контакт, – это, конечно, наша мать. Эти отношения очень близки и воздействуют на нас в течение всей нашей жизни. Затем появляется наш отец, а еще, возможно, братья и сестры, а также бабушки и дедушки, если нам повезло. Немного позже мы узнаем также о тетях, дядях и двоюродных братьях и сестрах. Таков обычно наш семейный круг. Но, помимо этого, есть еще соседи, живущие на одной с нами лестничной клетке, на одной улице или через дорогу, а с четырех-пяти лет – учителя, одноклассники и друзья. Позже может появиться муж или жена, а, возможно, и дети. Помимо всего прочего мы, скорее всего, вступим в общение с работодателями и коллегами, а иногда – и с подчиненными. Кроме того, рано или поздно нам приходится общаться с разнообразными правительственными служащими, чиновниками и даже руководителями, будь это в нашей стране или за границей. К тому времени, когда мы достигаем зрелого возраста, мы обнаруживаем себя в центре целой паутины отношений с десятками, а иногда и сотнями, людей, а косвенно или отдаленно мы связаны еще с

очень и очень многими.

Эта сеть отношений – главная тема буддийского текста под названием «Сигалака-сутта», который можно найти в «Дигха-никае», «Собрании длинных проповедей» Палийского канона⁷². Это относительно ранний текст, можно с уверенностью сказать, что его содержание восходит к самому Будде. Он называется «Сигалака-суттой», потому что Будда произносит проповедь для молодого человека по имени Сигалака. Один из переводчиков описывает сутту как «Советы мирянам». В ней Будда дает модель различных видов отношений и объясняет, каким должно быть поведение в каждом из них. Все это излагается с такой ясностью и лаконичностью, что и в наши дни представляет большой интерес, – и мы будем использовать эту сутту как основу для заключительной части рассмотрения нашего вопроса «Что такое Сангха?»

Сигалака – молодой брахман, что указывает на то, что он принадлежит к касте жрецов, высшей и самой влиятельной касте индийского общества. Во введении к сутте сообщается, что Будде довелось встретить Сигалаку однажды ранним утром. С волос и одежды Сигалаки все еще капала вода после очистительного ритуального омовения. (И в наши дни можно увидеть, как брахманы стоят в священной реке Ганг в Варанаси, погружаются в воду и читают мантры). Совершив омовение, Сигалака стал читать восхваление шести направлений: северного, южного, восточного, западного, направления зенита и надира.

Он делает это, как сообщает Будда, в послушание предсмертному указанию своего отца, дабы защитить себя от любого вреда, который может прийти из любого из этих шести направлений. И тогда Будда говорит Сигалаке, что, хотя восхваление шести направлений делать правильно и важно, он выполняет его не должным образом, если хочет, чтобы такое восхваление на самом деле защитило его. Затем Будда продолжает объяснять, что на самом деле символизируют собой шесть направлений.

Восток, говорит Будда, означает мать и отца (в индийских языках мать упоминается впереди отца), потому что человек берет в них начало, точно так же, как солнце – или, по крайней мере, день – начинается на востоке. Поэтому первые отношения, которые упоминает Будда, – это отношения между родителем и ребенком. Что касается остальных направлений, они отражают остальные ключевые отношения в жизни: юг – это отношения между учителем и учеником, запад – между

мужем и женой, север – между друзьями и товарищами, надир – между господином и слугой (в наши дни – между работодателем и наемным работником), а зенит – отношения между мирянами и «аскетами и брахманами».

Подлинное восхваление шести направлений, объясняет Будда, заключается в выполнении своих обязанностей касательно этих шести видов отношений. Такое нравственное поведение естественным образом приводит к счастью, и именно в этом смысле человек защищает себя посредством такого «почитания». Здесь Будда помещает человека в центр сети отношений, из которых он перечисляет лишь шесть видов. Будда, по-видимому, равным образом подчеркивает важность этих шести первостепенных видов отношений, которые представляют собой довольно широкий круг человеческих связей, и в этом отношении он типичен для своей культуры, культуры северо-восточной Индии VI века до н. э.

Но в большинстве других культур одному виду отношений уделяется больше внимания, чем остальным. Например, перечень, подобный тому, что Будда дает Сигалаке, можно обнаружить и в конфуцианстве, согласно которому есть пять стандартных видов отношений: между правителем и подданным (иногда они описываются как отношения между князем и министром), между родителем и ребенком, между мужем и женой, между братом и сестрой и между друзьями. Но в Древнем Китае особое внимание всегда уделялось отношениям родителей и детей и в особенности обязанностям детей по отношению к родителям. Согласно некоторым конфуцианским писателям, сыновняя почтительность – величайшая из всех добродетелей, и в древности сыновья и дочери, служащие в ней примером, официально награждались правительством титулом, получали большие участки земли, а в их честь воздвигались памятники. Нам подобная идея может показаться более чем странной, поскольку мы живем в совершенно другие времена, когда большинство людей стремятся к независимости от собственных родителей.

Что касается древних греков, мы не найдем у них особого перечня важных видов отношений. Однако, если мы обратимся к учению Сократа в изложении Платона как к выражению высочайшего греческого идеала, становится очевидным, что для них самыми важными были отношения между друзьями. Трогательное описание смерти Сократа указывает на это особенно отчетливо. За некоторое время до смерти он довольно формально прощается со своей женой и

детьми, которые, как описывается, тем не менее, горько рыдают. Затем он отправляет их и посвящает последние часы жизни философским беседам с друзьями⁷³.

В средневековой Европе, напротив, особое внимание уделялось отношениям между господином и слугой, в частности, между феодалом и вассалом. Эти отношения господина и слуги были столь фундаментальными, что вокруг них выстраивалась вся система общества. В феодальной системе великой добродетелью была преданность, в особенности человеку, который находился прямо над вами в общественном порядке подчинения. Для знатного лорда это был король, для мелкого землевладельца – местный феодал, а для обычного слуги или крепостного – рыцарь. И человека воспитывали так, чтобы он с готовностью отдал жизнь за своего феодального господина.

В наши дни на Западе мы, несомненно, уделяем основное внимание сексуальным или романтическим отношениям. Человек может вступать в такие отношения не один раз, но, несмотря на удачи и разочарования, взаимоотношения между полами, тем не менее, остаются самыми важными для большинства людей и придают нашей жизнь яркость и смысл. Романтические отношения – главная тема фильмов, романов, пьес и стихотворений, и в идеале они всепоглощающи – влюбленные часто заявляют, что не могут жить друг без друга и даже что готовы умереть друг за друга. Таким образом, для большинства людей, выросших в нашей культуре, сексуальные, романтические отношения являются главными и самыми важными – что люди древности, вероятно, сочли бы нелепым. Это не означает, что они непременно были бы правы, но мы можем, по крайней мере, напомнить себе о том, что люди не всегда считали так, как считаем мы в наши дни.

На современном Западе другие отношения часто становятся искусственными, потому что им просто не уделяется должного внимания. Мы склонны небрежно относиться к нашим отношениям с родителями и друзьями, редко относясь к ним столь же серьезно, как к романтическим связям. Мы думаем, что все так и должно быть. Мы склонны считать, что то, что мы придаем данным отношениям огромное значение по сравнению с остальными, совершенно нормально; на самом деле, мы, скорее всего, полагаем, что так было всегда и во всем мире. Но, как мы видели, на самом деле это не так. Напротив, очевидно, что наша позиция неправильна – ни одно другое общество не поднимало сексуальные отношения так высоко над

остальными.

Помимо пренебрежения другими отношениями, у нашей позиции есть и еще один неблагоприятный результат – мы возлагаем слишком большие надежды на романтические отношения. Мы склонны ожидать от нашего сексуального партнера намного большего, чем он может нам дать. Если мы недостаточно осмотрительны, мы ждем от него, что он станет для нас всем: сексуальным партнером, другом, товарищем, матерью, отцом, советчиком, консультантом, источником безопасности, – всем. Мы ждем, что эти отношения подарят нам любовь, безопасность, счастье, полноту жизни и все остальное. Мы ждем, что они придадут смысл нашей жизни и таким образом станут для нас чем-то вроде электропровода под напряжением, которое для него слишком велико. В результате плохие, неудачные сексуальные отношения часто приводят к тому, что пробки перегорают, – они не выдерживают напряжения. Очевидное решение – работать над развитием более широкого круга отношений, которые равно важны для нас, и ко всем мы должны относиться с вниманием и заботой.

Но мы можем посмотреть на это с другой стороны. Помимо того, что это способствует упадку других отношений, современная сосредоточенность на сексуальных или брачных отношениях также отражает тот факт, что другие отношения стали более сложными или вот-вот прекратятся. Отношения учителя и ученика, работодателя и наемного работника, правителя и подданного во многом оказались лишены личностной окраски – на самом деле, зачастую люди вообще не склонны считать, что подобные отношения должны включать личную составляющую. Но в других обществах все было не так. Несколько веков назад – всего лишь 150 лет назад в некоторых областях Европы – если бы вы были слугой или подмастерьем, вы, скорее всего, жили бы со своим хозяином под одной крышей. Вы бы разделяли с ним всю его повседневную жизнь, ели одну и ту же пищу за одним и тем же столом, как член семьи, но только тот, который знает свое место. В традиционной системе ученичества могли возникнуть очень сильные личные отношения между мастером и учеником или хозяином и слугой, или, говоря современным языком, между работодателем и наемным работником.

В романах Диккенса, которые были написаны в 1840-х, когда индустриальный век был уже в самом разгаре, все еще изображаются отношения между хозяином и слугой, носившие отличительный феодальный характер, потому что такие отношения оставались реальностью для многих людей. Когда в «Записках Пиквикского

клуба» Сэм Уэллер, верный слуга мистера Пиквика, хочет жениться, мистер Пиквик, естественно, предлагает освободить Сэма от службы. Сэм заявляет о своем намерении остаться с мистером Пиквиком, который говорит: «Друг мой, ты должен подумать и о девушке». Но Сэм говорит, что она будет рада подождать его: «Если она не будет рада, она не та девушка, за которую я ее принимал, и я с готовностью откажусь от нее». Его долг, говорит он, служить мистеру Пиквику.

Таким образом, он напоминает о ситуации, когда человек служил феодальному вождю, который вел его в битву и был более могуществен, чем он, который защищал его и которому он был безусловно предан. Эта преданность делала отношения подлинно личными, и часто это были самые важные отношения в жизни мужчины, даже с эмоциональной точки зрения, – те отношения, ради которых другими при необходимости можно было пожертвовать.

Это отношение все еще существовало до некоторой степени на Востоке, когда я жил там в 1950-х. В Калимпонге мне иногда приходилось нанимать тибетских или непальских поваров, рабочих или садовников, и было заметно, что они быстро становились очень преданными. Их интересовало не только то, получают ли они деньги в конце месяца. Некоторые из них вообще не хотели работать за деньги. Они были гораздо больше заинтересованы в установлении достойных отношений с хорошим хозяином.

В наши дни, к счастью или к несчастью, все это уже отмирает вместе с настойчивым вторжением западных ценностей. Само слово «хозяин» сегодня заставляет людей чувствовать себя несколько неуютно. В результате вы чаще всего не можете установить сколько-нибудь подлинно личных отношений со своим работодателем. Вы работаете не на хозяина, а на отделение компании, и ваша работа контролируется людьми, у которых больше власти, чем у вас, но у вас нет к ним лояльности или преданности. Только в ситуациях, имеющих очень долгую историю, подобных армейскому уставу, в котором верность и преданность долгу является ключом к успеху, вы все еще находите подобные отношения. Подобно этому, у нас очень далекие, обезличенные отношения с теми, кто призван защищать наши интересы, и мы не думаем об этом, как о службе им. Раз или два за жизнь вам, возможно, выдастся случай пожать руку вашему местному члену парламента или конгрессмену, но чаще всего это самые близкие отношения, которых вы можете ожидать.

Многие, возможно, думают, что отношения учителя и ученика

естественным образом обретают личный характер; это, несомненно, может быть так в наставнической системе некоторых университетов. Однако в целом обучение в наши дни – это напоминающий бизнес процесс передачи учеников от одного учителя к другому в некоторой надежде, что итогом станут равномерно переваренные факты. В обычной классной системе учителю иногда приходится обращаться к сорока ученикам, а затем он продолжает обучать другую большую группу учеников. Отношения непременно должны быть индивидуальными, и развить такие отношения с каждым учеником, который находится под вашим руководством, в таких обстоятельствах практически невозможно. В противном случае у вас появятся любимчики, и это приведет к обидам.

В любом случае, большинство из нас общается с учителями только в сравнительно раннем возрасте, поэтому у этих отношений, которые мы могли бы иметь с учителем, нет никакого шанса достичь зрелости. Обычно мы перестаем думать о необходимости учиться после того, как заканчиваем повышать квалификацию: это конец отношений «учитель-ученик» в нашей жизни, хотя определенные отношения позже и могут предусматривать неофициальный элемент наставничества, который может оказать глубокое влияние на наше развитие.

В современном мире отношения между друзьями, по крайней мере, в среде мужчин, обычно не становятся настолько глубокими, чтобы создавать проблемы. Мы склонны сохранять в таких отношениях легкость, не требовать от них чего-то большего, возможно, потому что в умах многих людей есть страх гомосексуализма. Любые сильные эмоциональные отношения между людьми одного и того же пола, особенно между мужчинами, в наши дни рассматриваются как нечто подозрительное.

Можно также сказать, что отношения между братьями и сестрами стали менее важными, чем в прошлом. Одна из очевидных причин этого – то, что у некоторых из нас нет братьев и сестер. В наши дни один ребенок в семье – обычное явление, в отличие от больших семей прошлого, когда (особенно до появления «государства всеобщего благосостояния») от членов семьи ожидали, что они будут заботиться друг о друге.

Тот факт, что эти разнообразные виды отношений стали искусственными, означает, что в наши дни в жизни человека остались лишь два вида действительно личных отношений. У древних

индийцев было шесть, у древних китайцев – пять, но мы, исключительно из практических соображений, оставили два: отношения родителей и детей и отношения мужа и жены или молодой пары. И из этих двух видов отношений для многих людей вторые гораздо более важны.

Конечно, в сексуальных отношениях есть много различных осложняющих моментов, из которых наиболее очевиден сам секс. В условиях современности сексуальные потребности являются не только биологическими, но и психологическими. Например, в наши дни мужчины склонны связывать выражение своей мужественности в меньшей мере с активностью в мире, чем со своей сексуальной активностью, особенно если их работа довольно бессмысленна и проста.

Еще один осложняющий фактор заключается в том, что в большинстве цивилизаций отношения между мужчинами и женщинами закреплены либо институтом брака, либо сожителем. Помимо отношений родителей и детей (которые имеют совершенно другую основу), брак – это единственные из наших отношений, которые мы легализуем и закрепляем подобным образом. Это не просто личная договоренность между двумя людьми, брак подразумевает освященные законом обязательства, которые в определенных обстоятельствах даже могут быть закреплены в судебном порядке. В таких отношениях не всегда возможно что-либо изменить, и это может привести к сложностям.

Когда возникает противоречие между нашей потребностью развиваться как личность, с одной стороны, и нашими сексуальными отношениями – с другой, психологическое давление может создать сильное напряжение. На самом деле, в любых личных отношениях есть вероятность того, что они встанут на пути наших попыток духовного роста. Здесь заключен парадокс. С одной стороны, личные отношения совершенно необходимы для человеческого развития. С другой стороны, если мы преданы духовному развитию, гораздо проще поддерживать личные отношения с другим человеком, который также пытается вести духовную жизнь. Проблемы чаще всего возникают – особенно в контексте сексуальных отношений, – когда один из двух людей хочет заниматься духовной практикой, а другой – нет, и такие проблемы трудно разрешить, потому что мы, скорее всего, в любом случае не до конца всем сердцем преданы духовной жизни. Часть нас, так сказать, скорее всего, будет уклоняться вместе с другим человеком от духовных устремлений, и мы можем

обнаружить, что соглашаемся с тем, что отводить время на медитацию – просто эгоистично.

Некоторые люди обнаруживают, что, когда они вовлекаются в духовную практику, важность прежних личных отношений уменьшается, по крайней мере, на какое-то время. Иногда это трудно принять. То, что с вашим ростом вам просто придется в некотором смысле оставить семью и друзей, звучит невыносимо жестоко. Но в некотором роде это единственное, чего стоило ожидать. В духовной жизни есть непрменный элемент ухода, как мы отметили. И если вас интересуют вещи, о которых ваши друзья и семья мало что знают и не интересуются ими, вам не останется ничего, кроме как до некоторой степени утратить связь с ними.

Однако многие люди обнаруживают, что по мере достижения зрелости в своей духовной практике их возросшая оптимистичность, чувствительность и чувство благодарности проводят их к гораздо более глубоким и близким отношениям, особенно с семьей, и это можно только приветствовать и действительно сознательно работать над этим. В конце концов, как Будда напомнил Сигалаке, наши родители даровали нам жизнь, ощущение смысла и драгоценности которой в нас увеличивается, и за это мы должны относиться к ним с великой любовью и уважением, что бы ни случилось позже. В то же самое время, по мере углубления духовной практики, мы будем создавать новые личные отношения с другими людьми, которые пытаются вести духовную жизнь – другими словами, мы, скорее всего, присоединимся к духовному сообществу или будем участвовать в его создании.

В следующих главах мы рассмотрим каждые из этих шести отношений, которые Будда посоветовал Сигалаке связывать с шестью измерениями. Каждая глава будет рассматривать отдельные отношения с определенного угла, поэтому у нас нет намерения дать им всеобъемлющее описание (что в любом случае было бы вряд ли возможно) – это просто возможность остановиться и поразмышлять над природой каждого отношения по очереди. Рассмотрев все шесть видов отношений, мы поразмышляем над тем, что присуще всем им и также является качеством подлинной личности, – благодарностью. В завершение в двух главах мы изложим некоторые мысли по поводу отношений отдельного буддиста с большим миром. В конце концов, будучи весьма далека от рационализации эгоизма, которой ее считают некоторые люди, жизнь буддиста действительно может быть прожита лишь в свете осознания нашей взаимозависимости с жизнью в целом

и стремления действовать с состраданием и энергией на этой основе.

Глава 13. Как быть родителем-буддистом

Согласно совету Будды Сигалаке, один из шести видов отношений, которые следует почитать и уважать, — это отношения между родителями и детьми. Мы понимаем, что Сигалака уже знал кое-что об этом, поскольку он поклонялся шести направлениям, в первую очередь, исполняя желание отца, и можно сказать многое об обязанностях детей по отношению к родителям. Здесь, однако, я сосредоточусь на обязанностях родителей по отношению к детям.

У меня самого нет детей, но, несомненно, была возможность наблюдать природу отцовства и материнства посредством общения с друзьями и учениками, у которых были дети, а также посредством чтения и средств массовой информации в целом. Возможно, в данном случае справедливо утверждение, что со стороны виднее. На основании такого опыта — хотя и чужого, — который у меня был, я осмелюсь предложить ряд пунктов, над которыми хорошо было бы поразмышлять любому родителю-буддисту. Я не буду рассматривать вопрос о том, следует или не следует иметь детей. Для многих людей, включая буддистов, дети — это просто данность, и, следовательно, необходимо рассмотреть, как лучше всего справляться с этими важными отношениями.

Наблюдения, которые я хочу сделать (многие из которых основаны на здравом смысле), выражаются в форме пятнадцати пунктов, первый из которых таков:

1. Помните, что вы сначала буддист, а потом родитель

Если человек одновременно является буддистом и родителем, полезно думать о себе как о буддисте, который является родителем, а не как о родителе, которому довелось стать буддистом. Эти две позиции во многом различны. Говоря это, я ни в коем случае не советую буддистам отводить своим детям второе место. Если вы хотите уйти в ретрит, а ваша дочь или сын больны, я не предлагаю вам оставить их на попечение кого-то еще и отправиться в ретрит. Совсем нет. Буддизм стоит на первом месте в том смысле, что именно из буддизма вы заимствуете те принципы, в свете которых вы пытаетесь быть родителем-буддистом, а не просто родителем.

Человеческие существа разделяют родительские функции практически со всеми видами животных; просто стать родителем —

это невеликое достижение, и почти все человеческие существа делают это. Но, хотя стать родителем легко, быть хорошим родителем на самом деле очень трудно, потому что это подразумевает, что мы применяем или пытаемся применять буддийские принципы к нашим отношениям со своими детьми. Этот пункт лежит в основе всех других положений, которые я хочу отметить.

2. Не бойтесь учить своих детей буддизму

В наши дни возникает много заблуждений по поводу того, чему следует учить детей. Люди часто говорят, что мы не должны вмешиваться в чье-либо мышление; мы должны способствовать тому, чтобы люди думали сами. Детям не нужно вкладывать в голову идеи и учения, им нужно позволить расти с открытым, свободным, почти пустым умом. Затем, когда они достаточно подрастут, они сами решат, хотят ли они быть христианами, буддистами, агностиками, мусульманами или кришнаитами, – кем им больше понравится.

Подобные воззрения совершенно нереалистичны. Пока вы тщательно удерживаете себя от того, чтобы рассказывать своим детям о буддизме, отказываетесь излагать им идеи и учения, как вам кажется, разные другие силы упорно работают, вкладывая в голову вашим детям ценности, совершенно отличные от ваших собственных, нравится вам это или нет. Это происходит все время: в школе или на игровой площадке, по телевизору и в фильмах, благодаря атмосфере в обществе в целом. Не думайте, что, если вы отказываетесь знакомить своих детей с учением, они смогут совершенно свободно и самостоятельно сформировать свое мнение относительно этих вещей, когда достигнут сознательного возраста, когда бы это ни случилось (если такой возраст вообще наступает).

Следовательно, не бойтесь учить своих детей буддизму – или, скорее, передавать им некий дух Дхармы. Общество в самом широком смысле все равно будет воздействовать на них самыми разными способами, и некоторые из этих воздействий будут, несомненно, негативными, поэтому не стесняйтесь оказывать на них положительное влияние с помощью Дхармы. Вам не нужно пытаться учить их изощренным буддийским учениям, таким, как закон обусловленного совозникновения. Вам не нужно заставлять их с раннего возраста читать «Обзор буддизма». Вы можете начать в раннем возрасте с показа им книжек с картинками о жизни Будды или традиционных историй о предыдущих жизнях Будды. Все дети любят истории, и

хочется надеяться, что телевидение не совсем вытеснило их рассказывание дома. Так вы можете познакомить детей с миром буддийской культуры и дать им некоторое ощущение буддизма.

То, что вы еще можете сделать – на самом деле, должны делать – подавать пример. Когда, по мере взросления своих детей, вы начинаете передавать им свои ценности, – преданность нравственной речи, например – важно, чтобы вы сами демонстрировали эту преданность в своей жизни. Как знает любой родитель, дети очень быстро ловят нас на несоответствиях. Бесполезно говорить своему сыну или дочери о том, что неправильно лгать, а затем, когда кто-то стучит в дверь, сказать: «Скажите, что меня нет».

Вы также передаете своим детям дух Дхармы через атмосферу, которая преобладает в вашем доме. Важно, чтобы дети, приходя из школы или откуда-то еще, чувствовали, что им хорошо дома: спокойно ли там или, возможно, довольно оживленно, но дом полон счастья и оптимизма, атмосферы любви и безопасности. Возможно, со временем они поймут, что эта атмосфера как-то связана с тем, что вы буддист и медитируете, но установят они эту связь или нет, они ощутят преимущества жизни в позитивном окружении.

3. Осознайте то, с чем вам придется столкнуться

Ни одному родителю не нужно напоминать, что, будучи родителем, он сталкивается с трудностями в том смысле, что растить детей дорого, что дети могут быть трудными, что его ждут бессонные ночи. Но есть трудности и в другом смысле слова – вы сталкиваетесь с миром в широком понимании. Будучи родителем-буддистом, вы пытаетесь воспитывать своих детей в соответствии с буддийскими принципами. Но внешний мир далек от того, чтобы признавать эти принципы. Вы говорите своему ребенку одно, а мир обычно говорит совсем другое, даже совершенно противоположное.

Любому буддисту приходится отстаивать свои принципы, но, будучи родителем, вам придется участвовать и в битве за своих детей, как и в своей собственной. Степень, в которой детей нужно ограждать от внешнего влияния, особенно в самом раннем возрасте, – большой вопрос, и в любом случае оградить их возможно лишь до некоторой степени. Но важно и полезно признать, что пытаться растить детей в соответствии с буддийскими принципами чрезвычайно сложно, поскольку внешний мир – сознательно или бессознательно,

намеренно или ненамеренно — все время оказывает на них совершенно иное влияние, как и на вас.

4. Присоединитесь к родительскому комитету

Здесь мы переходим к более частным вопросам. Рано или поздно ваш ребенок начинает ходить в школу. Мое четвертое положение таково: присоединитесь к родительскому комитету. Не оставляйте образование своих детей в школьные часы на откуп учителей. Можно даже сказать, что образование слишком важно, чтобы оставить его учителям, точно так же, как иногда говорят, что политика — это то, что не стоит доверять политикам. Учителя могут превосходно выполнять свою работу, но им также приходится сталкиваться со многими трудностями — быть учителем в некоторых отношениях так же сложно, как и быть родителем.

Если у вас есть дети школьного возраста, следовательно, хорошо бы установить контакт с их учителями. Говорите с ними о своих детях и детях в школе в целом и также обсуждайте с ними проблемы, с которыми они сами сталкиваются в качестве учителей. В наши дни учителям приходится очень трудно. Появляются все новые и новые случаи нападений на учителей со стороны учеников, и подобные вещи действительно делают жизнь учителей очень сложной. Если вы вступите в родительскую организацию или ассоциацию, вы можете внести вклад, предложить определенные идеи и соображения, чтобы школа стала лучшим местом для всех детей, которые ее посещают. Вы можете даже стать заведующим школой и, следовательно, получить еще большие возможности для того, чтобы оказать на школу положительное и творческое влияние.

5. Общайтесь со своими детьми

Некоторые люди любят утверждать, что эти слова больше следует отнести к отцам, чем к матерям, но я не собираюсь проводить здесь подобных различий. Очень важно, будучи родителем, общаться со своими детьми. Говорите с ними серьезно — не смотрите на них свысока. Если они задают вопрос, воспринимайте его всерьез. Если вы это сделаете, вы будете удивлены, как трудно дать на него ответ. Даже довольно маленькие дети умны и восприимчивы, и у них иногда возникают довольно необычные вопросы.

Одно из самых счастливых воспоминания о моем собственном детстве в конце 1920-х и начале 30-х – когда отец проводил время со мной и разговаривал. Он обычно возвращался домой с работы – если у него была работа, потому что это были времена безработицы – примерно в шесть или семь часов, заходил в мою комнату – я уже был в постели – и садился на кровать, чтобы поговорить со мной полчаса или час. Иногда мама проявляла нетерпение, потому что уже приготовила ужин, и теперь он остывал, но отцу было интереснее поговорить со мной. Он говорил со мной о самых разных вещах, особенно о своих военных воспоминаниях – он был серьезно ранен в мировую войну, которая закончилась лишь несколько лет назад. Не только отец рассказывал мне что-то: повзрослев, я всегда с легкостью общался с ним.

Так что говорите со своими детьми. Делитесь с ними своими серьезными мыслями в той мере, в которой они способны их воспринять. Это означает, что вы должны найти на них время. Не будьте слишком заняты, чтобы не иметь возможности поговорить с собственным ребенком. Если вы очень заняты, отведите на это отдельное время, точно так же, как отводите время на друга. Конечно, это не значит, что вы должны посадить перед собой ребенка и сказать: «Что ж, а теперь мы поговорим». Вы должны найти подходящий момент. Дети не всегда хотят общаться, когда у вас есть время.

6. Ограничьте просмотр телевидения

Сложно, если не невозможно, поддерживать ясное и позитивное состояние ума – оставаться осознанными, как сказали бы буддисты – если вы ничего не сделаете для того, чтобы ограничить степень потребления всех стимулирующих воздействий современной жизни. И, конечно, в наши дни большое влияние оказывает телевидение. Много спорят о том, есть ли причинная связь между жестокостью на телевидении, и жестокостью в семье и на улицах. Некоторые эксперты полагают, что никакой связи на самом деле нет, другие утверждают, что есть, и обычному человеку очень трудно понять правду.

Но с буддийской точки зрения мы можем быть уверены в одном. Приводит или нет жестокость по телевидению к реальному насилию, она, несомненно, не улучшает состояние ума зрителя. Если мы проводим несколько часов каждую неделю или даже каждый день за просмотром программ, которые содержат много насилия, это может лишь нанести вред нашему состоянию ума, будь это ум взрослого,

подростка или восприимчивого и впечатлительного ребенка.

Некоторые люди скажут, что у детей есть права, в том числе и право на просмотр телевизора в любое время. Но, как я уже говорил, я считаю, что лучше использовать не язык прав, а говорить в контексте обязанностей. И родители – особенно родители-буддисты – обязаны ограничивать время просмотра телевизора для своих детей.

Ограничения должны касаться не только того, что они смотрят, но и того, сколько времени они проводят перед телевизором. Исследования показывают, что многие дети на Западе страдают от избыточного веса. Это частично происходит из-за нездорового питания – это предмет следующего пункта, – но также и потому, что дети недостаточно двигаются. Они недостаточно активны – это очевидно, – потому что гораздо интереснее застыть перед телевизором. Тесты показывают, что просмотр телевидения также отрицательно влияет на воображение – главным образом потому, что тому, кто пассивно принимает все, что предпочитают ему предложить телевизионные продюсеры, просто не нужно использовать воображение.

Конечно, ограничить просмотр телевизионных программ сложно. Одна мать-буддистка, с которой я был знаком, сказала, что ее дети чувствуют себя обделенными, потому что у них дома нет телевизора, и, следовательно, чувствуют себя не такими, как другие дети в школе, потому что не могут участвовать в обсуждении того, что показывали по телевизору предыдущим вечером. В конце концов, матери пришлось неохотно сдаться под их постоянным давлением, хотя ей и удалось до некоторой степени ограничить время просмотра. Несомненно, влияния сильны. Тем не менее, нужно занять твердую позицию по этому вопросу.

7. Обеспечьте своим детям здоровое питание

Этот пункт может показаться очевидным, но, опять же, современные условия затрудняют его. Живя в городе и внимательно присматриваясь ко всем, я заметил одну вещь – детей, которые едят на улице. И, конечно, обычно они едят нездоровую пищу – шоколад, мороженое, бургеры и чипсы. Родителям нужно приложить все усилия, чтобы справиться с этой распространенной привычкой. Не нужно относиться к этому фанатично, как это было модно в шестидесятые, когда все увлеклись макробиотикой. Но кто бы ни занимался приготовлением пищи в семье, ему нужно попытаться

обеспечить сбалансированное питание и отучить детей от перекусов между приемами пищи.

И, безусловно, детей нужно отучать от курения. Еще одна вещь, которую я заметил, гуляя по городу, – то, как много школьники курят. Я вижу, как они выходят прямо из школы – им не может быть больше двенадцати или тринадцати – и вытаскивают пачку сигарет, закуривая там же. И снова, родители-буддисты должны занять твердую позицию в отношении своих детей, когда те достигают соответствующего возраста.

Когда я был ребенком, все было совсем по-другому. Я и подумать не мог о курении, когда был юн, но когда мне исполнилось шестнадцать, отец сказал мне: «Сын, теперь тебе шестнадцать. Можешь курить, если хочешь». Но я не стал – пока не пошел в армию. Даже там это продолжалось совсем недолго, потому что мне не понравилось, и с тех пор не курю. Действительно очень прискорбно видеть столь юных подростков, как мальчиков, так и девочек, уже привыкших к курению. Поэтому, пожалуйста, отучайте детей от курения – не просто отучайте, а прекращайте его. Используйте свой родительский авторитет. Я знаю, что от родительского авторитета в наши дни остались лишь жалкие крохи, но сколь бы ничтожны не были эти остатки, используйте их в этой ситуации.

8. Вводите своего ребенка в общество

Это пункт, который я хочу подчеркнуть особенно. Ваши дети не принадлежат только вам. Они не просто члены семьи. Они являются или будут являться членами общества, частью большего круга людей, и их нужно воспитывать, даже готовить, таким образом, чтобы они могли позитивно действовать как члены этого общества. Опять же, это подразумевает упражнения в дисциплине. Детей нужно учить, например, уважать собственность других людей и принимать в расчет их чувства. Иначе позже им придется сложно в этом мире. Вы можете смириться с их вспышками гнева и дурным поведением, но не мир.

Поэтому учите своих детей жить в обществе. И не перекладывайте это на других людей. Родители часто так поступают. Малыш Джимми или малютка Мэри ведут себя плохо, их совсем не заботят другие люди, но родители лишь снисходительно улыбаются: «Ну, это же наша Мэри» или «Это же Джимми», – и полагают, что другие люди должны с этим смириться или даже счесть это милым. На самом деле,

конечно, другие люди, скорее всего, думают: «Что за ужасно невоспитанный ребенок!»

Хорошие манеры не очень популярны в наши дни, поскольку ассоциируются с буржуазными ценностями, воспитанием среднего класса и подобными вещами; люди склонны выплеснуть младенца хороших манер вместе с водой общественной моды. Но нам нужно сделать все возможное, чтобы вернуть ребенка. Недавние исследования указывают на однозначную связь между дурным поведением и юношеской преступностью, и это предполагает, что аспект социализации, который заключается в обучении детей хорошим манерам, не стоит недооценивать.

9. Не будьте собственниками

Конечно, ваш ребенок – это ваш ребенок, со всем причитающимся, и до определенного возраста вы отвечаете за него перед законом. Но попытайтесь избегать мыслей: «Это *мой* ребенок». Не утверждайтесь во мнении, что никому другому не позволительно разговаривать с вашим ребенком или ругать его, если он ведет себя дурно. В здоровом, позитивном обществе каждый взрослый должен иметь право укорить любого ребенка, который ведет себя дурно где бы то ни было. К несчастью, в западном обществе в наши дни это невозможно. В Индии это случается, но на Западе люди, по-видимому, сопротивляются, когда кто-нибудь, как они это называют, вмешиваются в воспитание их детей.

У родителей-буддистов, несомненно, не должно быть такого отношения, частично потому, что как буддисты мы пытаемся не испытывать привязанности или, по крайней мере, уменьшить ее, а частично – потому что как родители-буддисты мы являемся членами буддийской сангхи. Вы не должны возражать, если ваш друг-буддист считает уместным выразить свое несогласие с каким-нибудь проступком вашего ребенка. Если ваш ребенок приходит в буддийский центр вместе с вами и, пока вы чем-то заняты, носится по центру, любой знакомый буддист может сказать: «Томми, ну-ка не шуми так», – и вы не должны протестовать или чувствовать себя оскорбленным.

Очень важный аспект отказа от собственничества – позволить своим детям, когда приходит время, покинуть родительское гнездо и уйти в больший мир. Вы должны воспитывать их так, чтобы они могли

отправиться в путь свободно, легко, без ощущения вины, с уверенностью в себе, а вы должны чувствовать себя – да, немного печальными, это неизбежно – но в целом счастливыми и довольными, даже, хотя, возможно, вы в этом и не сознаетесь, ощущать некоторое облегчение от того, что они покидают вас, и стремиться и быть готовыми продолжить старые отношения на новой основе.

Есть очень интересная строфа, затрагивающая этот вопрос, в индуистском «Манусмрити». Строфа имеет отношение к отцам и сыновьям, но она применима к любым отношениям родителя и ребенка. Там говорится: «Когда твоему сыну исполняется шестнадцать, прекрати считать его сыном и относись к нему как к другу». И это, безусловно, становится возможным в полной мере, когда ребенок покидает дом. Когда ваш сын или дочь приезжают навестить вас, попытайтесь относиться к ним не как к ребенку, вернувшемуся в гнездо за утешением, а как к доброму другу, приехавшему ради хорошей беседы.

10. Учите своих детей говорить правильно

Время от времени, когда я выхожу в люди и слышу, что люди говорят – не только дети, но и взрослые – меня поражает, насколько беден их словарный запас. Действительно, стандарты в отношении языка и словесного общения в целом, по-видимому, постоянно падают. Поэтому очень важно поощрять детей расширять свой словарный запас и говорить правильно. Речь – это главное средство общения с другими людьми. Если мы не добьемся в ней мастерства, мы просто не сможем поднять свое общение выше определенного уровня.

Следовательно, убедитесь, что ваши дети не просто говорят на родном языке, но на самом деле *владеют* им, говорят на нем правильно и красиво, уделяя внимание грамматике и точному словоупотреблению. Не бойтесь их поправлять. Некоторые учителя утверждают, что детей ни в коем случае нельзя поправлять, потому что это подрывает их самооценку, но эта самооценка довольно слаба, если ее можно подорвать подобным образом. Если человека не поправлять, он продолжит делать ошибки, и эти ошибки войдут в привычку. Поэтому поправляйте своих детей, если они подхватывают неправильные выражения от школьных друзей – и, конечно, если они склонны к использованию грубых слов.

Речь – поистине чудесная вещь, одно из величайших достижений

человеческой расы. Мы должны сами пользоваться ею и учить своих детей пользоваться ею полно, действенно и красиво, насколько это возможно. Обучая наших детей говорить правильно, мы открываем им доступ к тому, что на самом деле драгоценно.

11. Берите детей на буддийские праздники, если это уместно

Здесь лучше придерживаться среднего курса. Вместо того, чтобы постоянно оставлять детей дома в дни буддийских празднований или постоянно брать их с собой, попытайтесь выяснить, какие празднования и мероприятия могут подойти для ребенка. Не все подойдут. Если программа подразумевает много медитации, например, она не подойдет малышу: не стоит ждать от него, что он будет спокойно сидеть долгое время или даже больше нескольких минут.

Но детям нравится во всем принимать участие и делать разные вещи, поэтому, если церемония включает праздничную пуджу, несомненно, берите детей с собой – конечно, посоветовавшись с теми, кто организует праздник. Я заметил, что детям нравится делать подношения на алтарь: это то, что они могут сделать, это просто и поэтично, и им это нравится. Они даже могут сами приготовить подношения заранее, принести их с собой и поднести самостоятельно.

Не настаивайте, чтобы дети принимали участие во всем – есть некоторые случаи, в которых это неуместно – но там, где возможно, приводите их. Может быть, время от времени можно устраивать даже особый детский праздник.

12. Знакомьте детей со своими друзьями-буддистами

Это может показаться очевидным, но так бывает не всегда. Особенно в отношении англичан есть поговорка, что дом англичанина – это его крепость, и мы склонны не позволять опускать подвесной мост. В характере англичан есть склонность держаться на некотором отдалении от других людей и разделять домашнюю и общественную жизнь. Но если у вас есть дети, хорошая идея – убедиться в том, что они проводят время с вашими друзьями-буддистами или, по крайней мере, немного общаются с ними. Часто это происходит естественно и спонтанно, но некоторым нужно приложить усилия, чтобы убедиться, что это действительно происходит.

Это важно частично потому, что помогает компенсировать ограниченность современной нуклеарной семьи. В некоторых частях Индии, например, большинство родителей все еще живут как часть расширенной или объединенной семьи, состоящей из десяти-пятнадцати или больше членов. Но в Англии наши крепости становятся на самом деле очень малы. Нуклеарная семья становится все более нуклеарной день ото дня, по-видимому, и это неблагоприятно, как для родителей или родителя, так и для детей или ребенка. Некоторые семьи в наши дни состоят только из двух человек – родителя и ребенка – это довольно ограниченная, даже стесненная ситуация. Если вы познакомите детей со своими друзьями-буддистами, это может помочь вам изменить потенциально клаустрофобную природу такой нуклеарной семьи.

Если дети привыкнут с раннего возраста встречать взрослых извне непосредственного круга семьи, это непременно поможет им в развитии уверенности в себе, и это, безусловно, огромное достижение. Одна из вещей, которую я заметил, когда вернулся на Запад после многих лет проведенных в Азии, – это то, что людям здесь, по-видимому, недостает уверенности в себе. Родители должны сделать все возможное для того, чтобы удостовериться, что их дети растут достаточно уверенными в себе – не с той уверенностью, которая выражается в антиобщественном поведении, а с позитивной и даже творческой уверенностью в себе. И для развития у ребенка уверенности в себе действительно полезно, если он привык общаться с взрослыми, не входящими в круг семьи.

13. Учите детей заботиться об окружающей среде

Довольно часто можно наблюдать, как дети небрежно бросают обертки от конфет и тому подобное на улице, очевидно, но осознавая, что они делают, или, возможно, привыкнув к тому, что за ними уберет кто-то другой, что это не их обязанность – содержать улицы в чистоте. И это, конечно, является показателем отношения, которое потенциально имеет далеко идущие последствия для окружающей среды.

Даже в те дни, когда планета была зеленее, во времена Будды, окружающая среда была предметом большой заботы для практикующих буддистов, и сам Будда довольно часто говорил об этом. Будучи родителем-буддистом, человек должен стремиться воспитывать в своих детях заботу об окружающей среде и уважение к

ней – ведь, в конце концов, это *их* окружающая среда. Когда они станут старше, вы сможете обсуждать с ними экологические проблемы – как и другие вопросы, конечно, но вопрос защиты окружающей среды действительно имеет очень непосредственное практическое применение.

14. Учите детей сопереживать

Это действительно очень важно. В последние годы в Англии широко обсуждался печальный случай Джеймса Балгера, малыша, которого убили два очень маленьких мальчика. В радио-дискуссии после судебного разбирательства кто-то сказал, что причина, по которой мальчики совершили это ужасное преступление, заключалась в том, что их не научили различать плохое и хорошее. Но принимавшая участие в обсуждении женщина-психолог не согласилась с этим. Она отметила, что два мальчика были признаны виновными в убийстве – другими словами, было доказано, что они знали разницу между тем, что правильно, а что нет. В продолжение она отметила очень важную вещь: недостаточно знать разницу между правильным и неправильным, нужно уметь сопереживать другим людям, другим живым существам. Без сопереживания знание разницы между правильным и неправильным будет чисто абстрактным и концептуальным и не обязательно повлияет на поведение.

Конечно, нельзя дать урок сопереживания, его нельзя сделать частью школьного расписания. Здесь снова важен пример родителей. Детей можно научить сопереживать другим людям и также животным, научить понимать, что животные чувствуют боль точно так же, как и они сами. В Палийском каноне описывается случай, когда Будда видит, что мальчики мучают ворону, и говорит им: «Если бы вас мучили подобным образом, что бы вы почувствовали?» Конечно, они ответили, что им бы это не понравилось. И Будда сказал: «Что ж, если вы почувствовали бы боль, обращайтесь кто-то с вами подобным образом, не думаете ли вы, что вороне тоже больно?» И они были вынуждены признать, что да, ей больно. Другими словами, они начали сопереживать вороне⁷⁴.

В очень известной серии гравюр Хогарта под названием «Четыре степени жестокости» первая из гравюр изображает мальчишек, мучающих собаку и кошку. На следующем этапе один из мальчиков совершает убийство. На третьем этапе юношу, который совершил убийство, вешают, а на последнем этапе его тело расчлениют врачи.

Хогарт как бы говорит, что эта жизнь, полная жестокости, заканчивается тем, что повешенный становится выражением самой жестокости, а начинается с мучения животных, с недостатка сопереживания к другим живым существам.

Некоторые люди настолько чувствительны, что они сопереживают даже растениям, и им не нравится рвать цветы, потому что они ощущают, что растению в некотором смысле наносится рана. Не все могут сопереживать до такой степени, но мы должны, по крайней мере, сопереживать животным и другим людям. Это одна из самых важных вещей, которым мы должны научить наших детей.

15. Не вините себя, если совершаете ошибки

Быть родителем нелегко. Хотя у меня и нет детей, я знаю это очень хорошо, потому что иногда родители доверяют мне свои проблемы, а я стремлюсь оставаться открытым к тому, что вижу и слышу. Быть родителем очень сложно, будь вы мать или отец, – и сейчас еще сложнее, чем раньше, по крайней мере, в некоторых отношениях. Перед вами так много вариантов, вы должны принимать так много решений, не имея возможности узнать все, что важно в данной ситуации. И все может пойти не так, несмотря на ваши благие намерения.

И, кроме того, дети – это индивидуальные существа. Они приносят с собой свою собственную карму. Вы можете прекрасно воспитать своего ребенка, а он окажется чудовищем, вы можете воспитать его очень плохо, а он окажется хорошим человеком. Я видел такое, потому что живу достаточно долго, чтобы увидеть, как карма переходит от одного поколения к другому. Например, я знал детей, которых воспитывали очень плохо, но сами они стали очень хорошими родителями.

Поэтому карму нужно принимать в расчет. Помимо того, что у них есть хромосомы, ваши дети приносят с собой карму, и вы не знаете, что это за карма. Все может обернуться совсем не так, как вы ожидаете. А, кроме того, вы сами – человеческое существо, а людям свойственно ошибаться. Вы не всеведущи. Может быть, вам не стоит рассказывать об этом слишком рано своим детям, но даже родители не знают всего и совершают ошибки.

Если вы действительно сделали для своих детей все возможное и на

каждом этапе сделали то, что в то время казалось вам лучшим решением, то если все, по-видимому, пошло не так, попытайтесь извлечь из этого урок, но не слишком обвиняйте себя в этом. Не вините себя. Если позже в своей жизни ваш ребенок совершит что-нибудь ужасное, не мучайте себя. Не думайте, что, если бы вы только не сделали того или иного, все обернулось бы по-другому. Вы не можете этого знать. Вы не можете это выяснить. Вы просто должны делать все, что в ваших силах, в настоящем, здесь и сейчас. Остальное – это карма, случай, обстоятельства, общество. Не вините себя, если выясняется, что вы совершили ошибку. И не слишком думайте о том, что то, что происходит, *происходит* из-за ваших ошибок. Может, это не так. Вы этого не знаете. Но в любом случае, не вините себя. В то время вы сделали все, что могли. Этого должно быть достаточно для вас и для других.

Некоторые родители чувствуют, что им нужно извиниться перед детьми за то, как они их воспитывали. Если вы сделали что-то определенно, безошибочно неверное, что, несомненно, заставило вашего ребенка страдать, – что ж, хорошо, скажите, что сожалеете об этом, когда ваш ребенок достаточно подрастет для того, чтобы это понять. Но помимо этого, помните, что как только ваши дети достигают сознательного возраста, они сами отвечают за свою жизнь. Если что-то идет не так, если ваши сын или дочь совершают какой-то неправильный поступок, они не должны обвинять в этом вас. Ваши дети отвечают за самих себя, так же, как и вы. Вы ответственны за них лишь в ограниченной степени и на протяжении ограниченного периода времени.

Это лишь некоторые вещи, которым, с точки зрения буддизма, нужно уделять внимание в отношениях между родителями и детьми. Надеюсь, не нужно напоминать вам о том, что все эти рассуждения нужно понимать, имея в виду общее представление о том, что в качестве родителя-буддиста вы должны относиться к своему ребенку с любовью и заботой. Все, что вы пытаетесь делать – включая те моменты, когда вам нужно применить дисциплину, – вы должны делать с этим духом любви.

Глава 14. Необходим ли гуру?

Второй вид отношений, которые «защищают шесть направлений», как Будда говорит Сигалаке, – это отношения между учеником и учителем. Здесь мы будем рассматривать в частности, отношения между учеником и духовным учителем, который часто понимается как «гуру». Но необходим ли гуру? Этот вопрос связан с некоторыми из наших прежних рассуждений о том, нужно ли жить духовной жизнью в контексте духовной общины. Этот вопрос, скорее всего, не приходил в голову Сигалаке или любому из его современников; в те времена первый вопрос, который задавали человеку, звучал как: «Кто твой учитель?», а не «Как ты считаешь, нужен ли учитель?»

Но этот вопрос рано или поздно неизбежно появляется у любого современного западного человека, который действительно пытается развиваться как личность, стать подлинно собой. В частности, он, скорее всего, возникает, если человек пытается целенаправленно и сознательно следовать тому, что мы обычно называем духовным путем, и становится еще более насущным, когда человек пытается следовать этому духовному пути в той или иной из восточных форм.

Однако, прежде чем мы обратимся к самому вопросу, мы должны избавиться от ореола вымышленных ассоциаций, которые связаны с магическим словом «гуру». Мы, к несчастью, должны развеять видение сияющей синевы небес, прекрасных заснеженных горных вершин и, над этой линией снегов, – уютных пещерок, в которых, как воображает большинство людей, естественно обитать этим редким созданиям, гуру. Мы должны спуститься на землю с этих недостижимых равнин Шангри-ла, на которых добрые и мудрые старцы с длинными белыми бородами и сияющими глазами передают секреты высочайших учений немногочисленным преданным ученикам. Мы должны безжалостно отказаться от любого представления о том, как эти удачливые ученики без усилий плывут к нирване силой того, что получили самые продвинутые техники от самого эзотерического держателя линии передачи.

Нам нужно подумать над этим вопросом о гуру как можно более трезво и по существу и попытаться понять, чем кем является гуру, а кем не является. На этой основе мы должны прояснить, в какой мере и в каком качестве необходим гуру, если он вообще необходим. Мы также должны рассмотреть, в каком отношении может быть уместно вступить в отношения с гуру.

Давайте начнем с рассмотрения того, кем не является гуру. Прежде

всего, гуру – это не глава религиозной группы. Под религиозной группой я, конечно, имею в виду не духовное сообщество, а, скорее, ряд людей, не являющихся личностями и организованных в силовую структуру на основе формы или условностей какой-либо религиозной практики. Религиозные группы могут быть разными – секты, церкви, монастыри и так далее, – и у каждой из них есть глава. К таким главам другие члены группы относятся с глубоким почтением, но, скорее всего, в этой преданности есть некое смещение фокуса или фальшь. Их почитают не за то, кем они являются сами по себе, как личности, а за то, что они олицетворяют, представителями чего являются и даже что символизируют.

Может показаться очевидным, что они должны представлять или символизировать нечто духовное – и в каком-то поверхностном смысле так и есть. Но на самом деле они олицетворяют группу. Их первостепенное значение – в том, что они являются главой группы. Это легко увидеть, когда этот вопрос оказывается в центре внимания: вам просто нужно подождать, пока главу группы не начнут критиковать или даже поносить, как неизбежно происходит со временем. Члены группы обычно чувствуют, что атака на главу группы – это нападение на них. Любое неуважение по отношению к главе группы извне группы толкуется членами группы как недостаток уважения к самой группе.

Будда отказывался так или иначе потворствовать подобному отношению среди своих последователей. В «Брахмаджала-сутте» «Дигха-никайи» рассказывается история о том, как Будда и огромное число его последователей однажды путешествовали пешком между Раджагахой и Наландой и встретились со странником по имени Суппия и его последователем, молодым человеком по имени Брахмадатта. Эти двое, в пределах слышимости Будды и его последователей, начали спорить и продолжали спорить, идя дальше. И предмет их спора, можно себе представить, должно быть, сильно расстроил некоторых из учеников Будды. Потому что Суппия, говорится в тексте, находил различные недостатки в Будде, Дхарме и Сангхе – хотя Брахмадатта столь же сильно восхвалял их. Все путешественники остановились на ночлег в одном и том же месте, и Суппия с Брахмадаттой все еще продолжали спорить.

Неудивительно, что на рассвете последователи Будды собрались вместе и начали беседовать между собой о поведении части их попутчиков, которое привело их в замешательство. Присоединившись к ним, Будда спросил, о чем они только что говорили, и они

рассказали ему. Читая между строк, мы можем понять, что они были несколько расстроены и даже рассержены тем, что случилось. Но Будда сказал:

«Монахи, если кто-то говорит обо мне, Дхарме или Сангхе с пренебрежением, вам не стоит гневаться или расстраиваться из-за этого пренебрежения, это будет вам только помехой».

Но на этом Будда не остановился. Он сказал:

«Если другие относятся ко мне, Дхарме или Сангхе с пренебрежением, а вы гневаетесь или расстраиваетесь, можете ли вы распознать, справедливо ли сказанное ими или нет?»

И монахи должны были признать, что в таких обстоятельствах они бы были не в состоянии размышлять о подобных вещах объективно.

И Будда сказал:

«Если другие относятся ко мне, Дхарме или Сангхе с пренебрежением, тогда вы должны объяснить, что то, что неправильно, – неправильно, сказав: «Это неправильно, это ложь, мы так не поступаем, среди нас этого нет»⁷⁵.

Если поразмышлять над этим случаем, мы понимаем, что Будда указывает своим ученикам на склонность, которая слишком свойственна нам как людям. Если бы они рассердились, они бы подумали, что их гнев возник потому, что Будду критикуют, но на самом деле гораздо более вероятно, что он возник, потому что группа, к которой они принадлежали, подверглась критике, и, следовательно, на самом деле, критиковали *их*. В таком положении ученик мог вполне почувствовать, что затрагивается его мудрость, выражающаяся в принадлежности этой группе и следовании человеку, которого критикуют.

Примеры такой чувствительности не ограничиваются Палийским каноном. Я встречал буддистов, которые рылись в книгах по сравнительному религиоведению, словарях по религии и философии и тому подобном, пытаясь найти в них неблагоприятные отзывы о буддизме. Когда они их обнаруживали, они списывались с издателями, собирали публичные встречи и организовывали протесты и демонстрации. Казалось, что эта короткая взбучка несчастному человеку, ответственному за обидный комментарий, успокаивала их. Самый интересный аспект всей этой ситуации заключался в том, что эти буддисты, брызжущие и кипящие яростью, были абсолютно

убеждены в том, что таким образом они демонстрируют свою преданность Дхарме. Однако на самом деле они выставляли напоказ свой групповой дух – то, что не имеет ничего общего с духовной жизнью или учением Будды.

Следовательно, гуру – это не глава религиозной группы. Он также не церковный иерарх, не кто-то, стоящий на более высоком уровне силовой структуры религиозной группы. Когда на Востоке куда-нибудь приезжает значительный религиозный деятель, ему иногда предшествует реклама, в которой говорится, что данный человек отвечает за важную группу монастырей или что он второй по важности человек в древнем храме с давней историей. Иногда в Индии говорят, что он просто очень богат. Однажды я был в Калькутте в то время, когда там делались приготовления к прибытию монаха из известного храма в Шри-Ланке, и старший монах того храма, в котором я остановился, сказал мне, что я должен пойти посмотреть на него, потому что это очень важный и влиятельный человек. Естественно, я спросил: «Чем он важен?» Старший монах ответил: «Он богатейший монах в Шри-Ланке». Именно поэтому, как ожидалось, я должен был пойти и выразить ему свое почтение.

Это крайний пример, но он символичен: ожидается, что нас должны впечатлять люди, стоящие выше в религиозной структуре, что мы должны относиться к ним как к гуру. Но гуру – это совсем не такая фигура. Человек, который важен для организации или пользуется влиянием, не становится от этого гуру.

Гуру – это также и не учитель. Это утверждение может удивить вас. Довольно легко понять, что гуру – это не глава религиозной группы, но многие думают, что духовный учитель – это как раз то, кем должен быть гуру. Но что подразумевается в виду под учителем? Учитель – это тот, кто передает информацию. Учитель географии дает нам факты и цифры о Земле, учитель психологии дает факты и цифры о человеческом уме. Точно так же, учитель религии может рассказывать нам общую историю всех различных религий мира или же теологию или систему вероучения отдельной религии. Но гуру как таковой не учит религии. На самом деле, вообще не обязательно, чтобы он или она чему-то учили.

Люди могут задавать вопросы, и гуру может отвечать на эти вопросы – делает ли он это или нет, зависит от него. Но он не обязательно должен быть заинтересован в том, чтобы учить. Если никто не задает ему вопросов, он, вероятно, не будет затруднять себя разговорами.

Сам Будда показал это вполне очевидно. Как отмечается в нескольких местах Палийского канона, он утверждал, что у него нет *диттхи* – нет воззрения, нет философии, нет системы мышления.

«Есть множество других учителей, – говорит он, – у которых есть система мыслей, и они ее излагают, или философия, и они ей обучают, но у меня нет. У меня нет воззрения, чтобы передать его вам. Татхагата (Будда) свободен от воззрений, свободен от доктрин, свободен от философии»⁷⁶.

Помимо Палийского канона, в дальнейшем также упоминается, что Будда говорил, что у него нет Дхармы, которую он мог бы передать. Великая «Лотосовая сутра» описывает, как бесконечные Бодхисаттвы и ученики сидели перед Буддой и ждали, когда Будда начнет учить их Дхарме. Но Будда сказал им: «Мне нечему учить»⁷⁷. В другом прославленном тексте Махаяны, «Ланкаватара-сутре», Будда заходит так далеко, что утверждает, что никогда ничему не учил:

«Слышали ли вы мою речь или нет, истина в том, что с ночи моего Просветления и все это время, сорок пять лет, до самой ночи моей паринирваны, ночи моего ухода из мира, я не произнес ни единого слова»⁷⁸.

Значит, у Будды, высшего буддийского гуру, нет воззрения, нет учения, которое он мог бы передать. Он не учитель.

Еще одно, кем не является гуру, имеет отношение к одному из наиболее поразительных фактов, касающихся человеческой расы в целом, который заключается в том, что большинство ее членов вообще не растут. Конечно, люди развиваются физически и также интеллектуально, в том смысле, что они учатся, как все более понятно организовывать свои знания. Но они не растут духовно и даже эмоционально. Многие люди остаются эмоционально незрелыми, даже инфантильными. Они хотят зависеть от кого-то более сильного, чем они сами, кого-то, кто готов любить и защищать их абсолютно и безусловно. Они на самом деле не хотят отвечать за самих себя. Они хотят, чтобы какой-нибудь авторитетный человек или система принимали решения за них.

Когда человек мал, он зависит от родителей, но, когда он становится старше, ему обычно приходится искать им заменителей. Многие люди находят такой заменитель в романтических отношениях, и это одна из причин, почему так популярны и так сложны браки. Другие видят заменитель родителя в представлении о персонифицированном Боге.

Можно даже вслед за Фрейдом сказать, что Бог – это заменитель отца в космических масштабах. Верующий ожидает от Бога такой любви и защиты, какой ребенок ожидает от своих родителей. Знаменательно, что в христианстве к Богу обращаются как к «нашему Отцу».

Роль заменителя отца часто играет гуру – или, скорее, псевдо-гуру. Махатма Ганди, например, был великим индийским политиком, мыслителем, активистом и даже революционером, но довольно знаменательно, что как к религиозному деятелю большинство его учеников обращалось к нему со словами «Бапу», «Отец». Не то чтобы такой титул был необычен для Индии. Когда я жил там, я общался с довольно большим числом религиозных групп и их гуру, многие из которых любили, когда к ним обращались со словами «Дададжи», или «Дедушка». Казалось, их ученики с радостью выполняли их пожелания в этом отношении.

Это забавляло меня, и, когда я жил в Калимпонге, и у меня были свои ученики – большинство из них непальцы, а не индийцы – я из любопытства спросил их, как они называют меня. В то время мне было около тридцати, а им было чуть больше или меньше двадцати, поэтому, когда они сложили ладони и сказали с большим рвением: «О, сэр, вы нам как дедушка», – это меня очень удивило.

В Индии я также познакомился с несколькими гуру-женщинами, и к ним непременно обращались со словами «Матаджи», «Мать», или даже «Ма», что значит «мамочка»⁷⁹. Одна из этих гуру, средних лет в то время, когда я ее впервые встретил, была окружена юными последователями-мужчинами, большинство из которых, как я узнал позже, потеряли своих матерей. По вечерам они собирались в зале, сидели, уставившись на «мамочку» и пели хором слово «Ма» – только одно это слово, мамочка» – под аккомпанемент барабанов и тарелок. Каждый раз это продолжалось два-три часа: «Ма, ма, ма, ма...» Они верили, что то, что ни называли «маизмом» – совершенно новое направление в истории религии, и что почитание Матери – как бы то ни было, данной конкретной матери – будет будущей религией человечества. Я был совсем не удивлен, узнав, что среди ее учеников процветали борьба и ревность, как будто они оспаривало друг у друга место любимого, если не единственного, сына. Было также заметно, что они с пренебрежением относятся к другим группам. Точно так же, как дети говорят: «Мой папочка намного сильнее/богаче, чем твой» или «Наш дом больше вашего», – они утверждали, что по сравнению с их собственным гуру другие гуру ничтожны.

К счастью, я знал других гуру, которые знали, как поддерживать у своих учеников гораздо более здоровое состояние – особенно некоторых тибетских гуру. История о трех великих ламах, которых я знал лично в Калимпонге, служит этому примером. Все трое были важными ламами глубокой и подлинной духовной традиции, и у каждого было множество учеников. Хотя все они главным образом принадлежали к традиции «красношапочников», их характеры были совершенно разными. Один носил овечью шкуру, покрашенную в красный цвет, и всегда был в движении, так что его трудно было застать. Другой жил с женой и сыном и давал посвящения тысячам людей – как говорили, особенно могущественные посвящения. Третий был ученым и главой важного монастыря.

Эту историю мне рассказал один из их учеников – у них было много общих учеников. Однажды между учениками возник спор относительно того, кто из трех гуру – самый великий. В конце концов, один из смельчаков набрался храбрости и подошел к гуру. Он сказал:

«Мы долго спорили по поводу того, как вы сами расположите себя по отношению друг к другу. Мы все относимся к вам троим с величайшим почтением, но мы были бы благодарны, если бы вы прояснили нам этот вопрос. Кто из вас величайший? Кто продвинулся дальше всех? Кто ближе всего к нирване?»

Гуру улыбнулся и сказал: «Хорошо, я скажу тебе. Правда, что среди нас троих есть тот, кто гораздо более развит, чем два остальных. Но никто из вас никогда не узнает, кто это».

Настоящий гуру не играет роли отцовской фигуры. Это не означает, что людям не нужны заменители отца, по крайней мере, на какое-то время. Такая проекция может быть необходимой для их психологического развития. Можно также предположить, что функция гуру аналогична функции настоящего отца: гуру выполняет ту же функцию на духовном уровне, которую настоящий отец выполняет на обычном человеческом уровне. Но гуру – это не заменитель отца там, где отца не хватало или он все еще требуется.

Нельзя принимать гуру и за того, кто решает проблемы. Это приводит нас к различию, которое я провожу между проблемой и трудностью. Разница в том, что трудность можно преодолеть или разрешить, приложив усилия, в то время как проблему нельзя. Если вы прикладываете много усилий к тому, что я называю проблемой, она становится еще более проблемной. Это подобно тому, как если бы обнаружили узел на куске веревки и тянули за оба конца, чтобы

развязать его. Можно тянуть как угодно сильно, но вы добьетесь только того, что больше затянете узел. Подлинный гуру может помочь людям преодолеть их трудности, но не будет и пытаться бороться с их проблемами.

Есть два основных вида проблем: проблемы с вероучением и личные, обычно психологические, проблемы. Проблемы западных людей – чаще всего второго типа, в то время как на Востоке проблемы часто касаются вероучения – люди хотят разрешить технические вопросы, связанные с нирваной, скандхами, самскарами и так далее. Однако даже такие проблемы, связанные с вероучением, очень часто психологически мотивированы или, по крайней мере, психологически ориентированы. Человек задает даже самые абстрактные теоретические вопросы, в конечном счете, по личным психологическим причинам, хотя обычно и не осознает этого.

Если у вас есть проблема, она воплощает внутренне противоречивую ситуацию: ее нельзя решить как таковую. Но если вы приходите с ней к своему гуру, вы на самом деле просите его или ее решить проблему как таковую. Например, приходит женщина в великом горе, такая расстроенная, что едва может говорить. Мало-помалу она рассказывает своему гуру, что просто не может жить больше со своим мужем. Она устала. Если ей и дальше придется с этим мириться, она сойдет с ума. Она должна покинуть его. Но проблема в том, что, если она бросит мужа, ей придется бросить и детей, потому что их нельзя забрать у отца, а покинуть детей также невозможно, как и продолжать жить с мужем. Она сойдет с ума, если ей придется остаться с мужем, но также сойдет с ума, если ей придется покинуть детей. «Что мне делать?» – с надеждой спрашивает она у гуру.

Затем приходит кто-то еще и жалуется на недостаток энергии. «Я постоянно устаю, – говорит он. – Я чувствую себя измученным все время, постоянно чувствую упадок сил, я совершенно разбит. Я не могу ничего сделать. Меня больше ничего не интересует: я просто лежу весь день, как хромая, мокрая развалина. Я могу немного посмотреть телевизор или послушать радио, и все. Я чувствую себя в буквальном смысле изможденным все время. Я знаю, что только одно может мне помочь: медитация. Я могу обрести энергию посредством медитации – я в этом убежден». И гуру говорит: «Тогда почему ты не медитируешь?» И несчастный ученик отвечает устало: «У меня нет на это сил».

Но если гуру приходится отослать такого человека, оставив его

проблему нерешенной, появятся и новые проблемы, ждущие своего часа. Еще один пример – приходит человек и говорит, что просто хочет быть счастливым. Это все, чего он просит от жизни. И он чувствует, что был бы совершенно счастлив, если только кто-нибудь назвал бы ему удовлетворительную причину для того, чтобы быть счастливым. Он перепробовал все доводы, предлагаемые религиями, философиями и друзьями, но ни один из них не показался ему действительно убедительным. Может ли гуру предложить что-нибудь получше? Если у кого-то и есть ответ, то точно у гуру. Несомненно, гуру даст ответы на большие проблемы. Конечно, гуру хорошо знает, что каждый довод, который он может привести, будет отвергнут как неудовлетворительный. Но, тем не менее, человек требует довода.

Если спросить любого из этих людей, чего они действительно ищут, все они ответили бы, что хотят найти решение своей проблемы. Именно поэтому они пришли к гуру. Они твердо верят, что он может решить их проблемы, если только пожелает. Но на самом деле все совсем не так. На самом деле все, чего хотят эти люди, – поражения гуру. Они преподносят свою проблему в таком виде, что гуру не может решить ее без их разрешения или сотрудничества – а соглашаться на это у них намерения нет.

Иногда такие люди очень хитры. Особенно на Востоке они часто подходят к гуру, выказывая ему великое почтение и смирение, приносят подарки, делают подношения, кланяются и провозглашают, что нерушимо верят в гуру. Они говорят: «Я приходил с этой проблемой ко многим гуру, к самым известным учителям и мастерам, и ни один из них не смог решить ее. Но я так много слышал о вас, и я уверен, что вы тот человек, который это сможет».

Только тот гуру, которому недостает опыта, или тот, кто не является подлинным гуру, примет это за чистую монету. Подлинный гуру сразу увидит, что происходит, и откажется играть роль того, кто разрешает проблемы, даже если, а это весьма вероятно, человек с проблемой уйдет восвояси недовольным и начнет говорить, что этот гуру не может быть подлинным гуру, потому что у него нет практического сострадания, чтобы работать с проблемами учеников. Некоторые гуру пользуются довольно сомнительной репутацией, потому что отказываются играть в подобные игры.

Итак, гуру – не глава религиозной группы, не учитель, не заместитель отца и не тот человек, который решает любые проблемы. Это не означает, что время от времени он не может действовать в таких

функциях, как и во многих других. Гуру, например, может играть роль врача, психотерапевта, художника, поэта, музыканта или даже просто друга. Но он не станет отождествлять себя ни с одной из этих ролей.

Гуру может быть главой религиозной группы, хотя это случается редко, потому что качества, которые делают человека гуру, – это не те качества, которые способствуют продвижению внутри церковной системы. Гораздо более часто, особенно в буддийской сангхе, гуру может быть учителем – то есть может действовать внешне как учитель. Гуру может даже действовать как временный заместитель отца или тот, кто решает проблемы, но здесь важно подчеркнуть слово «временный». Как только будет возможно, он откажется от этой роли и будет действовать как гуру.

Но если гуру – ни одна из этих ролей, тогда кто такой гуру? Кто-то сказал, что есть много способов поступать дурно и лишь один способ поступать хорошо (что в глазах некоторых людей делает добро довольно скучным). Можно также сказать, что есть много неправильных мнений относительно гуру и лишь одно верное. Поэтому можно сказать многое о том, кем не является гуру, но сравнительно мало – о том, кем он или она определенно являются. Конечно, это не означает, что это менее важно. На самом деле, с духовной точки зрения, чем важнее вещь, тем меньше можно о ней сказать.

Возможно, прежде всего гуру – это тот, кто находится на более высоком уровне существования и сознания, чем мы сами, кто достиг более высокой степени эволюции, более развит, одним словом, более осознан. Помимо того, гуру – это некто, с кем мы находимся в постоянном контакте. Этот контакт может происходить на разных уровнях. Это может происходить на высоком духовном плане – то есть телепатически, как прямой контакт между умами. Это может быть контакт гуру и ученика во снах или во время медитации. Но для обычного ученика это обычно происходит на физическом уровне – то есть, на обычном социальном уровне, обычным способом. Относительно неразвитому ученику может потребоваться постоянный и частый физический контакт с гуру. Согласно восточной традиции, в идеале это общение должно быть ежедневным, гуру и ученик могут даже жить под одной крышей.

Контакт между гуру и учеником должен быть «экзистенциальным» – то есть между ними должно быть реальное общение, а не просто обмен мыслями, идеями, ощущениями или переживаниями, даже

духовными переживаниями, но сущностное общение, даже, если хотите, сущностное действие и взаимодействие. Гуру и ученику нужно быть подлинными, насколько это возможно, по отношению друг к другу. Задача гуру – не в том, чтобы чему-то научить ученика, а в том, чтобы просто быть собой в отношении к ученику. А задача вас как ученика – не в том, чтобы учиться. Вы просто должны открыть свою суть – открыться до самой глубины – перед гуру и в то же время быть собой по отношению к нему.

Духовное общение, подобно объединению, может быть двух видов – «горизонтальное» и «вертикальное». Горизонтальное общение имеет место между двумя людьми, которые находятся примерно на одном уровне существования и сознания. Поскольку состояния ума меняются день ото дня, иногда один человек находится в лучшем состоянии ума, чем другой, а на следующий день все может быть наоборот. Вертикальное общение, напротив, имеет место между людьми, один из которых находится на значительно более высоком уровне, чем другой, даже если принимать в расчет эти взлеты и падения. Именно такое вертикальное общение имеет место между гуру и учеником.

В любом общении, будь оно горизонтальным или вертикальным, происходят глубинные внутренние изменения. В случае с горизонтальным общением в процессе общения корректируется все, что было одностороннего или несбалансированного в природе человека. Люди, которые действительно общаются, постепенно становятся похожи друг на друга даже внешне, они одинаково реагируют на вещи, у них становится все больше общего. В то же самое время, как бы парадоксально это не звучало, они становятся более подлинными, близкими к самим себе.

Предположим, например, что очень рассудительный человек вовлекается в подлинное общение с очень эмоциональным человеком. Если они поддерживают это общение довольно долго, эмоциональный человек становится более рассудительным, а рассудительный – более эмоциональным, поскольку каждый из них притирается к другому. В то же самое время, если вы рассудительны (как в этом примере), эмоциональность не просто добавляется в вас извне. Общаясь с эмоциональным человеком, вы обретаёте способность развить свою собственную неразвитую эмоциональность, которая, так сказать, присутствовала в глубине вас все это время. Качество, которое в вас развивается, уже присутствовало, но не проявлялось. Общение просто позволило вам стать собой в большей мере, стать более целостным,

более полным. То же самое, несомненно, происходит, если в этой паре вы тот, кто эмоционален.

Вертикальное общение строится по-другому. Ученик растет в направлении, заданном высшим уровнем бытия и сознания гуру, но гуру не становится соответственно похожим на ученика. Принцип взаимного сущностного изменения не означает, что гуру соскальзывает в своем развитии в результате этого общения с тем, кто менее развит. Он не встречает ученика, так сказать, на полпути. Находясь в центре напряженного общения с гуру, ученик в каком-то смысле вынужден развиваться. У него нет выбора, если только он не разорвет эти отношения совсем, а подлинный ученик не может сделать и этого. Говорится, что подлинный ученик подобен щенку бульдога. Когда ему суют полотенце, щенок хватается его и не отпускает: даже если его поднимут над землей, его клыки все еще будут держать полотенце. Подлинный ученик обладает подобной цепкостью.

В результате такого вертикального общения с учеником гуру также вырастает духовно. Единственный гуру, с которым этого не происходит, – Будда, полностью и совершенно просветленный, но даже среди гуру будды чрезвычайно редки. Иногда в тантрических кругах говорят, что ученики необходимы для дальнейшего развития гуру, что ничто не может так помочь гуру, как по-настоящему хороший ученик – не послушный, прилежный ученик, а тот, кто действительно участвует в общении, кто действительно пытается расти. Хороший ученик может доставлять гуру много беспокойства, иногда больше, чем все остальные ученики, взятые вместе. Иногда также случается, что ученик превосходит гуру, и происходит смена ролей. Эта ситуация несет в себе меньше проблем, чем может показаться извне, потому что эти отношения основаны не на авторитете или власти, но на любви и дружбе.

Так нужен ли гуру? Что ж, расти духовно без гуру чрезвычайно сложно. Обобщая, можно сказать, что у большинства людей духовного роста не происходит без присутствия, по крайней мере, двух факторов: опыта страдания и контакта с более развитым человеком или людьми. Почему? Потому что личные отношения и реальное общение необходимы для человеческого развития. Нам нужно не только реальное общение, которое включает вертикальный элемент. Общаясь со своими друзьями, мы развиваемся горизонтально – становимся более целостными, более подлинными. Но большинству людей, по-видимому, необходимо общение с гуру,

чтобы суметь подняться на более высокий уровень существования и сознания. Как ребенок становится взрослым главным образом в результате общения со своими родителями, так и регулярный контакт с хотя бы одним человеком, более развитым, чем мы, необходим для нашего духовного развития. Не то чтобы продвижение без контакта с таким человеком абсолютно невозможно, но такой контакт, несомненно, ускоряет и углубляет процесс в целом.

Но если гуру необходим, как его выбрать? Как узнать, развит ли человек больше, чем вы? Очевидно, что в этом случае важно не допустить ошибки. Проблема действительно очень сложна, потому что очень трудно узнать, на самом ли деле человек более развит, чем ты, – вероятно, это вообще невозможно без длительного общения. Некоторые гуру на Востоке не только говорят, что ученик не может выбрать гуру, но и что считать себя способным на это или знать, что кто-то более развит, чем он сам, – довольно дерзко для ученика. Они говорят, что на самом деле гуру выбирает ученика. Вы можете считать, что выбрали гуру, но на самом деле единственный выбор, который вы способны сделать, – это выбор религиозной группы (с гуру во главе) или религиозного учителя, или заменителя отца и того, кто решит ваши проблемы. Вы не выбираете гуру, как такового, потому что вы не способны увидеть, кто обладает большими духовными достижениями.

Что же вы можете сделать, как будущий ученик? Все, что вы можете сделать, – как можно дальше продвинуться самостоятельно, чтобы вы распознали духовное сообщество (в отличие от религиозной группы) и вступили с ним в контакт. Затем вы должны надеяться, что какой-нибудь член этого сообщества отнесется к вам по-дружески или отправит к кому-то еще, кто может это сделать. В любом случае, вы должны всегда быть готовы и восприимчивы к появлению гуру.

Иногда гуру просто хватает вас за шкуру, так сказать. Может, вы и не задумывались о духовной жизни, совсем не интересовались религией, у вас не было проблем, вы были и так вполне счастливы, но гуру видит ваш потенциал и хватает вас, несмотря ни на что – делает вас учеником, не обращая внимания на ваши протесты.

Есть известная история о том, как сам Будда нашел ученика таким безапелляционным способом. Объектом воздействия, так сказать, был его собственный кузен, молодой человек по имени Нанда, которому дали прозвище Сундарананда или «Красавец Нанда»⁸⁰. Это случилось, когда Нанда женился на очень красивой девушке, и Будду,

по всей видимости, пригласили на свадебный пир. Будда протянул свою чашу для подаяний, и его обслужили вместе с остальными, а затем, после пира, он собрался идти назад в лесную чашу. Позвав Нанду, он сказал: «Нанда, согласишься ли ты немного понести за меня мою чашу?» И, поскольку Нанде было очень приятно, что его прославленный родственник почтил его особым вниманием, он последовал за Буддой, неся его чашу.

В то время как Будда спокойно шел вперед, Нанда шел за ним менее спокойно, потому что то и дело оглядывался на махавшую ему рукой новобрачную, зачарованный длинными сияющими прядями ее волос. Через несколько сотен метров он понял, что все глубже и глубже заходит в лес. Он почувствовал легкое беспокойство, поскольку слышал разные странные истории о своем кузене. Пройдя по лесу около мили, он на самом деле начал беспокоиться, но он слишком благоговел перед Буддой, чтобы произнести хоть слово, поэтому просто брел за ним, все еще сжимая в руках чашу для подаяний. Милю за милей они проходили так, пока, наконец, не вышли на поляну, где увидели выстроенные по кругу хижины, в которых обитала группа последователей Будды.

Не тратя времени на предисловия, Будда забрал чашу для подаяний у кузена — тот к тому времени весь дрожал от страха и замешательства — и повелел другим монахам даровать ему посвящение. Они схватили Нанду, силой поставили его на колени, побрили ему голову и сорвали с него его белые одежды, выдав ему взамен желтое одеяние. В конце концов, ему дали наставления в правилах монашеской общины и научили, как медитировать, а затем оставили его сидеть и осознавать случившееся под деревом.

Однако история закончилась благополучно для Нанды, поскольку после всех последующих испытаний он однажды стал Архатом, Просветленным. Значит, гуру может себе позволить, если знает, что делает, буквально похитить кого-то — это радикальный пример основного принципа, который заключается в том, что именно гуру выбирает ученика, а не наоборот.

В некотором смысле, гуру нельзя переоценить. Ничто не может быть более ценным, чем человек, который помогает вам развиваться духовно. И все же, справедливо говорят, что на Востоке роль гуру часто в некотором смысле переоценивается, в то время как на Западе она обычно недооценивается. На Востоке может случиться так, что гуру придается ложная и преувеличенная ценность. Люди в Индии

иногда говорят, что гуру – это Бог. Это утверждение – не просто фигура речи, они понимают его вполне буквально. Если вы сидите перед учителем, вы не просто смотрите на человеческое существо, сидя на подушке на полу. Вы сидите перед Богом – на самом деле, перед всеми богами, собранными в одном, всемогущем и всезнающем. Он может выглядеть как обычное человеческое существо, но он знает все, что происходит в целой вселенной, включая все, что происходит в вашем уме. Он может читать ваши мысли как открытую книгу. Если у вас проблема, вам не придется о ней рассказывать – он уже все знает. Он может сделать все, что захочет. Он может благословить нас, наделить вас богатством, продвижением по службе, славой, детьми, и все это – лишь одним словом благословения. Он может даровать вам Просветление, если пожелает. Все в его в руках – все «в милости гуру», как они говорят.

Все, что должен предложить гуру ученик – свою веру, веру в то, что гуру – Бог. Если только у ученика достаточно такой веры, гуру может сотворить с ним чудеса. Следовательно, такой вере уделяется наиважнейшее значение. Конечно, иногда возникают небольшие трудности. Иногда выясняется, что гуру не знает чего-то или забывает что-то, что вы ему сказали, и вас может это расстроить. Но настоящий ученик совсем не беспокоится по этому поводу, поскольку знает, что эти видимые человеческие ограничения и недостатки – испытания веры. Гуру только притворяется, что ошибается, чтобы проверить, по-прежнему ли крепка и устойчива ваша вера, точно так же, как гончар стучит по горшку после обжига, чтобы проверить, не треснул ли он.

Неудивительно, что с годами ученик все больше сживается с воображаемым миром, в котором все, что происходит, случается по «милости» гуру и по его воле. Если гуру недостаточно осторожен, он тоже может погрузиться в этот мир фантазий, особенно если это ненастоящий гуру. В конце концов, не так уж легко избежать этого мира фантазий, когда ты сам – в его центре. Если кто-то приходит и говорит тебе, что его ребенок был болен и теперь поправился силой твоего благословения, вероятно, вам не захочется оспаривать подобное толкование, даже если вы и секунды не вспоминали об этом ребенке.

Проблема с точки зрения гуру заключается в том, что рано или поздно некоторым из его самых восприимчивых учеников придет в голову, что на самом деле он не Бог. Хотя он, возможно, и обладает глубоким уровнем проникновения и духовного опыта, у него все же есть вполне человеческие ограничения. Увидев это, ученики, скорее всего, придут

к выводу, что он не настоящий гуру, не тот, кто *является* Богом. Если так случится, подобное будет повторяться снова и снова. Они начнут замечать малейшие расхождения, лишатся иллюзий и увидят, что гуру, в конце концов, тоже – «всего лишь» человеческое существо. И все завертится по кругу.

До некоторой степени это происходит и среди буддистов. Мой тибетский друг, лама и гуру, живущий в Калимпонге, вспоминал, что, когда он впервые приехал туда, местные буддисты-непальцы толпами собирались, чтобы увидеть его, приносили ему чудесные подношения и жадно желали получить от него посвящение. Но спустя несколько лет он им немного надоел. Они продолжали приходить и выражать ему свое почтение, но его удивило, что они больше не приносили ему таких роскошных подношений, как прежде. Затем появился новый лама (друг первого), и все бросили моего друга ради того, чтобы получить новые посвящения от нового ламы – к удивлению обоих. Со временем, когда китайские коммунисты захватили власть в Тибете, в город начали прибывать все новые и новые ламы, что ошеломило местную общественность. Как только они обнаруживали чрезвычайно могущественного гуру и бросались делать ему подношения, прибывал другой, который – согласно некоторым сведениям – оказывался еще более влиятельным и прославленным. В конце концов, им пришлось метаться между примерно двадцатью гуру, выискивая «настоящего».

Несомненно, в этом смысле роль гуру на Востоке переоценивается, поскольку к нему относятся как к идеализированной отцовской фигуре – всезнающей, всемогущей, бесконечно любящей и терпеливой. В таких условиях ученик стремится относиться к гуру с инфантильной зависимостью. Гуру обычно очень популярны в Индии, но от них требуют лишь одного: они должны всегда быть добрыми и любящими, говорить мягко и обладать благородными манерами. Чему они учат и как они живут, – по сравнению с этим вопрос, не имеющий отношения к делу.

На Западе мы обычно вдаемся в противоположную крайность. Мы, вместо того, чтобы переоценивать роль гуру, вряд ли вообще имеем представление о том, кто это такой. Без сомнения, это главным образом происходит из-за влияния христианства. С одной стороны, вы верите в Бога со всеми его различными качествами, а с другой стороны – вы подчиняетесь главе определенной религиозной группы, к которой вы принадлежите, вашему церковному патриарху. Но для гуру в подлинном смысле этого слова не остается места.

Гуру, которые на самом деле появляются, – их иногда называют святыми – обычно подчинены правилам церковных властей. В средневековье даже великим святым иногда приходилось подчиняться плохому папе. Возможно, это не наносило большого вреда святому, но это было плохо для папы и для церкви в целом. Однако не нужно воображать, что христианская традиция – единственная, которую знал Запад. Не стоит принимать и допущения, что представление о гуру в восточном понимании этого слова чуждо западной ментальности. Свои гуру, несомненно, были в Древней Греции и Риме – например, Платон, который создал свою школу или академию, Пифагор, которые основывал духовные общины, Аполлоний Тианский и, возможно, прежде всего, Плотин.

В жизнеописании Плотина, составленного Порфирием, и в особенности в описании его последних лет в Риме, мы можем узнать несомненные черты своего рода духовной общины, больше напоминающей индийский ашрам, чем те организации, которые мы можем считать характерными для поздней Римской империи⁸¹.

Подобные великие личности античности были гуру в подлинном смысле этого слова. И в последнее время, в пост-христианскую эпоху, есть знаки того, что гуру снова начинают цениться по достоинству на Западе, несмотря на наши демократические и эгалитарные предрассудки и современную веру в то, что нельзя считать одного человека лучше, чем другой. Даже в современных культурах, столь очевидно враждебных к возможности духовного развития, есть знаки того, что люди начинают ценить значение тех, кто достиг более высокого развития, чем средний человек.

Возможно, такие люди не оцениваются с точки зрения духовности, гораздо чаще их восхваляют как гениев или героев. Примечательное явление в США – личность гуру-ученого, который ездит из одного университетского городка в другой и собирает толпы студентов на свои лекции. Молодые люди, которые, возможно, совсем не интересуются гуру, начинают ощущать или даже вполне сознательно понимать, что немного можно получить через книги, что общепринятые ценности религии, политики и даже искусств мало что говорят им. Поэтому они ищут своего рода фигуру гуру. Они хотят, чтобы их учил тот, кто мудрее их самих, на кого они могут смотреть снизу вверх, кто прольет свет и даст им руководство на этом пути. Можно привести несколько очевидных примеров этого явления из шестидесятых – Букминстер Фуллер, Аллен Гинзберг, Тимоти Лири и Ричард Олперт, который пошел дальше и стал гуру во вполне

восточном смысле этого слова, под именем Баба Рам Дасс. Сегодня «гуру» – распространенная черта западной интеллектуальной жизни.

Будучи буддистами, мы должны следовать срединному пути. Мы должны, прежде всего, признать, что мы способны развиваться из нашего нынешнего состояния существования и сознания до более развитой степени самосознания и даже до осознания запредельного сознания, ведущего к тому, что, будучи не способны понять это, мы можем лишь назвать абсолютным сознанием. Для того, чтобы добиться этого, нам нужно также признать, что разные человеческие существа находятся на различных уровнях этого великого процесса духовного развития. Некоторые находят ниже, чем мы, а другие – выше, иногда намного выше. Нам нужно признать, что те, кто находятся выше на этой шкале эволюции человечества, могут помочь нам, а мы можем развиваться посредством общения с ними. Именно гуру в этом смысле мы должны признать высшими по отношению к нам. Гуру, которые нам не нужны, – это те, ценность которых мы нереалистично преувеличиваем, на которых мы проецируем наше желание обрести фигуру идеального отца. Большая ошибка – ожидать от гуру того, что мы можем получить, в конечном итоге, лишь от себя самих.

Будда не просил никого относиться к нему как к божеству или как к Богу. Он никогда не просил никого верить – и тем более абсолютно верить – в него. На самом деле, это очень важный аспект буддизма. Будда никогда не говорил: «Вы должны верить в меня и верить в то, что я говорю, если хотите спастись или реализовать свою собственную истинную природу». В буддийских писаниях снова и снова упоминается, что он говорил: «Пусть любой разумный человек придет ко мне, любой, кто хочет учиться, и я научу его Дхарме»⁸². Все, чего он просит, – чтобы мы были разумны и обладали открытым умом. По-видимому, он был вполне убежден, что может познакомить любого с духовной жизнью, делая упор не на абсолютную веру и преданность, а на чисто рациональные средства и опыт. Пользуясь лишь ими, он мог пробудить любого к истине о том, что путь Просветления – это самое достойное, чему мы можем посвятить себя как человеческие существа.

Глава 15. Верность

Калимпонг расположен у подножия Гималаев в штате Западная Бенгалия, на четырех тысячах футов над уровнем моря. Здесь я прожил большую часть времени, проведенного в Индии, на протяжении четырнадцати лет почти ежедневно имея возможность видеть снега Гималаев. Калимпонг был и, хотя и в меньшей степени, все еще остается вдали от избитых маршрутов. Тем не менее, за эти годы у меня было множество посетителей. Поначалу они приезжали из не слишком отдаленных мест – Дарджилинга, Калькутты и других частей Индии, но со временем ко мне регулярно стали навещаться посетители из Европы, Америки и Австралии.

Некоторые из этих посетителей, как из Индии, так и из-за границы, оставляли после себя сильное впечатление, но немногие – столь же сильное, как один старый панджаби, который приехал из города Вардха, расположенного в самом центре Индии. Он многие годы был буддийским монахом, но в Индии был больше известен как журналист-индиец. Он часто приезжал в Калимпонг, и, будучи в городе, непременно приходил ко мне с визитом.

У него была одна черта, которая отличала его от подавляющего большинства его сограждан. Большинство индийцев склонны избегать любых физических нагрузок, но он любил вечерние прогулки и неизменно придерживался этой части своего распорядка дня, когда бывал в Калимпонге. Помимо вечерних прогулок, он также любил поговорить, и лучше всего, если ему удавалось совместить эти два вида деятельности. Но, бродя по Калимпонгу в попытках найти компанию для своих вечерних прогулок, он нашел немного желающих среди своих друзей-индийцев, и именно поэтому, поняв, что я не против прогулок, прибил к мне. Он обычно подходил к моему дому около четырех-пяти часов вечера, и мы гуляли с ним по дорогам, петлявшим вокруг склона холма, час или два.

Со временем я стал ждать этих прогулок, поскольку он был интересным собеседником с неиссякаемым запасом анекдотов и мнений. Он совсем не был похож на смиренного монаха (для меня было тайной, почему он вообще стал бхиккху), но нужно только представить себе, как человек пятидесяти с небольшим лет, в желтом одеянии, с бритой головой, идет с тростью в руке и постоянно говорит.

От него я набирался информации об общественной жизни и политике Индии, о новых веяниях в индийском буддизме и буддийской

политике, о мире людей, которые говорят на хинди, и его литературе. Среди многочисленных увлекательных историй, рассказанных этим человеком, одна произвела на меня особенно сильное впечатление в то время. Она имеет отношение к тому, что случилось в Калькутте незадолго до его очередного визита в Калимпонг, и он заговорил о ней в первую нашу прогулку, когда эта история была еще свежа в его памяти.

Он услышал ее от человека, бывшего другом обоих задействованных в ней участников, которые учились в университете Калькутты. Центральная Калькутта – в некотором роде университетский город, в котором десятки тысяч молодых людей различного происхождения собраны вместе в качестве студентов. И, как иногда случается даже в приверженной традициям Индии, молодой человек и девушка, бенгалцы, занимавшиеся наукой, влюбились друг в друга. Они вместе ставили эксперименты в лаборатории, их глаза встретились над пробирками, и так уж случилось.

Но в Индии, как и в Вероне Шекспира, путь настоящей любви никогда не бывает гладким, потому что у настоящей любви нет официального разрешения. То, что иногда затейливо называют «свободной любовью», вряд ли вообще существует. В Индии браки заключаются не на небесах, они заключаются на земле родителями и прародителями, которые предусмотрительно выбирают человека, соответствующего вам по происхождению и, что самое важное, по касте, или, если быть точным, по данной разновидности касты. В случае с этой парой даже это основное требование не могло быть исполнено, поскольку им довелось родиться в разных кастах. Следовательно, не было и речи о том, чтобы их любовь закончилась браком. Нельзя было и представить себе, что станет возможным, чтобы родители согласились на этот брак, а без согласия родителей браки в Индии не заключают.

Что им было делать? Они чувствовали, что не смогут жить друг без друга, поэтому они договорились о самоубийстве. Они решили совершить самоубийство в одно и то же время, но по какой-то причине не могли сделать этого в одном и том же месте. В назначенный день, в назначенный час юноша выполнил свою часть договора и проглотил яд – но девушка не сделала ничего подобного. Печально, но на следующий день после самоубийства ее возлюбленного люди видели, как она смеялась и болтала с другими парнями, студентами колледжа.

Я никогда не испытывал ни к кому романтических чувств, но эта история отложилась в моем уме и отдавалась эхом, пока я не успокоился, превратив ее в рассказ, который я назвал «Преданность». Он вышел не слишком удачным, поэтому так и не был напечатан, но гораздо позже, уже в Англии, мне напомнили о том, что я услышал от своего друга на той прогулке вокруг Калимпонга, определенные ситуации в личных отношениях моих друзей – иногда людей, которых я посвящал, – которые отражали тему, если не драматическое завершение, той трагической цепи событий.

Именно эта история задает мне угол зрения, под которым я хочу рассмотреть третий из шести видов отношений, которые обсуждали Будда и Сигалака: отношения между мужем и женой. Согласно «Сигалака-сутте», один из пяти способов, которыми муж и жена должны «служить» друг другу – не быть неверными, и именно верность станет темой нашего обсуждения. Я не предлагаю основательного или даже систематического изучения этого вопроса – я лишь хочу собрать воедино несколько наблюдений. Помимо того, что я хочу высказать свое мнение о природе отношений между мужем и женой (или их современными эквивалентами), я хочу исследовать тему верности, поскольку – возвращаясь к нашей прежней теме – чем больше я об этом думал, тем больше приходил к выводу, что верность должна быть одним из качеств того, что я называю подлинной личностью, – то есть того, кто пытается стать подлинным человеческим существом.

Насколько я понимаю, все различные виды верности можно отнести к одной из трех основных групп: верность себе, верность идеалам, верность другим людям. Вероятно, можно выделить верность данному слову в четвертую группу, но, возможно, лучше всего считать ее аспектом верности себе, хотя очевидно, что она также подразумевает и верность другим. Верность себе можно также описать как подлинность по отношению к себе, как в знаменитом совете Полония своему сыну Лаэрту в «Гамлете» Шекспира:

*Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим⁸³.*

Быть верным себе – значит постоянно действовать, говорить и думать в соответствии с лучшим в себе. Это подразумевает объективное видение себя – не бесчувственность, а видение в том смысле, что мы видим ясно собственные настоящие интересы в высочайшем и

наиболее полном выражении и постоянно верны им.

Верность идеалам не так просто объяснить. На самом деле, чтобы понять, что действительно имеется в виду, мы должны выяснить разницу между идеалом и идеей. Идеал можно определить как регулирующую модель человеческого существования. Но – и это важный момент – эта модель не навязывается человеческому существованию извне. Она берет начало в самом существовании человека. И идеал привносит основную тенденцию, подлинную природу этого существования, более ясно в сознание и таким образом укрепляет или даже возвышает эту основную тенденцию. Следовательно, идеалы – это инструменты человеческого развития.

Идеалы – или, скорее, человеческие существа, придерживающиеся этих идеалов, – могут, конечно, утратить связь с конкретной ситуацией, стать далекими от человеческого опыта. И, когда это происходит, идеалы перестают действовать как идеалы. Они становятся мертвыми идеалами, и, следовательно, на самом деле вообще перестают ими быть. Мертвые идеалы – это просто идеи, и именно поэтому против них нужно восстать и отвергнуть их.

Поэтому верность идеалам подразумевает, что мы постоянно действуем, говорим и думаем в соответствии с регулирующими моделями человеческого существования, остаемся верными основной тенденции или подлинной природе этого существования, особенно тому, как эта тенденция отражается, укрепляется и усиливается в сознании или осознанности. Верность идеалам со временем становится практически неотделимой от верности себе. Это, можно сказать, объективное дополнение верности себе.

Верность другим людям, возможно, более доступна для понимания, по крайней мере, поверхностного. В феодальном обществе, как мы отметили, есть верность слуги своему господину. В семейной жизни есть верность мужа и жены друг другу, а слуги – хозяину. А в более широкой сфере социальной жизни есть верность между друзьями. Верность другим людям означает, что мы постоянно ведем себя, говорим и думаем в соответствии с тем, как мы определяем себя в отношении к этим людям. Это значит, что мы ведем себя соответственно той ответственности, которую мы приняли по отношению к ним.

Следовательно, верность – это следствие сознательного усилия. Можно говорить о хорошей матери или хорошем рабе, но нельзя говорить о верной матери или верном рабе, потому что отношения

матери к ребенку и раба к господину – не из тех, в которые вступают по желанию. Они навязаны – в одном случае природой, в другом – обществом.

Но что делает верность частью личности или, на самом деле, частью самого способа, с помощью которого мы должны определять подлинную личность? Мы видели, что первое и самое фундаментальное качество, сущность личности – это самосознание или рефлексивное сознание, способность объективно видеть себя. Быть осознанным по отношению к себе – значит видеть себя таким, каким тебя видят другие – не в том значении, которое придавал Роберт Бернс, возможно, но в том смысле, что мы видим себя так же, как другие видят нас, как объект осознанности. Мы можем стать объектом нашей собственной мысли.

Мысль не ограничена, подобно телу, временем или пространством. Посредством мышления мы можем абстрагироваться от условий, в которых мы существуем в данный момент. В частности, мы можем сформировать представление о себе как о том, что существовало в прошлом и чье существо перейдет в будущее. Следовательно, самосознание подразумевает определенную степень отделения от прошлого, своего рода отстраненность от него. Именно потому, что мы обладаем самосознанием, мы можем переносить наше представление о себе на будущее, и именно потому, что мы на это способны, мы можем сказать в настоящем, что мы сделаем что-то в будущем. Другими словами, именно благодаря тому, что у нас есть самосознание, мы можем давать обещания.

Когда мы говорим, что верность предполагает постоянство – мы постоянно ведем себя определенным образом – это подразумевает протяженность во времени. Постоянство означает, что мы ведем себя одинаково на протяжении определенного времени. На самом деле, это означает еще большее. Это означает, что мы сознательно и намеренно ведем себя одинаково на протяжении определенного времени. И, чтобы суметь сделать это, нам необходима осознанность по отношению к себе, мы должны быть личностями.

Если наша осознанность по отношению к себе слаба, мы не сможем сдерживать обещание. Мы можем сказать соответствующие слова, поскольку от нас этого ожидают, но они не будут обладать значимостью обещания, если мы не способны сдерживать это обещание. В действительности, мы не держим слово, потому что мы, прежде всего, никогда его не давали.

Именно недостаток осознанности по отношению к себе, недостаток личного начала мешает нам быть верными. Это относится к нашей способности быть верными нам самим и нашим идеалам, но здесь я буду обсуждать этот недостаток в контексте верности другим людям – на самом деле, в контексте верности другому человеку. И, безусловно, та форма верности другому человеку, с которой мы знакомы ближе всего и в которой у нас обычно больше всего опыта, – это сексуальная верность.

Все мы знаем, что имеется в виду под сексуальной верностью, по крайней мере, на поверхностном уровне. Это означает, что мы сводим нашу сексуальную активность к одному человеку. Большинство из нас согласится, что противоположность верности – беспорядочные половые связи. Есть, несомненно, разные степени промискуитета, и большинство людей считают, что точная его степень определяется числом сексуальных партнеров, которые есть у человека (обычно в различные периоды его жизни). Но, если давать точное определение, беспорядочность связей заключается не в многочисленности сексуальных отношений человека, а в их кратковременности. Сущность промискуитета в том, что человек не вступает два раза подряд в отношения с одним и тем же человеком. Человек, которого можно назвать абсолютно неразборчивым в связях, – это, следовательно, человек, который на протяжении сколь угодно долгого периода никогда не вступал в сексуальные отношения с одним и тем же партнером больше одного раза.

Что касается сексуальности, есть три возможных образа жизни: моногамия (или полигамия, там, где существует такая форма), беспорядочные половые связи и целибат. Степень одобрения, с которой «группа» относится к тому, как люди выражают свою сексуальность, основывается в большей или меньшей степени на том, какой образ жизни они выбирают. (Группа может также относиться с различной степенью осуждения к тому, что она считает извращенными проявлениями сексуальности). Но, что касается развития личности, есть только две формы образа жизни в сфере секса – невротическая форма и не-невротическая или психологически здоровая форма. Тот, кто пытается быть личностью, может вести один из этих стилей жизни, в том случае, если следует ему в не-невротической форме.

Но как это соотносится с представлением о том, что верность – это качество подлинной личности? Может показаться, что здесь есть определенное противоречие. Так мы утверждаем, что может быть

нравственным для личности вести сексуально распущенную жизнь, или нет? Это затруднение скорее кажущееся, чем реальное. Суть вопроса заключается в том, что почти невозможно, чтобы все отношения в жизни человека длились долго. Однако некоторые из них должны длиться, иначе мы вряд ли можем вообще считать, что осознанны по отношению к себе. В той степени, в которой человек ограничивает длительность своих отношений, в такой степени он и не будет продолжать развиваться как личность. Непродолжительные сексуальные отношения не должны быть проблемой, если в нашей жизни есть несексуальные отношения, которые занимают в ней ключевое место и длительны – то есть те, по отношению к которым мы практикуем верность. В то же самое время, если наши непродолжительные сексуальные отношения более важны для нас, чем продолжительные отношения, не связанные с сексом, мы, несомненно, в большом затруднении.

Но – возвращаясь к нашей основной теме – как человек хранит верность другому человеку? Есть два врага такой верности: «ближний враг», привязанность, и «дальний враг», отвлечение⁸⁴. Отвлечение можно описать как нечто, что силой привлекает наше внимание, когда мы на самом деле не хотим уделять этому внимание. Конечно, мы отвлекаемся почти каждый раз, когда пытаемся медитировать. Возможно, мы сосредотачиваемся на процессе собственного дыхания, но шум транспорта на улице мешает нам, и кажется, что мы просто ничего не можем поделать с тем, что слушаем его. Иногда то, что силой привлекает наше внимание, – это нечто, чему в другое время мы были бы очень рады уделить внимание. Это может быть что-то, что мы очень любим или даже что-то, чем мы очень увлечены, что пробуждает в нас самые основные интересы и желания. Вряд ли мне нужно перечислять, что это могут быть за вещи. Тогда становится очень трудно противостоять этому отвлечению.

В медитации отвлечения, возникающие перед нами, приходят в форме воспоминаний и фантазий, но в повседневной жизни мы сталкиваемся с отвлекающими объектами, наличие которых слишком буквально и очевидно. Именно это особенно затрудняет нашу практику верности. Отвлекающий объект – или, обычно, человек – находится перед нами, в то время как человек, которому мы намереваемся быть верными, возможно, отсутствует. Конечно, впечатление, производимое тем, кто присутствует, очень ярко, по сравнению с впечатлением, производимым тем, кто отсутствует (при прочих равных условиях). Следовательно, человек, который присутствует рядом с нами, может

заставить нас забыть – по крайней мере, на текущее время – об отсутствующем человеке или даже заставить вести себя так, как если бы он вообще не существовал. Непрерывность наших отношений с тем, другим, человеком разрывается, и в этом заключается суть неверности. Текущие впечатления победили наше чувство длительности в отношении к тому, другому, человеку на протяжении прошлого, настоящего и будущего.

Обычно мы говорим, что человек, который слишком легко поддается текущим впечатлениям, слабохарактерен. Он очень недолго способен следовать своей цели и, столь легко отвлекаясь, не обладает и развитой личностью. Такой человек не может практиковать верность. Конечно, в реальности ситуация не всегда столь ясна и абстракта, хотя сжато ее и можно описать так. Мы говорим о некоторых из самых тяжелых аспектов человеческой жизни, и не стоит забывать о человеческой испорченности.

Ближний враг верности – это привязанность. Она называется близким врагом, потому что верность и привязанность выглядят очень похоже, по крайней мере, для поверхностного наблюдателя. Но там, где присутствует невротическая степень привязанности по отношению к другому человеку, не может быть верности, потому что в этой привязанности нет осознанности по отношению к себе и, следовательно, подлинной личности. Привязанность к кому-то в настоящем исключает осознание прошлого или будущего и просто продлевается бесконечно. Человек не переживает подобные отношения как устойчивые во времени. Следовательно, он не способен на верность.

Но как узнать, способен ли ты быть верным? Как проверяется верность? Проверка – ситуация или опыт, в которых раскрывается подлинная природа вещи, обнаруживается, подлинный ли это предмет или просто подделка. Так, огонь выявляет, действительно ли определенный желтый металл – золото, или это просто нечто похожее на него.

Наша верность другому человеку, безусловно, проверяется физической разлукой. Когда мы разлучаемся с кем-то, наши отношения переводятся, по крайней мере, на текущее время, с физического на ментальный план. Их непрерывность становится исключительно ментальной (если понимать слово «ментальный» как включающий эмоциональный аспект души). Гораздо сложнее жить на ментальном плане, чем на физическом плане, потому что чувственное

сознание гораздо сильнее, чем самосознание. Соответственно, когда в результате расставания нашим отношениям приходится существовать на ментальном плане, эти отношения с легкостью могут быть прерваны отношениями с кем-нибудь еще на физическом плане. Другими словами, очень легко нарушить верность. Верность возможна только в такой мере, в которой мы можем представлять себе, как наши отношения с человеком, с которым мы разлучены, продолжатся в будущем. Эта способность проецировать себя в будущее, в свою очередь, возможна только в той мере, в какой мы обладаем осознанностью.

Следовательно, разлука – это также проверка осознанности по отношению к себе. На самом деле, именно потому, что она проверяет осознанность, она проверяет и верность. Разлука обнаруживает уровень, на котором наши отношения с другим человеком на самом деле существуют – являются ли они преимущественно физическими или одновременно физическими и ментальными, – и верность возможна только в той мере, в которой отношения являются ментальными (и эмоциональными). Физическую разлуку, следовательно, можно воспринимать как возможность развития и укрепления нефизической стороны отношений, равно как и осознанности по отношению к себе. Это, в свою очередь, будет укреплять вашу личность в подлинном смысле этого слова.

Крайняя форма разлуки – это, конечно, смерть, и, следовательно, смерть – последняя проверка верности, как это было в случае с теми студентами-бенгальцами. Можно даже сказать, что верность включает осознание смерти, что на самом деле подразумевает и осознанность по отношению к себе. Если вы можете представить, что существуете в будущем, вы можете также и представить, что в будущем вас не будет. Осознавать себя, быть человеком, быть личностью, следовательно, – значит осознавать смерть.

Верность также проверяется изоляцией, в том смысле, что вы остаетесь в меньшинстве, даже в одиночестве. Такая проверка применима в особенности к верности идеалам, хотя ее можно также применить и к верности по отношению к другому человеку. На самом деле, оставаться одному – очень трудно. Очень трудно придерживаться своих идеалов, – какими бы они не были, – когда все вокруг вас пытаются убедить вас отвергнуть их, потому что считают, что эти идеалы неверны, неуместны, стары или безрадостны. Вы находитесь в очень сложном положении, когда самые дорогие вам ценности отрезают вас от всех остальных, будь это ваша семья,

соседи, страна, культура – иногда даже может показаться, что они отрезают вас от всего остального мира. Если случилось так, что вы верите в Бога, а оказывается, что ваши идеалы отрезают вас и от него, тем хуже. Человеческие существа сделают почти все, что угодно, чтобы избежать чудовищной изоляции и высмеивания себя другими за приверженность идеалам, и большинство людей под подобным давлением рано или поздно отказываются от своих идеалов.

Хороший пример изоляции как последней проверки верности идеалам можно обнаружить в «Потерянном рае» Мильтона. В одном из фрагментов ангел Абдиил к собственному несчастью попадает к восставшим ангелам, и, следовательно, оказывается в неблагоприятном положении, потому что не соглашается с их бунтом против Бога. Он по сути оказывается единственным в огромном собрании миллионов бунтующих ангелов, кто с этим не согласен. После того, как Абдиил, оставшись в полном одиночестве, отрекается от Люцифера и восставших ангелов, Милтон так говорит о его благородной верности:

*Так Абдиил, единый Серафим,
Соблюдавший верность средь неверных Духов,
Промолвил. Он, единый средь лжецов
Несметных, обольщению не подпал;
Отважный, непреклонный, он сберег
Любовь, присягу, рвенье. Ни пример,
Ни численность повстанцев не могли
Поколебать его и отлучить
От истины, хоть противостоял
Он, одинокий, - всем. Сквозь их ряды,
Под улюлюканье враждебных толп,
Он долго шел, насилья не страшась,
Достойно измывательства терпел,
К надменным башням, обреченным рухнуть,
С презрением оборотив хребет⁸⁵.*

(Пер. А. Штейнберга).

Я закончу эту главу двумя историями. Подобно той, которой начиналась глава, они касаются главным образом верности и смерти. Первая история – из оперы Бетховена «Фиделио», которая была написана в начале XIX в. Фиделио означает «верный», и это имя приняла Леонора, жена знатного испанца по имени Флористан. Флористан вызвал неприязнь Пиззаро, правителя мрачной

средневековой крепости, которая действовала как тюрьма для политических преступников, и он схватил Флористана и заключил его в самое глубокое и темное из подземелий крепости, тем временем распространив известие о смерти Флористана. Все поверили этому известию – все, за исключением Леоноры. Отказавшись признать смерть своего мужа, она составляет план, чтобы хитростью попасть в крепость и спасти его. Одевшись как юноша, взяв имя Фиделио, она получает работу в крепости в качестве помощника главного тюремщика по имени Рокко. Конечно, у Рокко имеется дочь, которая влюбляется в этого предполагаемого юношу, что становится причиной обязательной для оперы запутанности сюжета. Так начинается опера.

Если свести историю к сути, она продолжается следующим образом: Пиззаро узнает, что Фернандо, государственный министр, приезжает с проверкой в крепость, и решает казнить Флористана до того, как прибудет Фернандо. Он помещает на крепостную стену трубача, чтобы тот предупредил о прибытии Фернандо, и приказывает Рокко, главному тюремщику, убить Флористана. Рокко отказывается. Тогда Пиззаро приказывает ему идти рыть могилу для Флористана, говоря, что сам, своими собственными руками, убьет его. Поэтому Рокко роет могилу для Флористана, и Фиделио (Леонора) в качестве его помощника должна помогать ему в этом, хотя она роет могилу своему собственному мужу. Затем действие переносится в камеру Флористана, где Пиззаро вот-вот пронзит Флористана. В этот момент Леонора бросается, закрывая его собой, и говорит, что сначала Пиззаро придется убить ее. Когда она это делает, слышится знаменитый сигнал трубы. Прибывает государственный министр, Пиззаро арестовывают, а Флористан и Леонора воссоединяются.

Утверждают, что, «как драма и как опера, «Фиделио» отличается практически от всех остальных своей совершенной чистотой, моральной возвышенностью темы и ослепительно идеальной музыкой». Что касается моральной возвышенности темы, это, несомненно, относится к тому, как раскрывается в опере тема верности. Когда Флористан исчезает, и проходит слух, что он мертв, Леонора не начинает искать другого мужа, но отправляется на поиски Флористана и рискует собственной жизнью, чтобы спасти его. Ее верность проверяется смертью не однажды, и она проходит проверку. Оперу не так часто ставят, хотя различные увертюры «Леоноры» часто используются оркестрами. Происходит ли это, потому что «моральной возвышенности ее темы» слишком много для

современной аудитории, а верность вышла из моды, трудно сказать. Но, если это так, возможно, это знаменательно. Если мы хотим возвращать в себе качества подлинной личности, наше общество не слишком поможет нам в том, что касается верности.

Переходя от западной истории к восточной, а от оперы – к сутре, мы снова обращаемся к «Амитаюр-дхьяна-сутре», сутре медитации Амитаюса, Будды бесконечной жизни⁸⁶. Здесь мы находим еще одну крепость, еще одно подземелье, еще одного заключенного и еще одну верную жену – а в дополнение к этому еще несколько компонентов: Будду, Дхарму и Сангху. Мы уже упоминали эту историю прежде, когда обсуждали духовное сообщество и Чистую землю. Как мы видели, когда эта сутра начинается – в Раджагрихе, столице Магадхи – царь Бимбисара свергается своим безнравственным сыном Аджатакатру, который заключает его в тюрьму, надеясь, что там он умрет голодной смертью. На самом деле, он не только на это надеется – он просто забывает отдавать приказы относительно того, чтобы его отцу давали поесть. Но Вайдехи тайно приносит пищу своему мужу и день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем поддерживает его жизнь. Другими словами, она остается верной ему.

Со временем Аджатакатру начинает подозревать, что его отец не умирает, как он ожидал. Установив слежку за тем, кто входит в тюрьму и выходит из нее, он однажды узнает, что именно его мать виновата в том, что его раздражает, – в том, что отец все еще жив. Аджатакатру – безусловно, не послушный сын древних времен, и в ярости он бросается на мать с мечом, и от убийства матери его уберегают только министры. Они говорят: «В нашей царской традиции есть много записей о царях, которые убивали своих отцов, но еще не было ни одного царя, который убил бы свою мать. Воздержись от этого неопишимо дурного поступка». Устыдившись, царь вкладывает меч в ножны и удовлетворяется тем, что приказывает также бросить мать в тюрьму. В тюрьме она молится Будде – поскольку она не только верная жена, но еще и верная ученица Будды – и просит его прислать к ней своих учеников, Ананду и Махамаудгальяну.

Вняв ее мольбе своим божественным ухом, Будда делает больше, чем она просит. Вместе с Анандой и Махамаудгальяной перед ней появляется он сам, сияющий радужным светом, заполняющим темноту тюремной камеры. Вайдехи говорит ему, что она разочаровалась в этом мире (и это понятно) и просит Будду научить ее медитировать, чтобы попасть в лучший мир. Будда выполняет ее

просьбу, и описание этих медитаций составляет большую часть сутры.

В этой истории мы также видим, как верность проверяется разлукой и даже смертью. Вайдехи остается верной Бимбисаре, даже рискуя собственной жизнью. Обладая качеством верности, она является личностью, а поскольку она является личностью, она может обратиться к Прибежищу в Будде, Дхарме и Сангхе. Она может увидеть перед собой Будду и его учеников и услышать Дхарму. В конце концов, на самом деле, под верностью понимается верность этим трем идеалам. Верность себе – это, в конечном счете, верность Будде. Верность идеалам – в конечном счете, верность Дхарме. А верность другим людям – верность Сангхе.

Верность этого высшего рода воплощается в фигуре женщины-Бодхисаттвы Тары, которую иногда называют Самаяя-тара (что, согласно Ламе Говинде, переводится как «верная Тара»). Все Бодхисаттвы так или иначе являются воплощениями совершенной верности. Они верны всем существам, и их верность безгранична во времени и пространстве. Они, можно сказать, являются личностями в самом полном, высочайшем смысле этого слова.

Следовательно, если мы хотим стать Бодхисаттвами, если мы хотим стать личностями, мы должны практиковать верность. Мы должны быть верными себе, нашему слову, нашим обещаниям. Мы должны быть верным нашим идеалам, нашему опыту, нашей работе, пути человеческого развития. Мы должны быть верными другим людям: не только нашим возлюбленным, но и нашим друзьям, коллегам и учителям. Без верности нет ничего устойчивого, без устойчивости нет развития, а без развития нет духовной жизни. Верность – человеческая потребность, потому что человек нуждается в развитии. Верность – это часть человеческой природы, поскольку развитие – часть этой природы.

Глава 16. Значение дружбы

В современном мире дружба – это, вероятно, тот из видов первичных человеческих отношений, которым чаще всего пренебрегают. Но, как мы видели, согласно самому Будде, дружба непосредственно связана с духовной жизнью. Излагая этот вопрос Сигалаке, он говорит, что друзьям и товарищам нужно служить и заботиться о них пятью способами⁸⁷. Другими словами, у нас есть пять обязанностей по отношению к нашим друзьям, и если мы их выполняем, наша дружба будет процветать.

Прежде всего, это наш долг быть щедрыми. Мы должны разделить с нашими друзьями все, что у нас есть. В идеале эти слова следует воспринимать вполне буквально. Некоторые буддийские общины совместного проживания живут на общие средства, объединяющие все их ресурсы. Сделать это непросто – некоторым людям трудно поделиться даже книгой, – но это пример идеальных отношений между друзьями. В идеале ваш друг даже не должен *просить* у вас денег. Если вы серьезно относитесь к принципу совместности, у вас все общее: деньги, ресурсы, интересы, энергия, – все. Вы ничего не оставляете себе.

Второй долг – никогда не говорить грубо, резко или насмешливо со своими друзьями, а говорить с добротой и состраданием. К речи в буддизме относятся очень серьезно. Пять основных буддийских наставлений включают лишь одно наставление относительно речи – воздерживаться от лживой речи, но говорить правдиво – недостаточно, и это отражается в десяти наставлениях, которые принимают некоторые буддисты. Среди них – целых четыре наставления относительно речи, потому что так просто начать говорить грубо и нанести вред другим, говорить с безразличием, неосторожно или даже бессердечно.

Наша третья обязанность по отношению к друзьям – следить за их благополучием, особенно за их духовным благополучием. Помимо того, что вы должны следить за тем, все ли с ними в порядке в смысле их здоровья и экономического благосостояния, и помогать им в любых трудностях, мы должны всеми возможными способами помогать им расти и развиваться как человеческими существам.

В-четвертых, мы должны относиться к своим друзьям так же, как и к самому себе. На самом деле, сделать это очень трудно, потому что это означает, что мы разрушаем границу между собой и другими. В одном из самых важных текстов Махаяны, «Бодхичарья-аватаре»

Шантидевы, эта тема обсуждается очень глубоко и весьма подробно⁸⁸.

В-пятых, мы должны держать обещания, данные нашим друзьям. Мы должны держать слово. Если мы говорим, что сделаем что-то для друга, мы просто делаем это, что бы ни случилось. Если мы не заботимся о выполнении своих обещаний, это обычно происходит потому, что мы даем их необдуманно. Следовательно, мы должны давать обещания настолько осознанно, чтобы относиться к ним как к серьезным обязательствам. Если мы дали слово, мы должны его сдерживать.

Как у нас есть эти пять обязанностей по отношению к друзьям, так и у них есть те же обязанности по отношению к нам: это двухсторонние обязательства. Наши друзья и товарищи служат нам, помогают, отвечают взаимностью на нашу дружбу. Перечисленные в «Сигалакасутте» обязанности по отношению к друзьям – это, следовательно, также и перечень тех пяти способов, которыми заботятся о нас хорошие друзья. Во-первых, согласно сутте, они заботятся о нас, когда мы больны. Во-вторых, они следят за нашим имуществом, если мы неосторожны, другими словами, они больше заботятся о нашей собственности, чем мы сами, – это безошибочный знак дружбы. В-третьих, они – наше прибежище во время страха: они могут облегчить наше беспокойство, а если у нас есть действительная причина для страха, они помогут нам справиться с этой ситуацией. В-четвертых, они не бросают нас в беде. Как говорится в пословице, «друг познается в беде». И, наконец, они проявляют заботу о тех, кто зависит от нас. Если у нас есть дети, наши друзья заботятся об их благополучии так же, как и мы сами, и то же самое касается благополучия наших учеников, если у нас есть ученики⁸⁹.

Таковы, в нескольких словах, обязанности друга. Несомненно, они представляют собой очень возвышенный идеал дружбы, и размышлению над ними необходимо уделить пристальное внимание. Здесь я укажу лишь на одну-две ярких черты. Интересно, например, что первые четыре обязанности совпадают с другим известным перечнем, который занимает важное место в буддизме Махаяны: четырьмя *самграхавасту*, что обычно переводится как четыре элемента обращения⁹⁰. Они составляют часть седьмой *парамиты*, седьмого из десяти Совершенств, в которых должен упражняться бодхисаттва: *упайя-парамиты*, совершенства *упайи* или искусных средств. Четыре *самграхавасту* – это, следовательно, аспект искусных средств бодхисаттвы.

Тот факт, что эти элементы обращения совпадают с первыми четырьмя обязанностями друга, сообщает нам нечто очень глубокое и значимое о том, как в идеале действует сангха. Он предполагает, что лучший способ обратить людей в свою веру – просто подружиться с ними. Некоторые люди пытаются обратить других в свое воззрение или религию почти насильственно, но это не буддийский путь. Буддисты должны обращать людей – если такое слово на самом деле верно, – просто становясь их друзьями. Мы заводим дружбу, и все. Нет нужды читать людям проповеди, стучаться в их двери и говорить: «А вы слышали слово Будды?»

Будучи буддистом, человек не должен думать о том, как «обратить» кого-нибудь или так или иначе привести его на путь, которому он следует сам. Его забота – просто быть другом, быть щедрым, делиться всем, что он имеет, говорить с добротой и любовью, проявлять заботу о благополучии друзей, особенно об их духовном благополучии, относиться к ним так же, как и к себе, и держать данное им слово.

Однако тот факт, что эти четыре пункта являются элементами обращения, означает, что сами по себе они являются передачей Дхармы. Вы передаете саму Дхарму, практикуя дружбу подобным образом. Можно даже сказать, что дружба *и есть* Дхарма. Уильям Блейк, великий английский поэт, художник и мистик, сказал: «Религия – это политика». Но затем он продолжил: «Политика – это братство»⁹¹. Следовательно, религия – это братство. Вслед за ним мы можем сказать, что Дхарма – это дружба. Если вы практикуете дружбу, вы не только практикуете Дхарму, но и передаете ее.

Еще один вопрос, который поднимается в обязанностях друзей, имеет особенно важные следствия. Это касается четвертой обязанности: относиться к нашим друзьям и товарищам, как к самим себе. Санскритское выражение здесь – *саманартхата*, где «саман» означает «равный». Друг – это тот, к которому ты относишься как к равному. Но что это значит? Подсказку можно найти в этимологии английского слова «friend» (друг), которое, несомненно, родственно слову «free» (свободный). Следовательно, дружба – это отношения, которые могут существовать только между двумя или более свободными людьми, то есть людьми, которые равны. Понимая это, древние греки утверждали, что между рабом и свободным человеком не может быть дружбы.

Эти слова можно понимать как буквально, так и метафорически. Можно сделать вывод, что дружба не может включать каких бы то ни

было отношений, основанных на власти. Отношения между хозяином и рабом основаны на власти, а там, где один человек обладает властью над другим, не может быть дружбы, потому что дружба основана на любви – если использовать слово «любовь» в значении палийского термина «*метта*», которое совершенно отличается по значению от слова «*пема*», любви в значении слезливой привязанности и чувства собственности. *Пема* по сути своей эгоистична, и ее легко превратить в ненависть; конечно, сексуальная любовь часто бывает именно такой. Но *метта* лишена эгоизма или привязанности, ее заботит только счастье и благополучие других.

Палийское слово, обозначающее «друг», *митта* (*митра* на санскрите), тесно связано со словом *метта* (*майтри* на санскрите). А *метта* – это, конечно, то самое качество, которое развивается в одной из самых важных буддийских практик медитации, *метта-бхаване*, развитии дружелюбия по отношению ко всем живым существам. Эта практика начинается с развития *метты* по отношению к себе. На следующем этапе вы развиваете *метту* по отношению к близкому и дорогому вам другу (не сексуальному партнеру или человеку, который привлекает вас сексуально). На третьем этапе вы направляете то же чувство *метты*, которое к этому моменту уже довольно устойчиво, на нейтрального человека – кого-то, кого вы знаете довольно хорошо, но не испытываете к нему особенной симпатии или антипатии. Затем, на четвертом этапе, вы развиваете ту же самую *метту* по отношению к «врагу», человеку, которого вы считаете врагом, или который, возможно, считает врагом вас, или и то, и другое одновременно. Может показаться невероятным, что можно развить глубокое дружелюбие по отношению к врагу, но любой, кто делал практику *метта-бхаваны* довольно регулярно, знает по собственному опыту, что это возможно.

Наконец, на пятом этапе вы развиваете *метту* по отношению ко всем этим четырем людям – себе, своему другу, нейтральному человеку и врагу, – а затем начинаете расширять круг своей *метты*, развивая ее по отношению ко всем, на кого вы обращаете внимание. Вы начинаете с людей, с которыми близки – с тех, кто медитирует вместе с вами или живет в том же доме или на той же улице, – а затем позволяете своей *метте* распространяться все дальше и дальше и включить всех по соседству, всех в городе и даже во всем мире. Вы можете включить в круг своей *метты* всех людей, а также других живых существ, в том числе богов и животных.

С помощью этой практики медитации мы можем развить

дружелюбие. Другими словами, мы переходим от действий, основанных на власти, к действиям, основанным на любви. Есть много способов действовать, основываясь на власти, – то есть, сосредотачиваясь на получении того, чего мы хотим, из ситуации, в которую вовлечены другие люди. Обычно, если мы достаточно умны, нам не приходится использовать силу. Тонко и косвенно мы манипулируем другими людьми, заставляя их сделать то, что нужно нам, не для их блага, но ради наших собственных целей. Некоторые люди очень ловки в этом. Они так мягки, они кажутся такими альтруистичными и искренними, что вы едва ли поймете, что вами манипулируют, и действуют так опосредованно, что, возможно, и сами не осознают, что делают это. Но, так или иначе, мы обманываем других и себя в том, что касается наших подлинных мотивов. Мы мошенничаем, мы лжем, мы применяем эмоциональный шантаж. Но в метте, дружбе, нет ничего такого, есть только взаимная забота о счастье и благополучии друг друга⁹².

Следовательно, дружба, несомненно, принадлежит духовному измерению, и в других местах Будда говорит об этом вопросе по-другому. В главе четвертой Уданы, текста, вероятно, еще более раннего по сравнению с Сигалака-суттой, мы читаем, как Будда остановился в месте под названием Чалика в сопровождении своего помощника, которым в то время был монах по имени Мегхия. Они путешествуют в одиночестве, и однажды Мегхия, который был, по видимому, довольно молод, находит прекрасную манговую рощу. В Индии они часто располагаются на окраинах деревень; эти деревья очень красивы, изобилуют темно-зеленой листвой и растут очень близко друг к другу, поэтому помимо того, что на них растут манго, они также обеспечивают прохладную тень жарким индийским летом.

Мегхия подумал: «Какая прекрасная манговая роща! И что за отличное место для того, чтобы сесть и заняться медитацией – такая прохлада и свежесть!» Поэтому он спросил Будду, может ли он отправиться туда и провести там какое-то время. Однако Будда попросил его подождать немного, пока не придет еще один монах, потому что по той или иной причине Будде нужно, чтобы кто-то был с ним. Но Мегхию не заботили потребности Будды. Вместо этого он привел умный довод, на который совершенно нечего возразить. Он сказал: «У тебя все прекрасно – ты достиг цели Просветления – но мне еще долго продвигаться в своей практике. Это прекрасная манговая роща, я на самом деле хочу отправиться туда и медитировать». В конце концов, Будде пришлось согласиться, и

Мегхия ушел, оставив Будду одного. Однако, хотя Мегхия получил то, что хотел, и манговая роща оказалась тем самым прекрасным, замечательным местом, как он и ожидал, он обнаружил, что совсем не может сосредоточиться на медитации. Несмотря на свой энтузиазм и энергию, как только он сел, его ум охватили жадность, ревность, гнев, похоть, ложные воззрения – все сразу. Он совсем не знал, что делать.

В конце концов, он притащился назад к Будде и рассказал ему о своем позорном поражении. Будда не поругал его, а дал ему учение. Он сказал: «Мегхия, если ты духовно незрел, есть пять вещей, которые приводят к духовной зрелости. И первая из этих вещей – это духовная дружба. Второе – это практика нравственности, а третье – серьезное обсуждение Дхармы. В-четвертых, тебе нужно направить энергию на устранение негативных состояний ума и развивать позитивные. А, в-пятых, ты должен развивать проникновение в смысле глубокого понимания вселенского непостоянства»⁹³.

Будда отметил, что эти пять вещей необходимы для того, кто духовно не развит, и, безусловно, он подразумевал, что на первое место Мегхия должен поставить духовную дружбу. Если у вас есть духовный друг, будь это Будда или кто-то намного менее значительный, его нельзя отвергать так же безрассудно, как Мегхия отмахнулся от Будды. Но, подобно Мегхияе, мы часто не понимаем, в какой степени мы духовно зависимы от личных контактов с нашими духовными друзьями, особенно теми, кто более развит, чем мы. Очень трудно добиться хоть какого-то духовного прогресса без них. Будды уже нет рядом с нами, но большинство из нас, подобно Мегхии, все равно не были бы готовы к такому другу. Мы, скорее всего, поступили бы так же, как и Мегхия.

Может быть, среди нас и нет Будды, но у нас есть другие. Мы можем помочь друг другу, вдохновить друг друга в своей практике Дхармы. Мы можем признаться в наших недостатках и слабостях друг другу. Мы можем поделиться нашим пониманием друг с другом. Мы можем возрадоваться заслугам друг друга. Так мы можем практиковать духовную дружбу.

Никто не может практиковать Дхарму за нас, нам нужно практиковать ее самим. Но нам не обязательно практиковать ее в одиночестве. Мы можем практиковать ее в компании людей, которые думают так же, как и мы, и пытаются поступать так же, и это лучший способ – на самом деле, единственно эффективный – способ практиковать.

Как Будда скажет спустя годы своему ученику и кузену Ананде в

месте под названием Сакка, «духовная дружба – это вся духовная жизнь». Но как нам понимать эти слова? Мы можем понять, что дружба важна, но идею о том, что дружба, даже духовная дружба, может быть всей духовной жизнью, довольно трудно переварить. Но давайте внимательнее присмотримся к тому, о чем здесь говорится.

Палийское слово, которое я перевел как «духовная жизнь», звучит как «*брахмачарья*», что иногда обозначает целибат или девственность – то есть воздержание от сексуальной активности, – но в данном контексте у него гораздо более широкое значение. Оно состоит из двух частей. Слово «брахма» означает «возвышенный, благородный, лучший, безупречный и подлинный», оно также означает «божественный», не в теистическом смысле, но в значении воплощения лучших и самых благородных качеств и добродетелей. А «*чарья*» переводится как «ходьба», «странствие», «практика», «опыт» и даже «жизнь». Следовательно, «*брахмачарья*» означает нечто вроде «практикующий лучшее» или «переживающий идеальное», мы можем даже перевести это как «божественная жизнь» или просто «духовная жизнь», как делаю я⁹⁴.

Есть еще один аспект слова «*брахмачарья*», который приводит нас к более глубокому пониманию того, что имеется в виду в данном контексте. В раннем буддизме существовал целый ряд терминов, начинающихся с «*брахма*», и одно из этих слов – «*брахмалока*», что означает совершенное измерение, божественный мир или просто духовный мир в высочайшем смысле. Следовательно, *брахмачарья* или духовная жизнь – это жизнь, которая приводит в *брахмалоку* или духовный мир. Но как возможно достичь этого? За ответом мы должны обратиться к еще более раннему тексту Махаяны – «Махаговинда-сутте». Не обращаясь к условиям создания этой сутты – это долгая история, – мы находим в ней тот же самый вопрос: «Как смертный достигает бессмертного мира брахмы?» Другими словами, как можно попасть из времени в вечность? И ответ, который приводится, прост и краток: «Мира брахмы можно достичь, отбросив все мысли о собственности, все мысли о «мне» и «моем». Другими словами, человек попадает в брахмалоку, оставив эгоизм и себялюбие, отбросив любое представление о «я»⁹⁵.

Таким образом, обнаруживается тесная связь между духовной дружбой и духовной жизнью. Духовная дружба – это практика в отсутствии себялюбия, в альтруизме. Вы делитесь всем со своим другом или друзьями. Вы говорите с ними с добротой и любовью и заботитесь об их благополучии, особенно духовном благополучии. Вы

относитесь к ним так же, как и к себе – то есть, вы относитесь к ним как к равным. Вы относитесь к ним с меттой, а не согласно тому, как распределяется между вами власть. Конечно, это очень трудно, вызывает внутренний протест, потому что мы естественно эгоистичны. Развивать духовную дружбу очень трудно. Вести духовную жизнь очень трудно. Быть буддистом – настоящим буддистом – очень трудно. Нам нужна помощь.

И мы получаем эту помощь не только от наших учителей, но также и друг от друга. Мы не можем все время быть с нашим духовным учителем, но со своими духовными друзьями мы можем быть все время или, по крайней мере, большую его часть. Мы можем видеться с ними регулярно, а, возможно, и жить и даже работать с ними. Если будем проводить время с духовными друзьями, мы узнаем их лучше, а они узнают лучше нас. Мы научимся быть более открытыми и честными, столкнемся лицом к лицу с нашими слабостями и, в особенности, – с нашей естественной склонностью действовать в согласии с принципом силы. Если у нас есть духовные друзья, они попытаются не относиться к нам подобным образом и будут ждать от нас, что мы также будем действовать по отношению к ним с любовью, относиться к ним с меттой. Учась относиться к нашим друзьям подобным образом, мы постепенно научимся относиться ко всему миру с меттой, с альтруизмом. Таким образом, духовная дружба действительно охватывает всю духовную жизнь.

Глава 17. Буддизм и деловые отношения

Принцип отсутствия эксплуатации в идеале должен действовать во всех отношениях в жизни человека. Мы должны обладать возможностью брать то, что нам нужно, будь это еда, одежда, образование или что-то еще, а отдавать все, что можем. Следовательно, нет необходимости в существовании связи между тем, что мы отдаем, и тем, что мы получаем. Однако, к несчастью, обычно все устроено так, что каждый человек, вовлеченный в какую-нибудь сделку, неважно, в качестве получателя или дающего, думает только о себе, отдавая как можно меньше в обмен на как можно большее. Именно так обычно бывает в жизни: мы заключаем сделки, в которых то, что мы даем, определяется тем, что мы можем от этого получить, а ни в коем случае не последствиями этой сделки для других людей.

После определенного момента любая коммерческая выгода непременно получается за счет кого-то другого, но состояние проигравших в игре обычно не беспокоит победителей. Особенно бесстыдную форму этого повсеместно распространенного явления можно наблюдать в бедных странах, подобных Индии, где торговцы зерном, в частности, рисом, обладающие огромными богатствами, копят свои запасы, отказываясь признать, что у них есть что продать, чтобы взвинтить цены. Это может продолжаться неделями, особенно в отдаленных частях страны, до тех пор, пока люди действительно не начнут голодать, но торговцы будут придерживать свои запасы так долго, как возможно, прежде чем медленно распродать их по грабительской цене на черном рынке. Беднякам приходится выскрести все до копейки, чтобы купить достаточно еды для пропитания. Такая эксплуатация имеет место – хотя обычно она более незаметна – во всех сферах жизни, во всех частях мира.

Идея отсутствия эксплуатации тесно связана со вторым из пяти наставлений (наставлений, которые формируют основу нравственной жизни всех буддистов). Пытаясь жить в соответствии со вторым наставлением, человек принимает на себя ответственность не брать того, что ему не дано⁶. Это нечто большее, чем просто иносказательное указание «не красть». Не красть – недостаточно. Остается слишком много лазеек. Человек может быть самым воплощением честности с точки зрения буквы закона и одновременно выстраивать свои дела с применением незаконных, сомнительных или откровенно нечистых методов. Таким образом, большая часть богатства накапливается с помощью совершенно безнравственных средств, хотя никакие условные этические предписания не

нарушаются.

Но буддийское наставление – не брать ничего, если только его настоящие владельцы, будь это отдельные люди или общество в целом, не отдадут это тебе с готовностью. Если тебе это не давали, не бери это. Я отметил, что между тем, что мы даем, и тем, что мы берем, не должно существовать связи. Однако то, что мы берем, должно в то же самое время быть дано нам – в этом отношении даяние и получение являются двумя аспектами одного и того же действия. В некоторых буддийских странах монахи обязаны настолько строго соблюдать это наставление, что когда в некоторых формальных ситуациях им преподносится пища, им не позволено есть ее, пока тарелка с пищей не будет поднята и действительно протянута им в руки.

Тот же принцип находит применение на пятой ступени Благородного восьмеричного пути Будды: в правильном или совершенном добывании средств к существованию⁹⁷. Уже тот факт, что правильное добывание средств к существованию включается в этот список, дает представление о том, насколько важно в буддизме то, как человек зарабатывает себе на жизнь. Люди могут говорить о получении совершенной работы, но можно догадаться, что не это имеется в виду под «совершенным добыванием средств к существованию». Но разве такой очевидно мирской вещи, как трудоустройству, есть место в этом благородном собрании идеалов?

Нам всем приходится зарабатывать себе на жизнь – по крайней мере, если мы не монахи – но, как бы мы это не делали, мы не должны причинять своей работой вреда ни себе, ни другим. В ранних писаниях часто даются приближенные руководства по добыванию средств к существованию в форме списков занятий, которые запрещены тем, кто следует по духовному пути⁹⁸. Первое из них относится к любой коммерческой активности, связанной с торговлей любыми живыми существами, будь это люди или животные. Рабство всегда порицалось и было запрещено в буддийских странах. Буддистам не пришлось ждать восемнадцатого или девятнадцатого века, чтобы четко обозначить свою позицию по данному вопросу. Конечно, торговля человеческими существами все еще ведется в мире и в наши дни, но гораздо более распространена торговля животными на убой, также запрещенная в буддийских обществах: вы не встретите среди буддистов мясника или забойщика. Такой способ заработать себе на жизнь вредит не только, – что безусловно, – животным, которые подвергаются убийству, но и тому, кто совершает забой. Если

проводить по восемь часов в день за убийством свиней, коров, овец или кур, это непременно причинит определенный ментальный или эмоциональный вред забойщику в результате подавления его естественных проявлений сострадания к другим живым существам.

Еще одному запрету в раннем буддизме подверглась торговля ядами – конечно, не медицинскими ядами, а ядами, которые отнимают жизнь. Во времена, когда вскрытий еще не производилось, это был почти гарантированный способ избавиться от кого-нибудь: торговец ядами давал вам пузырек с требуемым ядом – работающим быстро или медленно, болезненно или безболезненно – а затем вы добавляли нужную дозу в карри. Подобно работоторговцам, торговцы ядами в каком-то смысле менее редки в наши дни, чем это было прежде. Но, конечно, в современном мире можно провести параллель с широко распространенной торговлей тем, что называется наркотиками класса А (например, героином и кокаином) – она столь же вредоносна. Кроме того, многие люди участвуют в производстве и продаже сигарет и других бесспорно вредных веществ, а также в их рекламе и финансировании.

Третий запрет касался производства оружия или торговли им. Первые буддисты понимали под оружием луки и стрелы, копья и мечи. Однако по сравнению с этими примитивными зачатками торговли оружием наши наиболее продвинутые культуры достигли значительного прогресса – так говорят – в развитии удивительно безопасных и благородных способов обеспечить себе победу над врагами цивилизованных ценностей. Но любое участие в создании этих средств разрушения, какими бы «разумными» они не были, запрещено как неправильный способ получения средств к существованию. Нельзя оправдать никакую войну, никакую идею о том, что оружие является средством устрашения, как бы «умны» не были эти бомбы.

Эти запреты, несомненно, предназначаются для мирян, но есть также определенные способы зарабатывать себе на жизнь, которые запрещаются специально для монахов. Например, различные формы гадания, которые были весьма многочисленны в дни Будды, перечисляются и совершенно запрещаются в писаниях. Однако по всему буддийскому миру к монахам и в наши дни обращаются миряне для предсказаний будущего, и, к несчастью, многие монахи извлекают выгоду от этой веры в силу их предсказаний.

Монахам также запрещено зарабатывать себе на жизнь показом

сверхъестественных способностей или обещания сверхъестественных способностей другим. Причина этого на самом деле очевидна. Людей, что естественно, всегда интересуют сверхъестественные явления, экстрасенсорные способности и так далее. В наши дни такие вещи обычно воспринимаются более серьезно на Востоке, но в определенных кругах на Западе также существует сильное – и нездоровое – увлечение идеей обретения мистических и оккультных способностей, недоступных другим людям. Если вы поманите кого-то сверхъестественными способностями, вы можете, если это люди легко управляемы, завести их куда угодно.

Однажды у меня была возможность сделать это самому. Когда в 50-х я жил в Калимпонге, однажды вечером в середине сезона дождей у меня на пороге появился англичанин. Я уже привык к неожиданным посетителям, поэтому пригласил его в дом, и он представился. Он был врачом, получившим образование в Дублине. Довольно скоро я добрался до вопроса о том, что привело его в Калимпонг. Он прямо сказал: «Я хочу развить сверхъестественные способности». Это был не первый случай, когда человек говорил мне о подобной заинтересованности, и я просто сказал: «А какие способности вы хотите развить?» Он сказал: «Я хочу уметь читать мысли других людей и видеть будущее». Он совсем не прикидывался, он довольно открыто говорил о том, чего хотел. Тогда я спросил его: «Почему вы хотите развить подобные способности?» Он просто ответил: «Это поможет мне в работе». Что это оказалась за работа, в данном случае я не считаю уместным сказать, я укажу только, что он был учеником Лобсанга Рампы, который написал множество книг о самых мифических и нереальных сторонах тибетского буддизма. Вдохновленный одной из самых удачных из этих книг, «Третьим глазом», мой посетитель искал тибетского ламу, который совершит операцию и раскроет его третий глаз. Он верил, что она заключается в том, что кто-нибудь просверлит маленькую дырку у него во лбу и, следовательно, наделит его ясновидением, которого он жаждал.

Можно представить, какому соблазну подвергают подобные люди лам и монахов. Его мог бы выдоить как корову любой недобросовестный учитель, готовый потворствовать его желанию развить сверхъестественные способности. Из того, что он мне сказал, это стало совершенно очевидным: «Если кто-нибудь научит меня этим вещам, я готов предоставить в его распоряжение очень большую сумму денег». К несчастью, он безвременно скончался, но прежде несколько людей получили от него тем или иным способом довольно

много денег.

Таковы общие запреты в том, что касается способов добывания пропитания. Однако Будда не ограничился этим, поскольку, как мы знаем, экономические отношения – это одна из самых распространенных сфер эксплуатации в человеческой жизни в целом. Наниматели эксплуатируют наемных работников, если им это удастся, а наемные работники эксплуатируют своих нанимателей, если только у них появляется такая возможность. Мы склонны считать, что проблемы подозрений и эксплуатации между управляющими и рабочей силой, капиталом и трудом, советом директоров и работниками предприятия, свойственны лишь современности. Но Будда уделил значительное внимание этому вопросу в своем совете Сигалаке, записанном в «Сигалака-сутте». В разделе проповеди, посвященном отношениям нанимателя и наемного работника, Будда перечисляет пять обязанностей нанимателя по отношению к наемному работнику и пять обязанностей наемного работника по отношению к нанимателю⁹⁹. Все вместе они составляют общее руководство по отношениям между трудом и капиталом и бизнес-правила экономической этики для буддистов.

Говоря, прежде всего, об обязанностях нанимателя, Будда отмечает, что наниматель должен предоставить наемному работнику работу согласно его телесным и умственным силам – то есть ту работу, которую он может выполнять, не причиняя себе вреда. К несчастью, и спустя две с половиной тысячи лет этот принцип не всегда соблюдается, и уж точно – не в Индии. В Индии в наши дни тысячи мужчин и женщин зарабатывают себе на жизнь как кули, чернорабочие. К ним относятся как к вьючным животным, они переносят тяжелые грузы на спинах или, чаще, на головах, и любой, кто побывает в Индии, увидит их за этой работой. Кули находятся в самом низу экономической лестницы, и у них нет практически никакой надежды подняться выше этого уровня, несмотря на то, что им, возможно, помимо себя приходится поддерживать растущую семью.

Проблема с точки зрения торговца, который нанимает определенное число кули, чтобы перенести, скажем, мешки с рисом, заключается в том, что некоторые кули не могут нести столько же, сколько остальные, и двигаться столь же быстро, особенно если они стары или больны. Это может шокировать, но решение для очень многих процветающих торговцев заключается в том, чтобы удостовериться, что все кули в равной степени отрабатывают свои деньги. Это на

самом деле зрелище, достойное сострадания, – пожилой человек, преждевременно состарившийся, бредет один, вены у него выступают наружу, мышцы натянуты как бечевки, по телу струится пот, и он изнемогает от груза, который ему совсем не по силам. То же самое происходит и с рикшами, которых можно было увидеть по всей Азии (хотя это осталось в прошлом, чему я рад). Они проживали очень недолгую жизнь. Обычно они начинали тянуть рикши в пятнадцать или шестнадцать лет, а к двадцати пяти у них уже был туберкулез, и им оставалось жить лишь несколько месяцев. Несоответствие питания и огромного физического напряжения от работы буквально убивало их.

Но довольно долго это никого не беспокоило. Я ясно помню свой первый приезд в Шри-Ланку, когда меня против моей воли принудили к поездке в повозке рикши. Когда мы быстро продвигались по улице, я все время говорил кули идти медленнее, но он не понимал меня – он думал, что, как большинство его нанимателей, я говорю ему идти быстрее. Чем больше я уговаривал его, тем быстрее он бежал, пока мне не пришлось приказать ему остановиться. После этого я использовал рикшей только в случае крайней необходимости, и даже тогда я выбирал тех, кто посильнее и крепче, и настаивал, чтобы они шли относительно размеренным шагом. Оглядываясь назад, мне, возможно, вообще не стоило прибегать к их услугам, но в те времена у них, по-видимому, не было никакой другой работы. Однако Будда довольно четко указывал, что нельзя нанимать человека на работу, которая превосходит его естественные способности.

Во-вторых, Будда сказал, что наниматель должен давать наемному работнику достаточно пищи и денег. Таков обычай, существующий до сих пор в некоторых частях Индии. Если вы нанимаете кого-то, вы даете ему пищу и одежду, а также деньги на мелкие расходы, а не жалованье. В действительности принцип заключается в том, чтобы давать пищу и деньги, достаточные в том смысле, чтобы обеспечить наемному работнику полное и достойное человеческое существование, а не просто обеспечить его, чтобы этого было достаточно для продолжения работы. Между количеством выполняемой работы и оплатой не должно быть никакой связи. Даже если наемный работник силен и здоров, и его производительность огромна, ему не нужно платить больше, чем его более слабым или даже ленивым собратьям, он должен только получить то, в чем нуждается, в порядке вознаграждения. Мы привыкли считать, что нужно награждать человека за упорную работу и наказывать тех, кто

недовыполняет свою норму: сколько работы сделано, столько денег и получено. Но, хотя это и эффективный стимул для изобретательности и предприимчивости, в идеале буддист должен находить этот стимул где-то еще. Если стимулом выступает жадность, вы подпитываете это загрязнение своего ума.

Наемному работнику Будда предписывает выполнять свою работу с такой точностью, на которую он способен, а нанимателю – обеспечить нужды наемного работника. Эти нужды заключаются не просто в поддержании существования – это средства вести полноценную человеческую жизнь. Наше общество больше не разделено так жестко на нанимателей и наемных работников, как в дни Будды, но Будда, безусловно, не рекомендовал эту особую социальную структуру своего времени, он просто указывал на ключевой принцип, согласно которому люди в его обществе должны были сделать экономические отношения человеческими по сути.

Мы можем попытаться поступать также в нашем собственном обществе. Такой радикальный план, который становится предметом обсуждения время от времени и на самом деле очень эффективно выражает принцип отсутствия эксплуатации, – это идея о том, что по достижении совершеннолетия правительство должно выделять каждому основную стипендию, покрывающую стоимость пищи, одежды и крова, независимо от того, работает человек или нет. Если люди хотят больше – хотят путешествовать, покупать дорогостоящее электронное оборудование, ходить в кинотеатры и рестораны, вести роскошный образ жизни, который большинство людей видят в своем воображении необходимым, им придется работать. Но в культуре изобилия люди должны работать потому, что им этого хочется, – потому, что они хотят внести творческий вклад в свое общество или потому что хотят немного большего, или и того, и другого одновременно, – а не просто для того, чтобы выжить. Таким образом, государство должно поддерживать духовное сообщество, позволяя личностям, которые хотят посвятить себя творческой, но финансово неприбыльной деятельности – медитации, обучению, даже искусству – сделать это, если они готовы вести очень простую, даже монашескую жизнь.

В-третьих, Будда говорит, что наниматель должен обеспечить наемному работнику медицинский уход и поддерживать его в старости. Это действительно реализуется в наши дни, когда у нас есть пенсии, страховки и так далее, но нам понадобилось два тысячелетия для того, чтобы воплотить этот план Будды. В-четвертых, Будда

говорит, что работодатель должен делиться с наемным работником любой добавочной прибылью, которую он получает. То есть вы не используете прибыль только на ваши собственные цели, говоря своим работникам, что им придется смириться с основным доходом, поддерживающим их существование. И снова, мы подошли к этой идее лишь недавно, в наши дни, в форме схем бонусов. И, наконец, в-пятых, долг нанимателя, согласно Будде, заключается в том, чтобы обеспечить работнику праздничные дни и пособия в особых случаях – и это тоже стало темой широкого обсуждения в наши дни. Однако мы не должны упускать из виду ключевой принцип, выраженный в совете Будды – установление человеческого измерения экономических отношений – что не всегда можно свести к бонусным схемам, отпускам и пенсиям.

Таковы пять пунктов, которые отмечает Будда в качестве руководства для нанимателя по отношению к работнику. У работника также есть определенные обязанности. Первая из них заключается в том, что он должен быть пунктуальным. Индийцы славятся своим отсутствием пунктуальности. Поезда могут прибывать с опозданием в два или три часа. Человек может сказать: «Я приду к тебе в гости в три», – а увидите вы на следующей неделе. Публичная встреча может быть назначена в рекламе ровно на восемь, но вы слишком наивны, если появитесь в это время: вы можете обнаружить, что на месте никого нет. Встречу не отменили: если вы подождете до девяти, появятся организаторы, к десяти поставят помост. В одиннадцать начнут собираться зрители, а в полдвенадцатого вас пригласят начать лекцию. На Западе мы гораздо более пунктуальны, но принцип Будды заключается не столько в соответствии времени, сколько в том, что вам вообще не нужны часы. На самом деле, Будда предполагает, что вы пытаетесь начать работу еще до того, как придет ваш наниматель: вы не просто приходите на работу, чтобы вас видели работающим.

Во-вторых, наемный работник должен заканчивать работу после нанимателя. Вы должны освободиться от постоянной привычки смотреть на часы. Вы не бросаете инструменты, как только бьют часы. В-третьих, наемный работник должен быть искренним и оправдывать возложенное на него доверие. Это довольно очевидно, как и четвертый пункт, который заключается в том, что наемный работник должен выполнять свою работу так, чтобы это удовлетворяло нанимателя. В-пятых, работник должен хорошо отзываться о своем нанимателе. Должно быть, Будда понимал, как охотно работники обсуждают босса за его спиной, как и в наши дни.

Они могут быть ответственными и уважительными в рабочие часы, но из того, что вы услышите за дверями компании, складывается совсем другое представление.

Будда напоминает нам, что, как и любые отношения, экономические отношения не должны строиться на противостоянии, в котором все, что вы ощущаете, вы можете выразить как бессилие и неудовлетворенность. В идеале это счастливые, гармоничные отношения, в которых нет эксплуатации ни с той, ни с другой стороны. Каждый принимает от другого то, что ему нужно, не причиняя вреда, и дает то, что может. Если вы наниматель, вы получаете пользу от труда и навыков своих работников и также принимаете на себя ответственность за то, чтобы их потребности были удовлетворены. Если вы наемный работник, вы работаете, насколько вам это позволяют ваши способности, и берете все необходимое из этой рабочей ситуации. Нет нужды в беспощадных, затяжных переговорах между нанимателями и союзами, как будто они находятся в противоположных лагерях и договариваются о перемирии между враждующими армиями. Как Будда говорит Сигалаке, «Так защищается надир (надир – это направление, которое обозначает отношения между «хозяином и слугой»), где устанавливается мир и свобода от страха».

Глава 18. Отсутствие эксплуатации

*Как пчела берет мед из цветка,
Не причинив вреда его цвету и аромату,
Так и монах пусть проходит по деревне¹⁰⁰.*

Это строки из «Дхаммапады», древней и глубоко почитаемой антологии строф, которая стала первым буддийским текстом, переведенным с оригинального пали на европейский язык (в данном случае — латынь). Для буддийских писаний свойственно заимствование разнообразных иллюстраций, метафор, сравнений и притч из повседневной жизни в Индии, и именно так происходит в этой строфе из «Дхаммапады», которая взята из главы под названием «Цветы», названной так, потому что в каждой строфе упоминается цветок какого-то вида или цветы в целом в качестве иллюстрации.

Любой, кто жил в Индии или в любой из буддийских стран Юго-Восточной Азии, знаком с вечной картиной, упоминаемой в этой строфе: монах, идущий собирать милостыню в деревню. Я сам был в подобной ситуации, когда был бродячим монахом и пешком переходил с места на место. Но достаточно часто я видел это и со стороны, и опишу это с точки зрения наблюдателя. Обычно монахи выходят за милостыней очень ранним утром, потому что в Индии нет традиции есть в середине дня. Люди едят то, что мы называли бы обедом, примерно в девять утра, и это обильная пища состоит главным образом из риса. После этого — по крайней мере, в деревнях — люди отправляются на работу в поля и не возвращаются домой поесть до пяти-шести часов вечера. Поэтому, если монах хочет наполнить чашу, он должен отправиться в путь на рассвете, покинув монастырь и молча двигаясь среди пустынных улиц, ненадолго останавливаясь у каждого дома.

В буддизме принято, что во время этого обхода для сбора подаяний, как это называют, монах должен просто тихо останавливаться у каждой двери со своей чашей для подаяний, ни о чем не прося. Но люди обычно высматривают в это время, не идут ли монахи, поэтому, к примеру, ребенок вбегает в дом и говорит: «Мама, здесь монах», — и мама говорит, — «Хорошо, попроси его подождать». Затем она быстро зачерпывает немного риса и карри и откладывает их, чтобы положить в чашу монаха. Затем монах читает строфы благословения на пали, и уходит, чтобы остановиться у двери следующей хижины.

Идея заключается не в том, чтобы получить всю пищу в одном доме, но в том, чтобы взять везде понемногу. В Индии даже в наши дни

индийские садху следуют этому обычаю. Он называется *мадхукари бхикса*, что означает «собирать подаяние, как пчела собирает мед». Как пчела берет немного пыльцу из каждого цветка, так и монах принимает немного пищи в одном доме, немного – в другом, пока у него не будет достаточно, чтобы ему хватило на день.

Пища – лишь одна из четырех вещей, которых, как традиционно говорится, монах может ожидать от покровителей-мирян. Эти четыре вещи, требуемые или необходимые для жизни, таковы: во-первых, еда, во-вторых, одежда, особенно в форме шафрановых одеяний, в-третьих, кров, будь это временная хижина, монастырь или нечто среднее, и, в-четвертых, лекарства. Когда монах проходит посвящение, ему говорят, что это все, чего он должен ожидать от мирян, и все, что он может от них принять.

Идея заключается в том, что монах или монахиня – то есть, человек, посвятивший себя религиозной жизни – должны принимать от поддерживающих их мирян только то, что необходимо для того, чтобы они могли практиковать медитацию, учиться и учить Дхарме и продвигаться вперед на пути к Просветлению. Неизбежно, спустя две с половиной тысячи лет истории буддизма добавилось еще несколько вещей к этому списку того, что необходимо. Самое важно дополнение, – это, вероятно, книги: в современные времена собрание нескольких книг чаще всего считается жизненно необходимым.

Но буддийские монахи все еще ведут в целом чрезвычайно простую жизнь, принимая пищу один или в крайнем случае два раза в день, живя довольно скромно в домиках или хижинах, имея минимум одежды (чего достаточно в тропических странах) и самые простые лекарства. Иногда эти лекарства, как говорят, делаются из галлов и коровьей мочи. Это не так странно, как может показаться: из коровьей мочи можно извлечь аммоний, который полезен во многих отношениях. Многие буддисты принимают коровью мочу, так сказать, с религиозным рвением, и утверждают о ее целительных силах. Действительно, один очень ортодоксальный монах из Шри-Ланки, с которым я регулярно переписывался, написал мне, когда я однажды лежал в постели больной в Бенаресе, и строго-настрого порекомендовал мне принять коровью мочу, уверяя меня, что, если я сделаю это, я никогда в жизни больше не заболею. (Я не внял его совету, потому не могу за это поручиться).

Но люди на Западе часто говорят: «Хорошо, все это замечательно. С точки зрения монаха все здорово устроено: он получает пищу, одежду,

кров, возможно, в прекрасном монастыре, лекарство, если он болен. Его всем обеспечивают, и он может в тишине заниматься учебой, медитацией, литературной работой или молитвами, – тем, что, по его мнению, лучше ему подходит. Но что он делает взамен?»

Традиционный ответ на этот вопрос таков: ничего. Он получает все необходимое и абсолютно ничего не делает в ответ. Никто даже не ждет от него ничего взамен, и монаху не приходит в голову, что он должен что-то давать в ответ. Все, что вы даёте монахам или монахиням, дается на поддержание сангхи, а не в качестве платы за учение. Соответственно, учение не дается в ответ на эту поддержку. Монах принимает то, что ему нужно, а отдает то, что имеет, но между этими двумя вещами нет связи, нет соответствия между тем, что вы даёте, и тем, что вы получаете, нет отношений, основанных на взаимной выгоде. Вы не думаете о том, чтобы перевести то, что вы даёте, в такое же, эквивалентное количество того, что вы должны получить. Вы отделяете одно от другого. Когда вы можете дать, вы даёте. Когда вы нуждаетесь, вы принимаете. Нет и речи о заключении сделки. Как пчела принимает пыльцу из цветка, если она ей необходима для того, чтобы сделать мед, не причиняя цветку никакого вреда, так и монах тихо и мягко принимает то, что ему нужно, не причиняя никакого вреда деревне. В обоих случаях эксплуатация отсутствует.

Следовательно, такова в идеале природа отношений между мирянами и «аскетами и браминами», которые Будда называет последними в перечислении шести видов отношений, которым Сигалака, как и все мы, должен уделять внимание. Но, возможно, эти отношения – самые непонятные для нас среди прочих: западные буддисты обычно не размышляют о традиционном противопоставлении монахов и мирян, хотя, возможно, легче рассматривать это как различие между полностью вовлеченными и частично вовлеченными членами сангхи, которое мы рассматривали в одной из предыдущих глав. Но есть и еще один аспект этой строфы «Дхаммапады», который в большинстве переводов недостаточно ясен, но он расширяет смысл того, что сказано, за пределы отношений монахов и мирян. Это касается слова «монах».

Первая проблема заключается в том, что в буддизме это слово не имеет ничего общего с западным представлением о монахе. Эта проблема еще более усугубляется тем, что именно словом «монах» передается обычно слово «бхиккху», в то время как в этой строфе упоминается не слово «бхиккху», а слово «муни». В некоторых

контекстах под «муни» имеется в виду монах в смысле «бхиккху», но не всегда. «Муни» - это, по сути, мудрец, святой или отшельник. Будда именуется не только «Буддой», ему принадлежит много других титулов, среди которых – Шакьямуни, «мудрец из племени Шакья». «Муни» также связано со словом «мауна», что на санскрите, как в современных языках северной Индии, означает «тишина». То есть «муни» - это тот, кто пребывает в тишине или даже тот, кто соблюдает обет тишины. Такое двойственное значение слова "муни" некоторые переводчики передают как «безмолвный мудрец».

Это сочетание значений отражает интересную взаимосвязь идей: оно предполагает, что «молчание» и «мудрость» идут рука об руку, что мудрец много не говорит. Мудр ли он, потому что молчалив, или молчалив, потому что мудр, или и то, и другое одновременно, трудно сказать. В любом случае, очевидно, что мы здесь говорим не просто о монахах. Становится еще очевиднее, что значит «муни», когда мы принимаем в расчет, что эти строфы – очень древние, одни из самых ранних (как и некоторые отрывки «Сутта-Нипаты») среди всех буддийских писаний. Некоторые ученые полагают, что «муни» – то слово, которым буддисты называли ученика Будды, который сам обрел Просветление. Согласно этой теории, слово «архат» – обозначение этого идеала, которое стало столь привычным, – появилось позднее.

Следовательно, мы можем говорить о более широком, всеобъемлющем значении этой строфы, заменяя строку «так и монах пусть проходит по деревне» словами «так и мудрец пусть живет в мире». Таким образом, то, что кажется запретом, ограниченным кругом тех, кто, по крайней мере, формально является монахами, становится применимым ко всем, кто живет в мире. То, что это так важно, поскольку это устанавливает фундаментальный принцип нравственной и духовной жизни, который заключается в том, что мудрый человек не использует никого и ничто. Может показаться, что понять это очень просто, но если тщательно и систематично применять это на практике, результаты на самом деле будут далеко идущими.

Если мы мудры, мы берем у общества, у других, у нашего окружения то, что нам объективно нужно для того, чтобы поддерживать жизнь, работать и развиваться духовно. Но мы не причиняем вреда отдельным людям, обществу в целом и окружающей среде. И мы отдаем, что можем. Каким бы нереалистичным не казался этот идеал, время от времени мы находим его отражение в реальных работающих

отношениях, и нет причины, по которой нельзя было бы воплотить его в контексте любого рабочего окружения. Более того, принцип отсутствия эксплуатации распространяется намного дальше сферы экономики. Он обладает психологическими и даже духовными последствиями, которые могут распространяться на всю сферу личных отношений, особенно на более личные отношения.

Мы не просто решаем из прихоти, что кто-то нам нравится. Нам нравятся люди, потому что они удовлетворяют определенную потребность, которая у нас есть, – потребность, которую мы обычно не осознаем, хотя можем осознать ее, если попытаемся. Если мы не попытаемся осознать, каковы наши собственные потребности, мы, скорее всего, рационализируем нашу симпатию к человеку: мы говорим, что кто-то нам нравится, потому что они внимательны и добры, или любят животных, как и мы, или точно так же заинтересованы в буддизме. Но за этими рациональными восхвалениями часто действует нечто другое. Возможно, этот человек удовлетворяет нашу потребность во внимании, психологическую потребность быть в самом центре происходящего. Пока эта потребность сохраняется в нас, мы будем продолжать стремиться к ее удовлетворению. И, если мы получаем от кого-то нужное нам внимание, очевидно, что мы захотим продолжения этих отношений.

Но как мы собираемся убедиться в том, что они действительно продолжатся? Большинство из нас, осознаем мы это или нет, обнаруживает, что наилучший способ сделать это – выяснить, в чем нуждается другой человек, и удостовериться в том, что этот человек также удовлетворяет свою потребность. Например, им может сильно не хватать внутреннего достоинства, что проявляется в жадном стремлении к тому, чтобы их ценили. Сосредотачиваясь на этом, мы начинаем говорить: «Какой ты чудесный писатель – мне бы так обращаться со словами» или «Ты на самом деле нарисовал это сам? Как тебе удалось достичь такого волшебного эффекта?» Мы даем им то, в чем, как мы ощущаем, они нуждаются, чтобы они стали зависимы от нас из-за того удовлетворения, которое мы им даем, точно так же, как сами становимся зависимыми от них из-за удовлетворения наших собственных потребностей. В двух словах, совместно мы создаем отношения взаимной зависимости и эксплуатации. Заключается бессознательная сделка – это основа большинства человеческих отношений. Поскольку весь процесс более или менее бессознателен, ни один участник сделки не задается вопросом, обоснованна ли эта потребность, или это искусственная и

нездоровая потребность, которой было бы лучше не потворствовать. В такой ситуации отношения, скорее всего, либо заканчиваются катастрофой, либо превращаются во все более скучные и рутинные.

Означает ли это, что мы никогда не должны искать в другом человеке удовлетворения своих потребностей? Разве у нас нет некоторых здоровых психологических потребностей? Ответ на этот вопрос находится в той же самой строфе из «Дхаммапады». Да, у нас есть оправданные потребности – материальные потребности, психологические потребности, духовные потребности, – но мы должны удовлетворять их, как пчела берет пыльцу из цветка, не эксплуатируя человека, который удовлетворяет эти потребности.

Есть два вида потребностей. Под влиянием первого вида мы бессознательно вовлекаемся в ситуацию взаимного использования. Другой вид потребностей – те, которые более сознательны, более осознанны. Это не погоня за сделкой, но все углубляющийся дух взаимного даяния, без какой бы то ни было мысли об обратной прибыли. Это случается в отношениях родителей и детей, если они удачны. Родители охотно отдают себя детям, не думая о том, вознаградят ли дети их позднее за усилия. Подобно этому, дети отдают все, что могут, своим родителям, не задумываясь обо всем, что сделали для них их родители, а просто отдавая им это, потому что они их любят.

Принцип отсутствия эксплуатации и взаимной щедрости – это ключ к философии Будды в том, что касается личных отношений, будь это политические, религиозные, экономические, религиозные или более близкие личные отношения. Это принцип, примером которого являлся сам Будда. Он провел сорок пять лет, пешком путешествуя по северо-восточной Индии и проповедуя. Все, что он получал от других людей, – один прием пищи в день, несколько ярдов желтой ткани, маленькую хижину неподалеку, возможно, в чьем-нибудь саду, которую он занимал иногда, и время от времени – лекарство.

То, что он брал, было бесконечно мало. Но то, что он отдавал, неисчислимо: на самом деле, его природа – то, что нельзя измерить или сделать предметом сделки. Его дары – сострадание, понимание, симпатию, мудрость, наставничество, любовь – по самой своей природе можно отдавать, лишь не думая о вознаграждении. Он был совершенным примером своей философии личных отношений. Он брал лишь то, в чем нуждался, он отдавал все, что должен был отдать. Философия, противоположная этой, – своего рода ментальность

лавочника, проклятие человеческой расы. И во всех наших отношениях мы можем выбрать между двумя этими отношениями.

Глава 19. Благодарность

Обычно под влиянием книг или даже буддийских писаний мы думаем о Просветлении Будды как о событии, произошедшем в определенное время, около двух с половиной тысяч лет назад, – и, конечно, в каком-то смысле так и есть. Мы также склонны считать, что это произошло в определенный день, в определенный час, даже в определенную минуту, в то мгновение, когда Будда совершил прорыв из обусловленного в Необусловленное.

Но, если мы немного поразмышляем и немного глубже изучим писания, мы увидим, что это произошло не так. Здесь мы можем обратиться к различию между путем видения и путем преобразования – различию, которое обычно проводится в связи с Благородным восьмеричным путем. На пути видения человек обретает опыт запредельного, глубокое проникновение в подлинную природу Реальности, которая далеко выходит за пределы любого чисто интеллектуального понимания. Это проникновение постепенно пропитывает и преобразует каждый аспект существа – тело, речь и ум, если использовать традиционную буддийскую классификацию. Оно преобразует все наши действия. Оно, по сути, превращает нас в совершенно другого человека – более мудрого и сострадательного человека. Это процесс известен как путь преобразования¹⁰¹.

Нечто подобное происходит в духовной жизни каждого из нас, без исключения. И мы видим, что то же самое происходит, на гораздо более возвышенном уровне, в случае с Буддой. Видение Будды безгранично, абсолютно и всеобъемлюще, а преобразование его тела, речи и ума можно, следовательно, описать как полное, даже бесконечное. Но, тем не менее, для того, чтобы это окончательное преобразование произошло, понадобилось некоторое время. В буддийской традиции говорится, что Будда провел семь – или девять – недель (сведения различаются) рядом с деревом бодхи, деревом, под которым он достиг Просветления. На протяжении каждой недели происходило какое-то важное событие. Можно сказать, что опыт Просветления Будды начал просачиваться через его существо, пока к окончанию последней недели (седьмой или девятой) процесс преобразования не был, наконец, завершен.

На одной неделе поднялась великая буря, и Будду, как рассказывается, укрыл от дождя царь змей Мукалинда, который раскрыл свой семиглавый капюшон над головой Будды, когда тот медитировал. На другой неделе Брахма Сахампати, правитель тысячи миров, попросил

Будду учить Дхарме, говоря, что, по крайней мере, некоторые существа в мире будут способны понять ее, поскольку их глаза лишь слегка припорошены пылью. И Будда, исполнившись сострадания, согласился давать учение.

Но здесь я хочу сосредоточиться на другом эпизоде, который произошел в самом начале того времени, когда Будда только что достиг Просветления, – согласно одному из источников, на второй неделе. Согласно этой традиции, Будда стоял на северо-востоке в отдалении от дерева бодхи и целую неделю смотрел на дерево немигающими глазами¹⁰².

Столетия спустя в этой самой точке была поставлена ступа, отмечающая то место, где Будда смотрел на дерево бодхи. Она стала известна как «ступа немигающих глаз», и Хуан Цанг, великий китайский паломник, видел ее, когда посетил Индию в седьмом веке. В мемуарах, которые он продиктовал в старости своим ученикам в Китае, он так ее описывает: «По левую сторону от дороги, к северу от места, где шел Будда, есть большой камень, на вершине которого, стоящего в большой вихаре, находится фигура Будды, и его глаза подняты и смотрят вверх. Здесь давным-давно сидел Будда [он говорит «сидел», но в тексте источника написано «стоял»], семь дней созерцая дерево бодхи»¹⁰³.

Возможно, Будда не сидел и не стоял так в буквальном смысле целую неделю, но мы можем принять тот факт, что он очень долго смотрел на дерево бодхи. И в первоначальном тексте ясно сказано, почему. Он сделал это, потому что был благодарен дереву за то, что оно стало ему укрытием во время достижения Просветления. Согласно писаниям, Будда проявлял благодарность и другими способами. После того, как Брахма Сахампати обратился к нему с просьбой учить Дхарме, и Будда решился это сделать, он стал раздумывать, кого он может ей научить. Прежде всего, он подумал о двух своих прежних учителях, у которых он научился медитировать незадолго до того, как покинул дом. Найдя их учение недостаточным, он оставил их, но эти учителя помогли ему на определенном этапе пути, и после своего Просветления Будда вспомнил об этом. Он как будто ощущал, что у него есть перед ними духовный долг, и хотел отблагодарить их. Но он быстро понял, что его старые учителя уже мертвы.

Затем он подумал о пяти своих бывших товарищах. Этих людей он также знал на раннем этапе своих духовных поисков, во времена своих опытов в аскетизме. Покинув двух своих первых учителей, он

стал практиковать крайности умерщвления плоти в компании пяти друзей, которые стали его учениками и очень им восхищались, поскольку он продвинулся в умерщвлении плоти дальше, чем кто-либо в те времена. Но со временем будущий Будда увидел тщетность аскетизма, осознал, что он не приведет его к Просветлению, и отказался от него. Когда он снова начал принимать твердую пищу, лишь несколько горстей риса, чтобы поддержать себя, пять аскетов покинули его в отвращении, сказав: «Шрамана Гаутама вернулся к роскошной жизни». Но не это расставание осталось в памяти Будды. Поняв, что два его старых учителя мертвы, он подумал: «Пять аскетов оказали мне великую помощь, когда я практиковал истязания. Я бы хотел проповедовать Дхарму им». Именно это он и сделал. Он отправился к ним, стал учить их, и со временем они тоже постигли Истину, которую постиг он. И он сделал это из благодарности.

Поэтому Будда, только что обретший Просветление, был *благодарным* Буддой – представление, которое, возможно, нам не знакомо. Мы думаем о Будде, обладающем совершенной мудростью, сострадательном Будде, изобретательном Будде, но обычно не думаем о благодарном Будде. Но одной из первых вещей, которые Будда сделал после достижения Просветления, стало проявление благодарности тем, кто ему помог. Он был благодарен даже дереву.

Даже один этот случай дает нам пищу для размышлений. В буддийских писаниях содержится целый ряд отрывков, которые показывают, что Будда и его ученики не относились к деревьям и камням как к неодушевленной мертвой материи. Они относились к ним как к живым существам. Они даже вступали с ними в общение: они могли заговорить с деревом или цветком, или, скорее, с духом – девата, как они его называли, – населяющим его. Несомненно, гораздо лучше придерживаться такого отношения, быть анимистом, чем считать деревья, цветы, скалы и камни просто мертвой материей. Будда определенно так не считал, и, следовательно, мог испытывать благодарность даже по отношению к дереву.

Неудивительно, учитывая, что таково было отношение самого Будды, что благодарности нашлось место в его нравственном и духовном учении. Это можно обнаружить, например, в «Мангала-сутте», «Сутте благословений или благоприятных знаков». Эта сутта, входящая в состав Палийского канона, очень коротка, и часто считается, что в ней собраны воедино все обязанности, как это можно назвать, серьезно настроенного буддиста, и благодарность перечисляется как один из благоприятных знаков. Согласно «Мангала-сутте», это знак того, что

вы продвигаетесь по духовному пути¹⁰⁴.

Но что такое благодарность? Что мы имеем в виду, когда используем это слово? Чтобы выяснить это, мы можем обратиться к словарям – и, конечно, нам стоит быть очень благодарными создателям словарей. Я лично очень благодарен Сэмюэлю Джонсону. Его исторический словарь всегда у меня под рукой в кабинете, и когда я пишу что-то, я иногда обращаюсь к нему по несколько раз в день. Джонсон определяет благодарность как «долг перед благодетелями» и «желание вернуть добро». Если обратиться к более современному словарю, в «Кратком оксфордском словаре» говорится, что это значит «быть признательным, проявлять готовность выказать то, что ты ценишь доброту и готов ее вернуть», а в словаре Коллинза благодарность – это «чувство признательности, оценка по достоинству подарков или услуг».

Таковы определения английского слова, и они на самом деле дают нам некоторое понимание того, что такое благодарность. Но с буддийской точки зрения мы должны заглянуть глубже и обратиться к палийскому слову, которое переводится как «благодарность»: *катаннута*. «*Ката*» означает что-то, что было сделано, в особенности то, что было сделано тебе, а «*аннута*» значит «знание» или «признание» того, что было сделано на благо кого-то. Эти определения указывают на то, что оттенки палийского слова во многом отличаются от его английского перевода. Оттенки английского слова «благодарность» эмоциональны – мы говорим об «ощущении» благодарности. Но оттенки слова «*катаннута*», скорее, более интеллектуальны, более познавательны. Это ясно указывает на то, что мы называем благодарностью, подразумевает элемент *знания*: знания того, что было сделано нам или для нас на наше благо. Если мы не знаем, что нам принесли какую-то пользу, мы не почувствуем благодарности.

Будда знал, что дерево бодхи стало ему укрытием, и знал, что его пять бывших товарищей помогли ему, поэтому он чувствовал к ним благодарность. И не только: он выразил это чувство. Он выразил его, когда целую неделю просто смотрел безотрывно на дерево бодхи, а затем отправился на поиски своих пяти бывших товарищей, чтобы передать им истину, которую он обнаружил. Следовательно, важно отметить, что совершенно естественно ощущать благодарность за благо, которое мы получили.

Но благо нужно распознать как благо. Если мы не чувствуем, что кто-то или что-то на самом деле приносит нам благо, мы не почувствуем к

ним благодарности. Это предполагает, что мы должны понять, что действительно приносит нам пользу, что действительно помогает нам расти и развиваться как человеческим существам. Мы также должны знать, кто или что принесло нам пользу, и помнить, что это случилось, – иначе мы не сможем ощутить благодарности.

В буддизме традиционно существует три основных объекта благодарности: наши родители, наши учителя и наши духовные друзья. Мы уже рассмотрели некоторые аспекты каждого из этих отношений. Здесь я хочу немного поразмышлять о благодарности в отношении каждого из них.

Я вернулся в Англию, проводя непрерывно двадцать лет на Востоке за изучением, практикой и преподаванием Дхармы. Когда я вернулся, я понял, что многое изменилось. Некоторые вещи особенно поразили меня своей необычностью – я не сталкивался с ними в Индии, по крайней мере, не до такой степени. Одна из вещей, которая, несомненно, удивила меня – открытие того, насколько много людей, по крайней мере, среди тех, кого я знал, были не в ладах со своими родителями. Возможно, это особенно бросилось мне в глаза, потому что я общался с людьми, озабоченными собственным духовным развитием и желающими исправить себя эмоционально и психологически.

Если человек не ладит со своими родителями, что-то с ним серьезно не так. Возможно, не будет преувеличением сказать, что такое положение дел оказывает влияние на всю эмоциональную жизнь человека, по крайней мере, косвенно. Поэтому я обычно побуждаю людей к тому, чтобы они восстановили хорошие отношения со своими родителями, если так произошло, что они отдалились от них по какой-либо причине. Я побуждал людей быть более открытыми со своими родителями и развивать добрые чувства по отношению к ним. Это было особенно необходимо в контексте практики метта-бхаваны, развития любящей доброты. Людям надо было научиться развивать метту даже по отношению к собственным родителям, и для тех, у кого было трудное детство, кто даже так или иначе пострадал от рук своих родителей, это было непросто. Но, даже если так, в интересах их собственного эмоционального, психологического и духовного развития было необходимо, чтобы они преодолели те чувства горечи и обиды, которые они скрывают.

Некоторые люди, как я обнаружил, обвиняли своих родителей в самых разных вещах – подобное отношение отражено в известном

маленьком стихотворении Филипа Ларкина «Вот те стихи». В этом стихотворении Ларкин выражает довольно грубым языком то, что по его мнению, сделали с вами ваши папа и мама, и делает из этого довольно безрадостный вывод. Последняя строфа стихотворения такова:

*Свою ничтожность человек
в потомстве множит через край.
Скорей решайся на побег –
и сам детишек не строгай.*

(Пер. Г. Яропольского)

Что за мрачное, противное стихотворение! В 1995 году, однако, его признавали одним из любимых стихотворений британцев, которое занимало место между «Я помню, помню» Томаса Гуда и «Змеей» Д.Х. Лоуренса. Тот факт, что стихотворение Ларкина стало таким популярным среди интеллектуальных почитателей поэзии, дает пищу для размышлений: по-видимому, негативное отношение к родителям довольно широко распространено в нашем обществе.

Самому Будде было что сказать об отношениях с родителями. В «Сигалака-сутте» утверждается, что Будда говорил о пяти способах, которыми сын должен служить своему отцу и матери в восточном направлении. Он должен думать: «Они поддерживали меня в прошлом, и я буду поддерживать их в будущем. Я выполню свои обязанности по отношению к ним. Я буду придерживаться традиций моей семьи. Я буду достойным моего наследия. После смерти моих родителей я раздам подарки от их имени»¹⁰⁵. То же самое, конечно, касается и дочери. Она тоже должна служить своей матери и отцу как восточному направлению, она тоже должна думать таким образом.

Многое можно сказать о пяти способах, которыми человек должен служить своим родителям. Однако здесь я коснусь вопроса, который еще более важен, – настолько важен, что в этой сутте Будда, по-видимому, принимает это как должное. Однако намек на это содержится в образах сутты. Будда объясняет Сигалаке, что человек выражает почтение востоку, служа своим родителям пятью способами. Но почему востоку?

Причина, возможно, очевидна. Солнце встает на востоке, берет начало на востоке, так сказать, и, подобно этому, мы обязаны своим появлением на свет нашим родителям – если оставить в стороне вопрос о карме, по отношению к которой родители, возможно, лишь

инструменты. Если бы не наши родители, нас бы здесь не было. Они дали нам жизнь, они дали нам человеческое тело, а в буддизме человеческое тело считается очень ценным. Оно драгоценно, потому что только в человеческом теле (мужском или женском) существо способно достичь Просветления. Даровав нам человеческое тело, наши родители, следовательно, дают нам возможность достичь Просветления, и мы должны быть очень благодарны им за это, особенно, если мы действительно практикуем Дхарму.

Наши родители не только дали нам человеческое тело: несмотря на слова Ларкина, они воспитали нас, как только смогли. Они позволили нам выжить, они дали нам образование. Возможно, не все из них могли отправить нас в университет и тому подобное, но они научили нас говорить, а это основа большинства вещей, которым мы научились впоследствии. Обычно первым словам нас учит наша мать, и отсюда происходит английское выражение «mother tongue», родной язык. Только посредством родного языка у нас есть доступ ко всей литературе, которая была написана на этом языке, в раннем детстве, и мы можем в полной мере насладиться этой литературой, потому что это наш родной язык, а не тот, который мы выучим позднее.

Не все задумываются об этом и признают свой долг перед родителями. Классический пример из английской литературы – персонаж одного из моих любимых романов Чарльза Диккенса, романа «Тяжелые времена», мистер Баундерби. Мистер Баундерби – успешный промышленник, и ему очень нравится говорить всем, что он всего добился самостоятельно. Он рассказывает это при первой же возможности и очень подолгу. Он в ярких деталях описывает, как его отвергла собственная мать, как была пьяная бабушка, как ребенком он жил в канаве, и ему приходилось самому заботиться о себе, что никто никогда ему не помог, и он проложил себе путь в этом мире и стал богатым только благодаря своим собственным усилиям. Однако с развитием романа выясняется, что все это – совершенная ложь. На самом деле у него была любящая мать, которая заботливо его воспитывала, дала ему образование и помогала ему всем, чем могла. В действительности его мать еще жива, но он держит ее где-то в отдаленной деревне и не разрешает приезжать к нему. Другими словами, мистер Баундерби – чудовищно неблагодарный человек.

Мы обсудим вопрос, почему люди столь неблагодарны, позднее. Однако сначала давайте обратимся ко второму из главных объектов благодарности в буддизме – нашим учителям. Здесь под учителями я подразумеваю не учителей Дхармы, а всех тех, у кого мы получаем

наше светское образование и культуру. Среди них важное место, несомненно, занимают наши школьные учителя. У них мы берем зачатки образования как такового, и, следовательно, мы должны быть им благодарны. Истина в том, что очень немногое из того, что мы знаем или думаем, что знаем, мы открыли в результате наших собственных усилий. Практически всему, что мы знаем, нас, так или иначе, научили. Например, если мы подумаем о наших знаниях по истории, лишь немногие из нас когда-либо проводили хотя бы один научный эксперимент, открыли один исторический факт, который еще не был открыт до этого. Вся наша работа в этой сфере была сделана за нас другими. Мы воспользовались их усилиями, и наше знание – немногим больше эха их знания.

Помимо того, что мы учимся у живых учителей, мы также учимся у людей, которые умерли столетия назад, получая знания из работ, которые они оставили, и записанных за ними слов. Это не просто вопрос обучения в чисто интеллектуальном смысле – получения информации. Среди этих книг – великие плоды воображения, великие стихотворения, великие романы, великие драмы – и эти работы являются источником бесконечного обогащения, без которого мы были бы неизмеримо беднее. Они помогают нам углубить и расширить наше видение. Следовательно, мы должны быть благодарны великим мужчинам и женщинам, создавшим их. Мы должны быть благодарны Гомеру и Вергилию, Данте и Мильтону, Эсхилу и Калидасе, Шекспиру и Гете. Мы должны быть благодарны Мурасаки Шикибу, Сервантесу, Джейн Остен, Диккенсу, Достоевскому и сотням других людей, которые повлияли на нас гораздо сильнее, чем мы можем представить. Американский критик Гарольд Блум вообще утверждал, что Шекспир – творец человеческой природы, какой мы ее знаем – и это действительно дерзкое утверждение (хотя он и обосновывает его).

Конечно, наш опыт также углубляется, а видение расширяется посредством изобразительного искусства и музыки. Великие живописцы, скульпторы и композиторы – также среди наших учителей. Они тоже сделали нашу жизнь богаче, и мы также должны быть им благодарны. Я не буду упоминать в этом контексте никаких имен, потому что их просто слишком много, чтобы выбрать – как среди древних, так и среди современных творцов Востока и Запада, а не потому, конечно, что считаю, что великие художники и композиторы менее важны, чем великие поэты, писатели и драматурги.

Таким образом, под «учителями» я понимаю всех тех, кто внес вклад в создание нашего коллективного культурного наследия, без кого мы не были бы в полной мере людьми. Помня, чем мы им обязаны, и чувствуя благодарность к великим художникам, поэтам и композиторам, мы должны не просто наслаждаться их работами, но и чтить их память и делиться нашим восторгом с друзьями.

Прежде, чем мы перейдем к рассмотрению третьего основного объекта благодарности, нашим духовным друзьям, я хочу отметить в целом, что нам не нужно думать об этих трех объектах благодарности как о чем-то совершенно отдельном и отличном друг от друга. Между первым и вторым объектами, а также между вторым и третьим есть определенные точки пересечения. Родители также в какой-то мере являются нашими учителями. В буддийской традиции родителей называют *пораначарьями*, что означает «бывшие (или древние) учителя». Их называют так, потому что они – наши первые учителя, даже если все, чему они нас научили, – несколькими словам. Мы можем быть благодарны нашим родителям не только за то, что они подарили нам жизнь, но и за то, что они дали нам, по крайней мере, зачатки знаний и впервые познакомили нас с элементами нашего культурного наследия.

Подобно этому, есть точка пересечения между учителями и духовными друзьями. Величайшие поэты, художники и композиторы могут заложить в нас духовные ценности, помочь нам подняться к высотам духа. На протяжении последних нескольких столетий произошли великие изменения, по крайней мере, на Западе. До этого величайшим, если не единственным, носителем духовных ценностей оставалось христианство в лице Церкви. Но сейчас, когда многие утратили веру в христианство, многие люди обратились в другую сторону в поисках смыслов и ценностей, и они находят их в великих произведениях искусства: в пьесах Шекспира, поэзии Вордсворта, Бодлера и Рильке, музыке Баха, Бетховена и Моцарта, работах великих живописцев и скульпторов итальянского Возрождения. Эти великие мастера стали, так сказать, нашими духовными друзьями, особенно если мы обращаемся к ним и их работам в течение многих лет. Учась восхищаться ими и ценить их, мы чувствуем по отношению к ним огромную благодарность за все, что они нам подарили. Они – среди наших духовных друзей в широком смысле этого слова.

Но теперь давайте перейдем к собственно духовным друзьям. Здесь, как и со словом «благодарность», нам нужно обратиться к

санскритскому слову, обозначенному английским эквивалентом. Как мы уже отметили, санскритское выражение, которое переводится как «духовный друг», – «кальяна митра». «Митра» происходит от слова «майтри» («метта» на пали), а майтри – это сильная, альтруистичная, активная любовь, которую четко отличают в буддийской традиции от «према» («пема» на пали) – сексуальной любви или привязанности. Митра или друг – это, следовательно, тот, кто чувствует к тебе сильную альтруистичную активную любовь. А «кальяна» означает, во-первых, «прекрасный, очаровательный», а, во-вторых, «благоприятный, полезный, морально благой». Следовательно, выражение «кальяна митра» имеет гораздо больше оттенков смысла, чем фраза «духовный друг».

Наши духовные друзья – это те, кто духовно более опытен, чем мы. Будды – наши духовные друзья. Архаты и бодхисаттвы – наши духовные друзья. Великие буддийские учителя Индии и Китая, Тибета и Японии – наши духовные друзья. Те, кто учит нас медитации, – наши духовные друзья. Те, у кого мы изучаем писания, – наши духовные друзья. Те, кто дарует нам посвящение, – наши духовные друзья. И все эти духовные друзья должны стать объектом нашей огромной, сердечной признательности. Мы должны быть им еще более благодарны, чем нашим учителям.

Почему? Потому что от наших духовных друзей мы получаем Дхарму. Мы не открыли и не изобрели Дхарму. Мы получили ее в дар от наших духовных друзей, а они, в конечном итоге, – от самого Будды. В «Дхаммападе» Будда говорит: «Величайший из всех даров – дар Дхармы»¹⁰⁶. Чем больше дар, тем большую благодарность мы должны ощущать. Мы не только должны ощущать эту благодарность в своем сердце – мы должны выражать ее в словах и поступках. Мы можем сделать это тремя способами: читая восхваления нашим духовным друзьям, практикуя Дхарму, которую они нам даровали, и передавая эту Дхарму другим, насколько это в наших силах.

Величайший из наших духовных друзей – Будда Шакьямуни, который открыл (или обнаружил заново) путь, которому мы, будучи буддистами, следуем в наши дни. Именно к нему мы обращаемся за Прибежищем, именно Дхарму, которой он учил, мы пытаемся практиковать, и именно при поддержке Сангхи, которую он основал, мы можем практиковать Дхарму. Следовательно, у нас есть причина быть ему очень благодарными – более благодарными, по сути, чем кому бы то ни было еще. Наши родители на самом деле даровали нам жизнь, но что такое жизнь без дара Дхармы? Наши учителя дали нам

знания, образование и культуру, но насколько ценны даже все эти вещи без Дхармы? Именно потому, что они так сильно благодарны Будде, буддисты выполняют пуджи в знак преданности ему и отмечают события его жизни в контексте различных буддийских праздников.

Но людям не всегда легко почувствовать благодарность по отношению к собственным родителям, учителям или даже духовным друзьям. Почему так происходит? Важно понять причину таких затруднений. В конце концов, благодарность – это важное духовное качество, добродетель, примером которой стал и учил ей Будда, как и многие другие. Цицерон, великий римский оратор и философ, сказал, что благодарность – не просто величайшая добродетель, но мать всех остальных. Неблагодарность, следовательно, является очень серьезным недостатком. Однажды Будда сказал, что неблагодарность – один из четырех великих проступков, которые влекут за собой *нирайю*, рождение в состоянии страданий. Это очень важное и весомое утверждение¹⁰⁷.

Но почему мы неблагодарны по отношению к родителям, учителям, духовным друзьям? Некоторые думают, что как буддисты мы должны быть просто переполнены благодарностью ко всем этим людям. Подсказку можно найти в палийском слове, которое мы переводим как «благодарность», *катаннута*. Как мы отметили, оно значит знание или признание того, что было сделано нам на благо. Подобно этому, *акатаннута* («а» здесь – приставка отрицания), неблагодарность, означает незнание или непризнание того, что было сделано нам на благо.

Есть ряд причин для неблагодарности. Во-первых, мы можем просто не распознать благо как благо. Есть некоторые люди, которые саму жизнь не воспринимают как благо, и, следовательно, не чувствуют благодарности по отношению к своим родителям, которые произвели их нас на свет. Иногда люди говорят нечто подобное этому: «мы не просили, чтобы нас производили на этот свет». Если вы верите в карму и перерождение, это, конечно, не так – но, в любом случае, люди так говорят. В некоторых случаях не считают жизнь благом, потому что они ощущают, что она полна страданий, что она по сути болезненна, и, следовательно, не ощущают ее ценности, не осознают огромный потенциал человеческой жизни. Если воспользоваться буддийской терминологией, они не понимают, что человеческое существо, и только человеческое существо, способно достичь Просветления или, по крайней мере, продвинуться в этом

направлении.

Подобно этому, есть люди, которые не признают, что знание, образование или культура – это благо. Они не ощущают благодарности по отношению к своим учителям или тем, кто, по крайней мере, попытался научить их чему-нибудь. Иногда они даже чувствуют враждебность к ним. Возможно, им кажется, что им навязали образование или культуру. Такие люди, скорее всего, не встретятся с духовными ценностями, Дхармой или духовными друзьями, а если и встретятся, такой контакт будет внешним и поверхностным. Они не смогут понять, что происходит. Может быть, они даже увидят врагов в тех, кто попытается быть их духовными друзьями, и, следовательно, вопроса о благодарности даже не возникнет.

Так некоторые люди реагировали и на самого Будду. Далеко не все, кто слышали его речи или учение, ощущали к нему благодарность. В его времена было множество людей, которые считали его довольно эксцентричным учителем, отклонением от нормы. Они, несомненно, не ощущали к нему благодарности за дар Дхармы. Иногда люди клеветали на него, а некоторые даже пытались его убить.

С другой стороны, мы можем распознать благодеяния и даже признать, что ими одарили нас другие люди, но принять эти благодеяния как должное. Не понимая, что это дар, мы можем подумать, что заслужили это, что имеем на это права и, следовательно, в каком-то смысле, это нам уже принадлежит, поэтому нет нужды в благодарности.

Такое отношение широко распространено в обществе в наши дни. Люди склонны считать, что все делается ради них, что у них есть на это право. Родители, учителя и государство обязаны обеспечивать их всем, что им пожелается. Иногда они полагают, что и духовные друзья обязаны обеспечивать их всем, что пожелается. Если они не получают того, чего хотят, от духовного друга, учителя или гуру, и не получают быстро, они уходят, чтобы попытаться получить это у кого-нибудь еще. Опять же, не возникает и вопроса о благодарности. Конечно, родители, учителя и друзья должны приносить нам пользу по мере своих возможностей. Но нужно признать, что они *принесли* вам пользу, и что в ответ вы должны проявлять к ним благодарность.

Еще одна причина неблагодарности – эгоизм. Эгоизм может принимать разные формы, у него много аспектов. Здесь я понимаю под ним отношение, полное хронического индивидуализма – веру в

то, что мы отдельны от других, никак от них не зависим, и, следовательно, ничем никому не обязаны. Человек чувствует, что никому ничем не обязан, потому что все может сделать сам. Мистер Баундерби Диккенса – хороший пример подобного отношения, но в литературе есть и другие примеры, например, Сатана из «Потерянного рая» Мильтона и «Черный Избавитель» из «Жизни и освобождения Падмасамбхавы». Человек, эгоистичный в таком смысле, неспособен почувствовать благодарность и не может признать, что другие ему помогли. Возможно, они и не говорят об этом прямо, как мистер Баундерби, но именно с таким внутренним отношением они живут.

Такое отношение иногда находит отражение в сфере искусства. Некоторым писателям и художникам не нравится считать, что они чем-то обязаны своим предшественникам. Желая быть оригинальными, пробиться на совершенно новую дорогу, они не хотят признавать, что есть такие вещи, как культурное наследие или литературный канон. В некоторых кругах это отношение приняло крайние, даже опасные формы, и в результате привело к попытке отвергнуть большую часть нашего литературного и художественного наследия по идеологическим основаниям. Такое явление крайне неблагоприятно и даже потенциально разрушительно, и ему нужно противостоять всеми возможными способами. Эгоизм в том значении, в котором я использую это слово, также находит выражение в сфере религии. Это случается, когда мы не признаем источник нашего вдохновения или когда пытаемся выдать за свои учение или практику, которым мы на самом деле научились у наших духовных друзей.

Четвертая и последняя причина неблагодарности, которую я хочу упомянуть здесь – забывчивость. Есть две главных причины того, почему мы забываем о принесенном нам благе. Во-первых, просто проходит время. Возможно, нам помогли очень давно – так давно, что мы уже не помним этого отчетливо и больше не чувствуем благодарности к тому, кто нам помог, даже если первоначально мы ее ощущали. Вероятно, это основная причина, почему мы не слишком активно проявляем благодарность по отношению к собственным родителям. За годы в нашей жизни многое происходит: ранние воспоминания затмеваются более поздними, другие отношения становятся важными, и, возможно, мы отдаляемся от родителей географически, социально или культурно. В результате этого мы – говоря откровенно – забываем их. Мы забываем те многочисленные случаи, когда они приносили нам благо в детстве, и больше не

ощущаем к ним благодарности. Еще одна вероятная причина того, что мы «забываем» быть благодарными, заключается в том, что мы, прежде всего, не слишком явно ощущаем положительные последствия этой помощи, и, следовательно, не чувствуем большой благодарности. В подобных обстоятельствах благодарность легко теряет силу и забывается совсем.

Таковы четыре самые важные причины неблагодарности: неумение распознать благо как благо, принятие помощи как должного, эгоизм и забывчивость. Неблагодарность, к несчастью, с большой вероятностью проявляется в самые неожиданные моменты и самым различным способом в жизни практикующего буддиста. По достижении определенного уровня духовного развития человек просто не способен быть неблагодарным. Вошедший в поток не способен на это, и в действительности его будет переполнять благодарность к родителям, учителям и духовным друзьям. Но пока мы не достигли этого уровня, мы подвергаемся опасности забыть о благодарности.

За годы, прошедшие с того момента, как я сам основал буддийское движение (а их на момент написания этого прошло уже более тридцати), я получил много, очень много писем, – вероятно, тысячи – от людей, которые недавно познакомились с Дхармой в одном из центров, которые я основал, или посредством общения с отдельными членами Ордена. Каждый год я получаю все больше и больше таких писем. Они приходят от молодых и стариков, от людей, живущих совершенно разной жизнью, людей разного происхождения и национальности. И во всех этих письмах, среди прочего, – одна и та же вещь. В них говорится о том, как пишущие их рады тому, что открыли для себя Дхарму. И не только, те, кто пишут эти письма, хотят выразить свою благодарность Трем Драгоценностям и буддийскому движению, а также мне лично за то, что я его основал. Некоторые люди действительно выражают свою благодарность очень ярко. Они говорят, что Дхарма изменила их жизнь, придала ей смысл, спасла их от отчаяния, даже от самоубийства.

Такие благодарственные письма приходят ко мне почти каждую неделю, и это заставляет меня думать, что все эти годы не были потрачены мной впустую. Но с годами я заметил, что, хотя некоторые люди, и их большинство, остаются благодарными и даже становятся все более и более благодарными, в случае с некоторыми людьми, к несчастью, чувство благодарности ослабевает. Они начинают забывать о пользе, которую им принесли, и даже начинают задаваться

вопросом, а помогли ли им вообще. Больше не зная и не признавая того, что было для них сделано, они становятся неблагодарными. Ощущая неблагодарность к своим духовным друзьям, они могут даже начать искать в них недостатки. Такое положение вещей очень печально, и в последние годы я много думал об этом и пришел к некоторым выводам о том, почему это происходит.

Мне кажется, что люди забывают о пользе, которую им принесли, потому что на самом деле больше не ощущают ее. А не ощущают они ее, потому что по той или иной причине поставили себя в такое положение, в котором не могут ее получить. Позвольте мне привести конкретный пример. Предположим, вы начали посещать занятия по медитации. Вы учитесь медитировать и достигаете определенных результатов. Но однажды, по той или иной причине, вы прекращаете посещать занятия и постепенно перестаете практиковать дома. Вы перестаете медитировать. Со временем вы забываете, каковы были ваши переживания в медитации. Вы забываете ту радость и покой, которые вы ощущали. Вы забываете о пользе медитации. Поэтому вы перестаете ощущать благодарность по отношению к тем, кто познакомил вас с этой практикой. То же самое может произойти в отношении ретритов, обучения Дхарме, проведения времени с духовными друзьями, принятия участия в пуджах и посещения буддийских праздников. Люди просто теряют с этим связь. Они могут забыть, какую пользу им однажды принесли эти занятия, и, следовательно, перестают чувствовать благодарность к тем, кто сделал участие в них возможным.

Иногда люди снова появляются спустя время, они снова начинают посещать занятия медитации, снова отправляются в ретрит, возможно, спустя много лет. Я знал людей, которые снова восстановили контакт с Дхармой после целых двадцати двух лет – это довольно большой срок для любого человека. Когда такое случается, люди почти всегда говорят одно и то же: «Я забыл, как это было прекрасно». И, следовательно, чувствуют обновленную благодарность.

Так и должно быть. Так и должно быть, чтобы мы были благодарными, признавали пользу, которую нам принесли. Так и должно быть, чтобы мы были благодарны своим родителям, даже признавая все их несовершенства, – родителям, которые больше не совершенны, как и их дети. Так и должно быть, чтобы мы чувствовали благодарность по отношению к нашим учителям, нашим духовным друзьям и буддийской традиции. И, конечно, так и должно

быть, чтобы мы были благодарны Будде, кто, как мы поняли, сам был полон искренней и безотчетной благодарности.

Заключение: может ли духовное сообщество спасти мир?

Глава 20. Буддийский взгляд на современные мировые проблемы

В 1943 году меня направили в Индию в качестве оператора связи, а после войны я остался и провел следующие двадцать лет на Востоке, семнадцать из которых – в качестве буддийского монаха. В это время у меня была возможность – можно сказать, долг – посещать большое число публичных встреч. Вероятно, будет справедливо сказать, что индийцы равнодушны к публичным встречам. Очень часто такие встречи проводятся на открытом воздухе поздно ночью, при электрическом освещении, и продолжаются до бесконечности. На самом деле, чем больше встреча, чем дольше она продолжается, тем лучше. Чтобы встречу назвали успешной, на ней должен выступить длинный ряд ораторов, и каждый говорит, по крайней мере, час. Помнится, на одном из таких мероприятий, когда я поднялся для выступления, властный шепот позади меня приказал мне «говорить, по крайней мере, два часа».

Люди в Индии щедро распоряжаются собственным временем (и, нужно сказать, также и временем других людей), поэтому мне пришлось выслушать много речей. Некоторые из тем – и подходы к ним – стали мне очень и очень знакомы. Например, я свыкся с тем, что рано или поздно на вечере выступлений, посвященных вопросам буддизма, вполне ожидаемо можно было услышать доклад на тему буддизма и мира во всем мире. Этот вопрос поднимался регулярно, и, вне зависимости от того, кто выступал, обычно это было практически одно и то же выступление.

Прежде всего, оратор обычно давал наглядное описание ужасного положения человечества в современном мире и говорил об обычных опасениях. Он напоминал о повсеместном распространении наводнений, пожаров, эпидемий и войн, а затем указывал по порядку неопровержимые признаки всеобщего и беспрецедентного падения моральных и духовных ценностей, сосредотачиваясь в частности на поведении и взглядах современной молодежи. Затем, когда, по его мнению, вы были полностью убеждены в том, что это совершенно безрадостное будущее завершится ядерным холокостом, и решения нет, оказывалось, что спасти нас может буддизм. Буддизм, говорил он, учит ненасилию, он учит миру, любви и состраданию. Если бы все в мире следовало учениям Будды, во всем мире был бы мир, и все наши проблемы решались бы автоматически. И на этом выступление заканчивалось. Раздавались спонтанные аплодисменты, докладчик

садился на место, довольно сияя, и аудитория снова хлопала, потому что была рада узнать, что у мира, в конце концов, есть надежда. И, конечно, все в мире оставалось точно таким же, как и прежде.

Проблема подобного анализа ситуации заключается не в том, что он не верен. Если бы каждый человек в мире ежедневно медитировал, пытался развивать доброту, любовь, сострадание и радость, работал с наставлениями и следовал Благородному восьмеричному пути, – тогда не только был бы мир, был бы рай на земле. Нет, проблема подобной аргументации заключается в том, что она излишне упрощает и проблему, и решение. Как абстракция, она прекрасна, но этим она и остается – абстракцией.

Еще одна трудность разговоров о буддизме и мире во всем мире заключается в том, что буддисты – не единственные люди, ценности которых поддерживают мир во всем мире. Если бы все в мире следовали учениям джайнизма или даосизма, или определенных форм индуизма, все равно был бы мир во всем мире, без необходимости в упоминании буддизма. На самом деле, нет никакой необходимости в том, чтобы вообще привлекать к этому религию – религии не обладают монополией на мирные ценности. Если бы все следовали учениям Платона или даже Бертрانا Рассела, сразу бы установился мир во всем мире.

Поэтому если мы не просто собираемся предложить буддизм как универсальную панацею от мировых пороков, что на самом деле предлагает буддизм? Невозможно говорить о каком-то *определенном* воззрении буддизма на мировые проблемы, потому что в буддизме нет официальной партийной линии по этому вопросу. Все, что остается, – это *приблизительное* воззрение буддизма на мировые проблемы. Можно говорить о мировых проблемах только с индивидуальной точки зрения. И в качестве буддийской точки зрения ее достоверность можно измерить только тем, насколько глубокое влияние оказали на человека буддийские учения.

Тем не менее, все еще остается открытым вопрос о том, что может сказать отдельный буддист из того, что действительно имеет отношение к мировым проблемам. Все, что я могу сказать от себя, – то, что работа, которой я занялся как буддист, появилась, в значительной степени, как результат тех взглядов, которые я имею на современные мировые проблемы. Эта тема для меня – не что-то отвлеченное и второстепенное. В моем подходе к ней я в некотором роде пытаюсь прояснить смысл моего собственного существования в

качестве практикующего и работающего буддиста, то есть буддиста не только по своим внутренним убеждениям, вере и преданности, но и в том, что касается внешней активности. Моя точка зрения на современные мировые проблемы составляет своего рода философскую автобиографию, даже исповедь. Надеюсь, она покажет не только то, в чем я убежден, но и, возможно, в определенной мере, почему я в этом убежден.

Вероятно, каждый из нас мог бы составить свой собственный список мировых проблем, и нам вряд ли нужно напоминать о них: большинство из них сопутствовали нам еще на заре истории, а индустрия новостей позволяет нам следить за теми из них, что имеют более недавнее происхождение. Что нового в сегодняшних проблемах, так это тот самый факт, что мы о них слышим. Они носят глобальный характер, глобальные масштабы. Мы как будто бы действительно живем в мировой деревне, и хотя это общеизвестный и даже банальный факт, он, возможно, не так уж решительно и глубоко проник в наше сознание, как следовало бы.

Результатом глобализации стало то, что все мировые проблемы, так или иначе, оказывают влияние на всех нас, прямо или косвенно, потенциально или реально. Не так давно подавляющее большинство людей совершенно ничего не знало о проблемах людей, которые жили лишь на расстоянии нескольких долин, не говоря уже о людях на другом конце света. Катастрофические события вряд ли как-то отзывались на жизнь тех, кто не был прямо и непосредственно в них вовлечены. Даже в границах страны, опустошаемой ужасными многолетними войнами, оставались крестьяне, живущие своей повседневной жизнью и ничего не знающие о них.

Но теперь все изменилось. Мы знаем мировые проблемы как свои пять пальцев. Настоящая проблема для нас в том, как лично реагировать на них. Как нам удостовериться в том, что каждый отдельный житель мира растет здоровым душевно и телесно? Что нам делать с совершенно очевидным ростом умственных расстройств на Западе? Какова роль женщин и мужчин в современном обществе? Как работающим людям избежать болезней от перегрузок? Как безработным наилучшим образом использовать свой вынужденный отдых? Как нам удостовериться, что люди не подвергаются насилию или дискриминации на основании своей расовой принадлежности? Как нам примирить требования закона и индивидуальной свободы? Как примирить конфликт интересов суверенных национальных государств? Как нам ужиться друг с другом?

Новые вспышки напряженности между враждующими группировками в некоторых бывших европейских колониях, недостаток продуктов питания и волнения в некоторых государствах бывшего коммунистического лагеря, стесненные условия жизни и преступность в городах, наркотическая зависимость и алкоголизм, детский труд, расовая нетерпимость, промышленное загрязнение, аварии на атомных станциях, болезни, засухи, дефицит и голод, этнические чистки, – вот лишь некоторые из проблем и трудностей, с которыми мы сталкиваемся или, по крайней мере, соприкасаемся то там, то здесь, на экране телевизора и в газетных анализах. Без сомнения, существуют и многие другие, столь же угнетающие проблемы, которые я просто забыл упомянуть. У каждого из нас есть излюбленные мировые проблемы, которые кажутся нам более важными, чем остальные. Но основная проблема для каждого из нас такова: как мы сами, лично, реагируем на то, что мы воспринимаем как мировые проблемы?

Иногда наша первоначальная реакция очень сильна. На какое-то время нас совершенно охватывает негодование: мы вне себя от гнева, этому нельзя позволять происходить, нужно что-то делать, виновных – если можно найти конкретных правонарушителей – нужно привлечь к ответственности и так далее. Кроме того, мы беспокоимся и за себя лично, если есть вероятность, что проблема напрямую повлияет на нас тем или иным образом. Однако рано или поздно эта первоначальная реакция исчерпывает себя, и нас охватывает – берет над нами верх – другая реакция, беспомощность. Проблема слишком велика, слишком сложна, чтобы мы могли что-то с этим поделать. Нам очень жаль, что другие страдают, но, по крайней мере, мы можем попытаться наслаждаться нашей собственной жизнью.

Именно так, подозреваю, многие люди и относятся к мировым проблемам. Однако лично моя точка зрения заключается в том, что подобное стремление устранить от забот общества и жить чисто индивидуальными заботами недостойно человеческого существа – недостойно, по крайней мере, того, кто пытается быть человеком в полном смысле этого слова. Это уход от ответственности. Если учесть, что человек не в состоянии предложить какое-либо решение этих масштабных вопросов и одновременно не может замкнуться в себе и игнорировать их, так что же ему делать?

Мировые проблемы по самой своей природе – это, по сути, групповые проблемы и всегда были таковыми. Единственное отличие нашего времени заключается в размере вовлеченных в них групп и

разрушительной силе, которой они обладают. Но, каков бы ни был их размер, проблемы, возникающие в этих группах, нельзя решить на групповом уровне. Все, чего можно добиться на уровне группы, – это шаткое равновесие сил между конфликтующими сторонами. И это равновесие, как нам слишком хорошо известно, может быть в любой момент нарушено.

Единственная надежда для человечества – это, следовательно, непременно долгосрочное решение, которое заключается в том, чтобы все больше людей яснее представляли себе, как им нужно развиваться как личностям и сотрудничать в контексте духовных сообществ для того, чтобы разнообразными методами действительно повлиять на мир или группу. Альтернатива, стоящая перед нами, по моему мнению, такова: либо эволюция – то есть высшая эволюция личности, – либо вымирание. В качестве практических мер я бы порекомендовал четыре вида деятельности, которой может заняться личность.

1. Саморазвитие

Это означает преимущественно развитие ума, поднятие сознания на все более высокий уровень осознанности. Человеческое развитие по своей сути заключается в этом, и для большинства людей путь к достижению такого развития заключается в медитации. Практика медитации подразумевает главным образом три вещи. Во-первых, она подразумевает сосредоточение, объединение всех наших энергий, сознательных и бессознательных. Во-вторых, она включает возвышение сознания до сверхличных состояний, отказ от измерения эго в пользу высших, более обширных, даже космических измерений. А, в-третьих, она подразумевает созерцание – непосредственное проникновение незагроможденного ума – ума в состоянии высшего сознания – в глубочайшие тайны существования, видение реальности лицом к лицу. Медитация заключается в достижении всего перечисленного. Есть много различных методов, вам просто нужно найти учителя, который познакомит вас с одним или двумя из них. После этого вам нужно придерживаться этих методов и регулярно их практиковать. На самом деле, это все, что требуется.

Более сложный аспект саморазвития заключается в том, что делать с остальной жизнью для того, чтобы поддерживать свою практику медитации. Нужно следить за своим здоровьем. Нужно упростить свою жизнь, насколько это возможно, отказавшись от всех тех занятий, интересов и социальных связей, которые, как вам известно,

являются пустой тратой времени. Нужно попытаться построить свою жизнь, особенно это касается способов заработка, на этических принципах. Нужно выделить время – возможно, перейдя на работу с частичной занятостью – для обучения: для изучения Дхармы, конечно, но также и для изучения других предметов, интересующих человека в целом: философии, истории, науки, сравнительного религиоведения. Наконец, нужно найти возможности развить и сделать более утонченными свои эмоции, особенно посредством изящных искусств.

Саморазвитие всегда идет первым. Как бы активны вы не были во всех внешних сферах – политической, общественной, образовательной или любой другой – если вы не пытаетесь развиваться, вы не сможете хоть сколько-нибудь положительно повлиять на кого-то или что-то.

2. Присоединитесь к духовному сообществу

Это не обязательно означает, что вы должны присоединиться к какой-то организации или поселиться под одной крышей с другими людьми, стремящимися стать личностями. Это просто означает, что вы должны поддерживать личный, регулярный и тесный контакт с другими людьми, которые пытаются развиваться как личности. Это означает, что мы способны не только радоваться психологическому теплу стада и искать его, но и выдерживать трудности настоящего общения, подлинного духовного обмена.

3. Откажитесь от поддержки любых групп или организаций, которые на самом деле прямо или косвенно препятствуют развитию личности

Группы черпают свою силу у своих членов, поэтому главный и первый шаг к тому, чтобы ослабить силу группы – это выйти из числа ее участников. Иначе вы будете разрываться сразу в двух направлениях: с одной стороны, пытаться быть личностью, а с другой – оказывать поддержку тем самым силам, которые затрудняют этот процесс. Если вы хотите довести этот принцип до логического завершения, вы можете отказаться от поддержки государства как основной группы групп, хотя это может быть чрезвычайно трудно, хотя и желательно, сделать.

4. Поощряйте развитие личности во всех группах, принадлежности к которым вы не в силах избежать

Может случиться, что человек не сможет обойтись без круга друзей и знакомых, дома или на работе, которые не заинтересованы в каком бы то ни было саморазвитии. Ему придется номинально оставаться членом группы. Однако он все же может придерживаться того, во что верит, и высказывать свои взгляды, когда это уместно. Всегда возможно действовать в соответствии со своими идеалами, даже если другие не могут – или производят впечатление, что не могут – понять, что он делает. Можно подорвать силу группы, просто вдохновляя людей внутри нее думать самостоятельно, развивать свой ум. Поэтому в контексте группы все же можно вести работы по ее расшатыванию. Даже во враждебном лагере, так сказать, не стоит отказываться от своей индивидуальности.

Таковы четыре стратегии, которые мы можем использовать, чтобы внести значительный вклад в решение мировых проблем. Сеть духовных общин самого разного рода, многие из членов которой были бы в контакте друг с другом, может оказать достаточно большое влияние, например, может даже – как вариант – сместить центр тяжести в мировых вопросах. Духовные сообщества играли первостепенную роль в прошлом и могут, при достаточной жизнеспособности, сделать это снова.

Не имеет значения, сколь скромны наши действия и сколь ничтожна наша работа. Подлинная личность – не столько король джунглей, сколько неутомимый земляной червь. Если достаточное количество червей выроет норы даже под самым устойчивым зданием, земля начнет размягчаться и обрушиваться, фундамент осядет, и здание, скорее всего, потрескается и рухнет. Подобно этому, каким бы могущественным не казался существующий порядок, он не так уж неуязвим перед разрушительным влиянием достаточного количества работающих – прямо или косвенно – и сотрудничающих личностей

Духовное сообщество по природе своей невелико, поэтому лучшее, на что мы можем надеяться, – на множество духовных сообществ, которые образуют своего рода сеть посредством личного контакта между своими членами. Так, тихо и незаметно, мы оказываем влияние, которое, как мы должны надеяться, сможет в определенный момент сместить центр тяжести в мировых вопросах с конфликта групп на сотрудничество сообществ. Если достичь этого, если

влияние духовного сообщества пересилило бы влияние группы, то человечество в целом перешло бы на новый, более высокий этап развития, к новому виду высшей эволюции, как мне нравится ее называть, которую можно даже описать как пятый период человеческой истории.

Такой сдвиг в господствующих в мире ценностях – это, вероятно, единственное, что может спасти нас, как вид, от вымирания в недалеком будущем. Есть определенные признаки надежды, но и времени, по-видимому, осталось немного. В такой ситуации долг каждого думающего человеческого существа – оценить собственное положение и ответственность, которая ему сопутствует. Мы должны понять, что это, без сомнения, самый важный вопрос из всех, которые могут встать перед нами, лично или совокупно. Это, несомненно, более важно, чем любой чисто религиозный вопрос, все, что касается буддизма как формальной или официальной религии. Это вопрос и цели человеческой жизни, и самого нашего выживания.

Глава 21. Буддизм и западное общество

Это слишком смелое название для такой короткой главы, и я не имею намерения систематически изложить этот вопрос. Вместо этого мой подход будет совершенно субъективным, основанным на моем собственном опыте попыток привнести буддизм в западную культуру.

Живя в Индии, я привык вести простую жизнь в контексте традиционной культуры. Вернувшись в 1964 году в благополучную послевоенную Англию, я встретился с культурой, которая отличалась не только от той, к которой я привык, но и от той, которую я оставил за двадцать лет до этого. Люди говорили по-другому, одевались по-другому, вели себя по-другому. Манеры и нравственные нормы изменились – если честно, не всегда к лучшему.

В этом обществе уже присутствовал буддизм. На самом деле я первоначально вернулся в Англию, чтобы поселиться в качестве монаха в буддийской вихаре в Хэмпстеде. Однако, когда в 1967 году я основал новое буддийское движение, у меня уже было несколько предвзятых идей о том, как наиболее эффективно познакомить с буддизмом это, как мне тогда казалось, довольно странное общество.

Для меня первоначальной точкой соприкосновения была медитация. Я начал проводить еженедельные занятия в крошечном полуподвальном помещении в центре Лондона. Такое положение, мне теперь кажется, вполне соответствовало моим самым ранним вылазкам на враждебную территорию, в культуру, преданную ценностям, которые во многом противоречили моим собственным. В некотором смысле нужно было работать тайно, как подпольное движение, во многом подобно тому, как первые христиане в Риме, как полагают, встречались в катакомбах, чтобы укрыться от преследований. Нам очень повезло, поскольку на Западе мы не подвергаемся открытому преследованию, но современные ценности, противоположные религиозной вере любого рода, – такие, как материализм, стремление к потреблению и релятивизм – воздействуют на нас незаметно, но всепроникающе, и это делает противостояние им еще более трудным.

На этих «подпольных» занятиях по медитации я обучал двум методам медитации – осознанному дыханию, известному на пали как *анапанасати*, и развитию всеобъемлющей любящей доброты, *метта-бхаване*. Довольно скоро люди, регулярно посещающие эти занятия, стали заметно спокойнее, увереннее и счастливее, как и ожидалось. Есть много способов дать определение медитации, но очень простыми словами можно сказать, что она позволяет уму

работать с собой напрямую для того, чтобы улучшить качество сознательного опыта человека и таким образом поднять его уровень сознания в целом. Этот процесс может быть дополнен различными непрямими методами возвышения сознания, такими, как хатха-йога, тай цзи цзюань и подобными физическими упражнениями, а также практикой искусства и наслаждением им. Таким образом, интеграция буддизма в западное общество начинается с того, что, по крайней мере, некоторые члены этого общества поднимают уровень своего сознания как напрямую, посредством медитации, так и косвенно, с помощью различных других занятий.

Спустя несколько месяцев мы провели наш первый ретрит в деревне, длившийся всего неделю. На нем присутствовало пятнадцать-двадцать человек из тех, кто регулярно приходил на еженедельные занятия по медитации. На этом ретрите мы вместе медитировали, участвовали в различных практиках поклонения и обсуждали Дхарму. Некоторые из участвующих в ретрите приехали на него, чтобы углубить свой медитативный опыт, и им удалось это сделать. Но все обнаружили, что самого пребывания вдали от города, вдали от повседневной рутины рабочих и домашних дел, в окружении других буддистов и размышлениях только о Дхарме, было достаточно, чтобы возвысить их уровень сознания. Это была еще одна точка соприкосновения: смена окружения, смена условий, в которых живут люди. То есть сознание можно возвысить, по крайней мере, до некоторой степени, изменив общество.

Внедрение буддизма в западное общество подразумевает изменение западного общества. Поскольку на уровень нашего сознания воздействуют внешние условия, недостаточно работать напрямую с умом посредством медитации. Мы не можем изолировать себя от общества или игнорировать условия, в которых живем мы и другие. Мы должны облегчить каждому, кто живет в этом обществе и хочет вести жизнь, посвященную Дхарме, эту задачу. В той мере, в которой буддизму не удалось изменить западное общество, буддизм не интегрировался в западное общество. Для того, чтобы изменить западное общество, необходимо создавать западные буддийские организации и формировать образ жизни западных буддистов.

Таким образом, побывав на нескольких ретритах, некоторые люди, которые принимали в них участие, решили сделать все возможное, чтобы продлить этот опыт. Они основали духовные сообщества совместного проживания, чтобы иметь возможность жить с другими буддистами и высвободить время и пространство для своей практики

Дхармы, обрести поддержку и вдохновение. Некоторые из этих общин теперь состоят лишь из двух-трех людей, живущих вместе, другие – доходят до тридцати человек. Некоторые члены общин работают на обычных должностях, подобно другим людям, а другие полностью заняты в буддийских организациях и предприятиях. Наиболее успешны и типичны общины, в которых собраны люди одного пола. Были попытки создания общин, где жили совместно мужчины и женщины, иногда с детьми, но они редко оказывались успешными. Очевидно, что подобное положение дел всегда приводит к возникновению дополнительных сложностей.

Возможно, наиболее характерные буддийские организации – это то, что мы называем коллективными предприятиями или проектами правильного добывания средств к существованию. Однако способ зарабатывать деньги – это вопрос, которому уделяют большое внимание все буддисты. «Правильные способы зарабатывать средства к существованию» – это, как мы видели, пятый шаг на Благородном восьмеричном пути Будды. Поэтому третья точка соприкосновения с западным обществом – экономическая.

В нашем случае все произошло так: некоторые из тех, кто жили в общинах, поняли, что они были бы более счастливы, если бы могли работать с другими буддистами, а не только жить вместе. Этот командный аспект работы стал важным принципом наших предприятий. Но фундаментальный принцип буддийской работы заключается в том, что она должна быть этичной, и когда достаточное количество людей обнаружило, что их обычные работы недостаточно этичны, они решили основать предприятия, где бы они были бы таковыми, и которые, следовательно, можно было бы назвать «проектами правильного добывания средств к существованию». Третий фактор, который оказал влияние на установление основополагающих принципов предприятий, выявился во время создания комплекса для буддийского центра и общины в Бетнал-Грин в Восточном Лондоне. Большие суммы денег, необходимые для завершения работы, были собраны не только с помощью обращения за поддержкой к щедрым благотворителям, хотя такие пожертвования всегда приветствуются, но и с помощью создания кооперативных предприятий правильного добывания средств к существованию – как их тогда называли, – которые жертвовали свою прибыль на создание буддийского центра.

Основание предприятий правильного добывания средств к существованию привело к четырем последствиям. Они обеспечивали

материально тех, кто на них работал, позволяли буддистам работать друг с другом, они осуществляли свою деятельность в соответствии с этическими принципами буддизма и обеспечивали финансовую поддержку буддийским и гуманитарным акциям.

В целом, это буддийское движение пытается создать условия, которые были бы благотворны для развития человека. Это достигается тремя основными способами, соответствующими трем центральным аспектам обычной человеческой жизни, которые в совокупности оказывают неблагоприятное воздействие на духовное развитие – это нуклеарная семья, работа и отдых. Идея заключается в том, чтобы предоставить возможности для коренного изменения этих краеугольных камней современной жизни и там, где возможно, предложить более благоприятную альтернативу им.

Во-первых, общины совместного проживания могут предложить альтернативу застывшим отношениям, особенно тесному клубку отношений в семье – довольно тесной и закрытой, невротической системе из пары людей, которые больше не общаются между собой, но окружены одним или двумя детьми, двумя машинами, тремя телевизорами, собакой, кошкой и волнистым попугайчиком. Во-вторых, командные проекты правильного добывания средств к существованию предоставляют альтернативу заработку, который вредит развитию человека и приводит к эксплуатации других. И, в-третьих, различные виды деятельности, обеспечиваемые и поощряемые духовной общиной, как те, что напрямую связаны с Дхармой, так и те, которые более косвенно способствуют духовному росту, дают нам возможность с пользой употребить свободное время. Они становятся альтернативой тем видам деятельности, которые просто позволяют нам заполнить время, забывая о напряжении на работе или в семейной жизни и слишком часто – забыть о себе. Эти три вещи в совокупности составляют ядро нового общества, они представляют собой возможности преобразить условия, которые чаще всего неблагоприятны для духовного развития, в условия, которые для него благоприятны.

То, как ведется каждый конкретный проект, зависит от личностей, которые принимают в нем участие. Каждая из этих организаций должна действовать автономно. Тем, кто управляют ими, приходится принимать собственные решения и брать ответственность на себя. В то же самое время, в качестве аспекта развития сангхи, люди с похожей ответственностью за похожие учреждения непременно встречаются регулярно, чтобы обменяться замечаниями, поддержать

друг друга и дать друг другу советы.

На протяжении первых нескольких лет существования движения я также читал публичные лекции, в которых стремился передать фундаментальные аспекты буддизма так, чтобы это было одновременно понятно западной аудитории и соответствовало буддийской традиции. Это была еще одна точка соприкосновения с западным обществом: введение буддийских представлений в западный интеллектуальный контекст. Под буддийскими представлениями я имею в виду не тонкости вероучения или философии. Я имею в виду идеи, которые настолько фундаментальны, что сами буддисты часто воспринимают их как нечто само собой разумеющееся и не осознают их значение в полной мере. Такова, например, идея о том, что религия не обязательно подразумевает веру в существование Бога, создателя вселенной и ее правителя. Еще одна, связанная с ней, идея заключается в том, что возможно вести нравственную жизнь, возвышать уровень сознания и постигать запредельную реальность, не прибегая к помощи какой-то внешней сверхъестественной силы. Если буддизм должен интегрироваться в западное общество, подобные фундаментальные идеи должны стать знакомы всем образованным жителям Запада.

Однако самый важный вид интеграции, без которого не могут существовать все другие виды, – это интеграция отдельного буддиста в западное общество. В конце концов, именно отдельный буддист – это тот, кто медитирует: медитация не существует как абстракция. Подобно этому, именно отдельный буддист отправляется на ретрит, работает на предприятии правильного добывания средств к существованию, передает другим основополагающие идеи буддизма. Без отдельного буддиста не может быть интеграции буддизма в западное общество.

Отдельный буддист – это, как мы видели, тот, кто обращается к Прибежищу в Трех драгоценностях. Он делает это не изолированно, а в окружении других личностей, которые также обращаются к Прибежищу. То есть он принадлежит к сангхе или духовному сообществу в самом широком смысле этого слова. Именно сангха, а не отдельный буддист, поднимает уровень сознания людей, живущих в западном обществе, изменяет общество путем создания буддийских социальных и экономических институтов и вводит основополагающие идеи буддизма в западный интеллектуальный контекст. Именно это, более обширное духовное сообщество оказывает влияние на психологическую, социальную, экономическую и интеллектуальную

интеграцию буддизма в западное общество. Для этого и предназначена сангха. Это и есть сангха.

Примечания

1. Подробнее об этих переживаниях читайте в книге Сангхаракшиты «Радужный путь» («Вайнхорс», Бирмингем, 1997, с. 80 и далее).
2. Подробнее об этих определениях читайте в книге Сангхаракшиты «Что такое Дхарма?» («Вайнхорс», Бирмингем, 1998, с. 6-8).
3. Канонические упоминания можно обнаружить в «Виная-кулавагге» (10, 5) и «Ангуттара-никае» (8, 53). См. также Бхиккху Нанамоли, «Жизнь Будды» (Буддийское издательское общество, Канди, 1992, с. 107-108).
4. «Алагаддупама-сутта» («Маджхима-никая», 22).
5. «Адхьясаясамкодана-сутта». Цитируется Шантидевой. См. «Шикша-самуччайю» в переводе Сесил Бендал и У. Г. Д. Роуза («Мотилал Банарсидасс», Дели, 1971, с. 17)
6. См. «Дхаккхинавибханга-сутту» («Маджхима-никая», 142, строфы 1-2).
7. История первой проповеди Будды рассказывается в «Махавагге» из «Винайя-питаки». Ее приводит, например, Бхиккху Нанамоли в книге «Жизнь Будды» (Буддийское издательское общество, Канди, 1992, с.41-47).
8. См. книгу Стивена Бейчелора «Пробуждение Запада» («Торсонз», Лондон, 1995, с. 232 и далее).
9. Понятие прибежища было известно в буддизме с самого начала. Согласно «Винайя-питаке», первые два человека, встретившиеся Будде после его Просветления (это были два торговца по имени Тапусса и Бхалука) воскликнули: «Мы обращаемся к прибежищу в Благословенном и Дхамме». См. Нанамоли, там же, с. 34. Также см. «Дхаммападу», с. 188-192.
10. Подробнее о подобном видении Обращения к прибежищу см. Сангхаракшиту, «Значение обращения в буддизме» («Вайнхорс», Бирмингем, 1994, гл. 1).
11. Можно, например, услышать, что в буддизме вера не «слепа», но традиционно основывается на трех вещах: интуиции, разуме и опыте.
12. «Дигха-никая», 16. Цит. по Нанамоли, там же, с. 286-289.
13. «Самьютта-никая» (3, 18).

14. О пратьекабуддах читайте у Реджинальда Рея, «Буддийские святы в Индии» «Оксфорд университети пресс», Оксфорд и Нью-Йорк, 1994, гл. 7).

15. «Предположим, монахи, что осел следует за стадом коров, думая: «И я корова, и я корова». Но он не походит на коров цветом, голосом или копытами. Он просто следует за стадом коров, думая: «И я корова! И я корова!» Точно так же, монахи, у нас есть монахи, которые следуют за монашеской общиной и думают: «И я монах! И я монах!» Но у них нет желания приступить к упражнению ни в высших добродетелях, которыми обладают другие монахи, ни в высших помыслах, ни в высшем проникновении, которым обладают другие монахи. Они просто следуют за другими, думая: «И я монах! И я монах!» («Самьютта-никайя», 3, 9, 81 в «Книге постепенных речений», т. 1, в переводе Ф. Л. Вудворда, Общество палийских текстов, Оксфорд, 1995, с. 109).

16. «Дхаммапада», 194.

17. Эти правила составляют пратимокшу, ряд практических правил, записанных в «Винайя-питаке», как утверждается, со слов самого Будды. Версии, которым следуют разные буддийские традиции, незначительно отличаются. См. Сангхаракшита, «Три Драгоценности» («Вайнхорс», Бирмингем, 1998, с. 185-187).

18. См. «Самьютта-никайю», гл. 28, раздел 1 («Книга сходных речений», часть 3, в переводе Ф.Л. Вудворда и Рис Дэвидс, Общество палийских текстов, Оксфорд, с. 186).

19. Подробнее об Ананде Майтрейе см. у Стивена Бейчелора в книге «Пробуждение Запада» (Торсонз», Лондон, 1995, с. 40-41).

20. Будда часто описывал путь к Просветлению в этом контексте и, согласно Палийскому канону, делал это неоднократно и в последние дни. См. «Дигха-никайя», 16, а также Нанамоли, там же, с. 291. Описание Трехчленного пути см. у Сангхаракшиты, «Что такое Дхарма?» («Вайнхорс», Бирмингем, 1998, гл. 10-12).

21. Каноническое упоминание трех уровней мудрости см. в «Дигха-никайе», 33, а истолкование у Сангхаракшиты в книге «Что такое Дхарма?» («Вайнхорс», Бирмингем, 1998, с. 148-150).

22. Согласно писаниям, Будда приводит эту четырехчленную классификацию несколько раз; см., например, «Дигха-никайю», 2, 252, а тж. Нанамоли, там же, с. 162.

23. См. Нанамоли (там же, с. 162).
24. Описание происхождения Палийского канона и его структуры см. в книге Сангхаракшиты «Вечное наследие» («Тхарпа», Лондон, 1985, гл. 1-7).
25. См. Сангхаракшита, «Идеал Бодхисаттвы» («Вайнхорс», Бирмингем, 1999, с. 180-185).
26. Канонические упоминания можно найти в «Маджхима-никае», 1, 243-245 и «Дигха-никае», 3, 234.
27. «In Memoriam А.Н.Н.», песнь 96.
28. «Ричард II», акт 5, сцена 5.
29. Евангелие от Марка, 2, 27.
30. Подробнее о трех оковах читайте у Сангхаракшиты в книге «Вкус свободы» («Вайнхорс», Бирмингем, 1997, гл. 1, в которой три оковы описываются как привычка, поверхностность и неопределенность).
31. Этой медитации обучал сам Будда, и ее практикуют буддисты большинства школ. Краткое ее описание см. у Сангхаракшиты, «Что такое Дхарма», там же, с. 190-192.
32. См. Георг Вильгельм Фридрих Гегель, «Философия истории» («Доувер пабликешнз», Нью-Йорк, 1956).
33. См. Арнольд Дж. Тойнби, «Исследование истории: развитие цивилизаций» («оксфорд университети пресс», Нью-Йорк, 1962).
34. См. Френсис Фукуяма, «Конец истории и последний человек» («Эйвон Букс», 1997).
35. См. Карл Ясперс, «Истоки и цель истории» (Рутледж и Кеган Пол», Лондон, 1953).
36. «Философия истории», там же, с. 319.
37. «Самое верное описание европейской философской традиции заключается в том, что она представляет собой серию примечаний к Платону». А.Н. Уайтхед, «Процесс и реальность», 1929, ч. 2, гл. 1.
38. «Философия истории», там же, с. 2-3.
39. Школа Ничирена (1222-1282) основывает свои учения на «Сутре белого лотоса». Самая известная и широко распространенная современная школа на основе буддизма Ничирен – Сока Гаккай.

40. См. Сангхаракшита, «Идеал бодхисаттвы» («Вайндхорс», Бирмингем, 1999, гл. 2 «Пробуждение сердца Бодхи»).
41. См. «Амитаюр-дхьяна-сутру» в «Буддийских текстах Махаяны» под ред. Э. Б. Коувелла и др. («Мотилал Банарсидасс», Дели, 1997, с. 161-201).
42. Традиционные описания различаются. В «Маджхима-никае» (сутра 26) Будда просто говорит, что «хотя мои мать и отец желали другого, и их лица стали мокры от рыданий», он сбрил волосы и бороду, надел одеяние странника и оставил дом. Но в других биографиях, особенно принадлежащих к Махаяне, очень подробно, как отмечается здесь, описывается печальный уход Будды. Именно эту, более позднюю версию истории использовал сэр Эдвин Арнольд в своей эпической поэме о жизни Будды «Свет Азии».
43. Это то, что Будда (в «Дигха-никае», 11) называет «чудом наставлений».
44. Подробнее о подобной классификации видов осознанности см. Сангхаракшита, «Благородный восьмеричный путь Будды», гл. 7, «Уровни осознанности».
45. См. Дуайт Годдард, «Буддийская Библия» («Бикон Пресс», Бостон, 1970, с. 612).
46. Дж. Хиршман (редактор), «Антология Антонена Арто» («Сити лайт букс», Сан-Франциско, 1965, с. 222).
47. «Маджхима-никая», 36, см. также Нанамоли, там же, с. 21.
48. Владимир Набоков в беседе с Джеймсом Моссманом, «Лиссенер», 23 октября 1969 г.
49. Подробнее об уровнях сознания читайте у Робина Купера, «Развитие ума» («Вайндхорс», Бирмингем, 1996, гл. 6).
50. Несомненно, здесь можно задаться вопросом, не является ли эта концепция «запредельной осознанности» более или менее той же, что и концепция абсолютного существования. Дальнейшие размышления над этой темой можно прочесть в книге Сангхаракшиты «Идеал бодхисаттвы», там же, с. 38.
51. «Бхагавад-гита», гл. 7, стих 3.
52. «Дхаммапада», 182.
53. «Анналы», 13, 3.

54. (Время выхода в печать неизвестно).

55. Его объяснение анатты было, согласно Палийским записям, аспектом учения Будды его первым пяти ученикам; см. Нанамоли, с. 46. Сущность учения заключается в том, что невозможно отождествить какой-либо аспект вашего существа – будь это материальная форма, чувства, восприятия, волю или сознание – с «я». В то же самое время, существование человека состоит исключительно из этих элементов (традиционно называемых пятью скандхами); нет никакого «подлинного я» или души, которая бы, так сказать, стояла за ними – нет неизменной сущности – и, следовательно, в каком-то смысле, нет «я», которое перерождается. Существование человека – просто постоянно изменяющаяся комбинация этих пяти элементов. Возможно, поэтому лучше всего понимать это в контексте отсутствия фиксированного «я».

56. «Стремление к системе: в философе, говоря с точки зрения морали, незаметное искажение, болезнь характера, если отвергнуть мораль – его желание казаться глупее, чем он есть...» См. Уолтер Кауфманн, «Ницше: философ, психолог, антихрист» («Пристон юниверсити пресс», 1975, с. 80).

57. Там же.

58. Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра» («Пенгвин», Лондон, 1961, с. 41).

59. Там же, с. 43.

60. Кауфманн, там же, с. 151.

61. «Обработка» характера – великое и редкое искусство! Ее выполняют те, кто видят все сильные и слабые стороны своей собственной природы и затем постигают их на уровне искусства, пока все не проявляется как искусство и разум». Кауфманн, там же, с. 251.

62. Кауфманн, там же, гл. 6.

63. «Дхаммапада», 103.

64. Подробнее о бодхичитте см. Сангахаракшита, «Идеал бодхисаттвы» («Вайндхорс», Бирмингем, 1999, гл. 2, «Пробуждение сердца Бодхи».

65. См. «Некоторые примечания к моей поэзии» в «Собрании стихотворений» («Макмиллан», Лондон, 1957, с. xv-xlvi).

66. Эти гравюры можно увидеть в Британском музее.

67. Сангхаракшита, «Религия искусства» («Вайндхорс», Глазго, 1988, с. 84-85).

68. Точно так же, как глаз видит форму, ухо слышит звуки и так далее, ум вступает в контакт с объектами ума: идеями, воспоминаниями и т.д. Ум, таким образом, классифицируется как орган чувств в том же смысле, как органы, связанные с пятью физическими чувствами.

69. Владимир Набоков в беседе с Джеймсом Моссманом, «Лиссенер», 23 октября 1969 г.

70. Описание того, как работает практика визуализации, см. у Вессантары, «Встречая Будд» («Вайндхорс», Бирмингем, 1993, гл. 2, «Развитие буддийской визуализации»).

71. См. «Пуджа» («Вайндхорс», Бирмингем, 1999, с. 37).

72. «Дигха-никая», 31.

73. См. Платон, «Последние дни Сократа» («Пенгвин», Хармондсворт, 1969).

74. Ср. «Удана» (2, 3) и строфу 4.

75. Морис Уолш (переводчик), «Длинные проповеди Будды» («Виздом пабликейшнз», Бостон, 1995, с. 67-68).

76. «Маджхима-никая», 72.

77. «Субхути, что ты думаешь? Обрел ли Татхагата совершенство несравненного просветления? Есть ли у Татхагаты учение, которое он мог бы поведать?»

Субхути ответил: «Насколько я понял то, что имел в виду Будда, нет изложения истины, названной совершенством несравненного просветления. Почему? Потому что Татхагата сказал, что эту истину невозможно вместить и выразить. Она ни существует, ни не существует».

А. Ф. Прайс (переводчик), «Алмазная сутра» («Шамбала», Бостон, 1990, с. 24).

78. См. «Писание Ланкававатары» в «Буддийской Библии» («Бикон пресс», Бостон, 1970, с. 348).

79. Рассказ о встрече Сангхаракшиты с Анандамайи, «благословенной матерью», можно найти в «Радужном пути» («Вайндхорс», Бирмингем, 1997, гл. 20).

80. Эта история рассказывается в «Махавагге» «Винайя-питаки», и упоминается у Нанамоли, там же, с. 77.
81. Порфирий в «Плотине», пер. А. Г. Армстронг («Хайнеманн», Лондон, 1966, т. 1, с. 3 и далее).
82. «Дигха-никайя», 25, раздел 22.
83. «Гамлет», акт 1, сцена 4.
84. Понятие о ближних и дальних врагах заимствовано из «Вишуддхимагги», в которой Буддагхоша определяет ближние и дальние враги эмоций, таких, как любящая доброта и сострадание. Дальний враг – это то, что прямо противостоит позитивному качеству, которое хочет развивать человек, и враждебно ему: следовательно, злоба – это дальний враг любящей доброты. Ближний друг – это, напротив, то, что настолько похоже на желаемое качество, что их легко спутать: следовательно, говорят, что ближний враг любящей доброты – это сентиментальная привязанность или потребность (пема). См. Буддагхоша, «Путь очищения (Вишуддхимагга)», пер. Бхиккху Нанамоли (Буддийское издательское общество, Канди, 1991, с. 311).
85. «Потерянный рай», книга 5, 896-907.
86. См. выше прим. 41.
87. «Дигха-никайя», 3, 190.
88. Шантидева, «Бодхичарья-аватара», пер. Кейт Кросби и Эндрю Скилтона («Оксфорд юниверсити пресс», Оксфорд, 1995, гл. 8, строфы 112 и далее).
89. «Дигха-никайя», 3, 190.
90. См. Сангхаракшита, «Непостижимое освобождение» («Вайндхорс», Бирмингем, 1995, с. 51-54).
91. «Разве религия и политика – не одно и то же? Братство – это религия, / О, проявления разума, разделяющие семьи жестокостью и грдостью!» Уильям Блейк, «Иерусалим», лист 57, строки 10-11.
92. Подробнее о модусе любви и модусе силы читайте в книге Сангхаракшиты «Десять столпов буддизма» («Вайндхорс», Бирмингем, 1996, с. 58-59).
93. Цит. по Нанамоли, там же, с. 130-132.
94. См. Сангхаракшита, «Десять столпов буддизма» («Вайндхорс»,

Бирмингем, 1996, с. 68).

95. «Дигха-никайя», 19.

96. См. Сангхаракшита, «Десять столпов буддизма» («Вайндхорс», Бирмингем, 1996, с. 60-66).

97. Более подробно о правильном добывании средств к существованию как о звене Благородного восьмеричного пути читайте в книге Сангхаракшиты «Благородный восьмеричный путь Будды», гл. 5, «Идеальное общество».

98. Этот список можно найти в «Ангуттара-никае» (5, 177). Он цитируется у Нанамоли, там же, с. 239.

99. «Дигха-никайя», 31, раздел 32.

100. «Дхаммапада», 49.

101. Подробнее о пути видения и пути преображения читайте в книге Сангхаракшиты «Благородный восьмеричный путь Будды».

102. См., например, «Лалитавистару» в «Голосе Будды», пер. Гвендолин Бейс («Дхарма пабблишинг», Беркли, 1983, т. 2, с. 570) или «Абхинишкрамана-сутру» в «Романтической легенде Шакья Будды», пер. Сэмюэл Бил («Мотилал Банарсидасс», Дели, 1985, впервые опубли. в 1875, с. 237.

103. Хуан Цанг в «Буддийских описаниях западного мира», пер. Сэмюэл Бил («Мотилал Банарсидасс», Дели, 1981, впервые опубли. в 1884, ч. 2, с. 123).

104. «Почтение, скромность, умеренность, благодарность и долгое слушание Дхармы – вот самые благоприятные знаки». «Махамангала-сутта» в «Сутта-нипате», строфа 265. Это перевод Г. Саддхатиссы («Керсон пресс», Лондон, 1985, с. 29).

105. Из «Сигалака-сутты» (также известной как «Сигаловада-сатта»), «Дигха-никайя», 3, 188. Это перевод из «Длинные проповеди Будды», пер. Морис Уолш («Виздом паббликейшнз», Бостон, 1995, с. 467).

106. «Дхаммапада», 354.

107. «Ангуттара-никайя», 4, 22, 213.

108. Описание этой практики, данное Буддой, можно найти в «Махасатипаттхана-сутте», «Дигха-никайя», 2, 291.

Содержание

Об авторе		5
Часть I	Введение: группа и духовное сообщество	6
Глава 1. Драгоценность Сангхи		9
Глава 2. Традиционная Сангха		20
Глава 3. Личность: сущность сангхи		33
Глава 4. История духовного сообщества		40
Глава 5. Группа и духовное сообщество		51
Глава 6. Авторитет		63
Глава 7. Позитивная группа и новое общество		71
Глава 8. Путь неудовлетворенности		78
Часть II	Введение: подлинная личность	85
Глава 9.	Эволюция личности	92
Глава 10.	Целостная личность	103
Глава 11.	Выход за пределы «я»	111
Глава 12.	Человек искусства как подлинная личность	123
Часть III	Введение: сеть личных отношений	137
Глава 13.	Как быть родителем-буддистом	147
Глава 14.	Необходим ли гуру?	161
Глава 15.	Верность	179
Глава 16.	Значение дружбы	192
Глава 17.	Буддизм и деловые отношения	200
Глава 18.	Отсутствие эксплуатации	209
Глава 19.	Благодарность	216
Заключение: может ли духовное сообщество спасти мир?		
Глава 20.	Буддийский взгляд на современные мировые проблемы	233
Глава 21.	Буддизм и западное общество	241
Примечания		247